
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ № 8 2020 ИССЛЕДОВАНИЯ

ISSN 1812-7339

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ = 1,087

Журнал издается с 2003 г.

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ = 0,440

Электронная версия: <http://fundamental-research.ru>

Правила для авторов: <http://fundamental-research.ru/ru/rules/index>

Подписной индекс по электронному каталогу «Почта России» – ПА035

Главный редактор

Ледванов Михаил Юрьевич, д.м.н., профессор

Зам. главного редактора

Бичурин Мирза Имамович, д.ф.-м.н., профессор

Ответственный секретарь редакции

Бизенкова Мария Николаевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.э.н., проф. Алибеков Ш.И. (Кизляр); д.э.н., проф. Бурда А.Г. (Краснодар); д.э.н., проф. Василенко Н.В. (Отрадное); д.э.н., доцент, Гиззатова А.И. (Уральск); д.э.н., проф. Головина Т.А. (Орел); д.э.н., доцент, Довбий И.П. (Челябинск); д.э.н., доцент, Дорохина Е.Ю. (Москва); д.э.н., проф. Зарецкий А.Д. (Краснодар); д.э.н., проф. Зобова Л.Л. (Кемерово); д.э.н., доцент, Каранина Е.В. (Киров); д.э.н., проф. Киселев С.В. (Казань); д.э.н., проф. Климовец О.В. (Краснодар); д.э.н., проф. Князева Е.Г. (Екатеринбург); д.э.н., проф. Коваленко Е.Г. (Саранск); д.э.н., доцент, Корнев Г.Н. (Иваново); д.э.н., проф. Косякова И.В. (Самара); д.э.н., проф. Макринова Е.И. (Белгород); д.э.н., проф. Медовый А.Е. (Пятигорск); д.э.н., проф. Покрытан П.А. (Москва); д.э.н., доцент, Потышняк Е.Н. (Харьков); д.э.н., проф. Поспелов В.К. (Москва); д.э.н., проф. Роздольская И.В. (Белгород); д.э.н., доцент, Самарина В.П. (Старый Оскол); д.э.н., проф. Серебрякова Т.Ю. (Чебоксары); д.э.н., проф. Скуфьина Т.П. (Апатиты); д.э.н., проф. Титов В.А. (Москва); д.э.н., проф. Халиков М.А. (Москва); д.э.н., проф. Цапулина Ф.Х. (Чебоксары); д.э.н., проф. Чиладзе Г.Б. (Тбилиси); д.э.н., доцент, Федотова Г.В. (Волгоград); д.э.н., доцент, Ювица Н.В. (Астана); д.э.н., доцент, Юрьева Л.В. (Екатеринбург)

Журнал «Фундаментальные исследования» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство – ПИ № ФС 77-63397.

Все публикации рецензируются.

Доступ к электронной версии журнала бесплатный.

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ = 1,087.

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ = 0,440.

Учредитель, издательство и редакция:

ООО ИД «Академия Естествознания»

Почтовый адрес: 105037, г. Москва, а/я 47

Адрес редакции: 440026, Пензенская область, г. Пенза, ул. Лермонтова, 3

Ответственный секретарь редакции

Бизенкова Мария Николаевна

+7 (499) 705-72-30

E-mail: edition@rae.ru

Подписано в печать 28.08.2020

Дата выхода номера 29.09.2020

Формат 60x90 1/8

Типография

ООО «Научно-издательский центр

Академия Естествознания»,

410035, Саратовская область, г. Саратов, ул. Мамонтовой, 5

Технический редактор

Байгузова Л.М.

Корректор

Галенкина Е.С., Дудкина Н.А.

Распространение по свободной цене

Усл. печ. л. 12,75

Тираж 1000 экз.

Заказ ФИ 2020/8

© ООО ИД «Академия Естествознания»

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки (08.00.05, 08.00.10, 08.00.13, 08.00.14)

СТАТЬИ

ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКИ <i>Андреева О.В., Мелехова М.А., Туриченко Л.П., Чернобай О.С.</i>	7
ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНА <i>Гайнутдинова Е.А., Осипов А.К., Кондратьев Д.В.</i>	12
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ <i>Димитриев А.Д., Антонова Е.И., Горячева Е.Д., Трифонов А.Ю., Андреева М.Г., Михайлова Л.В.</i>	17
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ОРГАНИЗАЦИИ <i>Евсеева С.А., Герасимова М.М.</i>	24
МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТОВ РАСТЕНИЕВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ) <i>Киварина М.В., Юрина Н.Н.</i>	29
РАЗВИТИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ <i>Климошенко М.И., Билиходзе А.К., Парушина Н.В.</i>	35
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА <i>Кузнецов Н.В., Котова Н.Е.</i>	40
ОЦЕНКА СВЯЗЕЙ И ЗАВИСИМОСТЕЙ МЕЖДУ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ РЕГИОНОВ РОССИИ <i>Магомедгаджиев Ш.М., Гасанова Н.Р., Шарифов М.Ш.</i>	45
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ <i>Макаревич А.Н.</i>	50
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА <i>Матвеева Е.В., Гоосен Е.В., Каган Е.С., Никитенко С.М.</i>	56
ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО И ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Мерзлов И.Ю.</i>	61
УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ <i>Новосельцева М.М.</i>	66
ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА <i>Урунов А.А., Левина Л.Ф., Юсупова М.Р.</i>	72

АРХИТЕКТУРА И КЛАССИФИКАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ УНИВЕРСИТЕТА
В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Ускенбаева Р.К., Молдагулова А.Н., Сатыбалдиева Р.Ж., Касымова А.Б., Кальпеева Ж.Б. 78

СОСТОЯНИЕ ПУНКТОВ ПРОПУСКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ
КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Шароценко И.В. 86

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ФИЗИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Яшкова Н.В. 92

ОБЗОРЫ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТРАСЛЕВЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ УСЛУГ:
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Пьянкова С.Г. 97

CONTENTS
Economic sciences (08.00.05, 08.00.10, 08.00.13, 08.00.14)
ARTICLES

FINANCIAL INSTITUTIONS AND INSTRUMENTS OF THE GREEN ECONOMY <i>Andreeva O.V., Melekhova M.A., Turichenko L.P., Chernobay O.S.</i>	7
PROBLEMS OF REPRODUCTION OF HUMAN RESOURCES IN RURAL AREAS OF THE REGION <i>Gaynutdinova E.A., Osipov A.K., Kondratev D.V.</i>	12
MODERN PROBLEMS OF MANAGEMENT ORGANIZATION IN THE PUBLIC CATERING SYSTEM <i>Dimitriev A.D., Antonova E.I., Goryacheva E.D., Trifonova A.Yu., Andreeva M.G., Mikhaylova L.V.</i>	17
FUNCTIONAL MODEL OF THE ORGANIZATION'S RISK MANAGEMENT SYSTEM <i>Evseeva S.A., Gerasimova M.M.</i>	24
METHODOLOGY FOR ASSESSING THE DIGITAL TRANSFORMATION OF PLANT GROWING SUBJECTS (ON THE EXAMPLE OF THE NOVGOROD REGION) <i>Kivarina M.V., Yurina N.N.</i>	29
DEVELOPMENT OF RISK-BASED MANAGEMENT IN NON-PROFIT ORGANIZATIONS <i>Klimoshenko M.I., Bilikhodze A.K., Parushina N.V.</i>	35
USING THE INSTITUTE OF PUBLIC CORPORATIONS FOR ENSURE ECONOMIC GROWTH <i>Kuznetsov N.V., Kotova N.E.</i>	40
EVALUATION OF RELATIONSHIPS AND DEPENDENCIES BETWEEN INDICATORS OF DIGITAL ECONOMY AND SOCIO-ECONOMIC INDICATORS OF REGIONS OF RUSSIA <i>Magomedgadzhiev Sh.M., Gasanova N.R., Sharifov M.Sh.</i>	45
CONCEPTUAL UNDERSTANDING OF ENTREPRENEURSHIP'S SOCIALIZATION IN MODERN RUSSIA <i>Makarevich A.N.</i>	50
SOME ASPECTS OF THE STUDY OF FACTORS ECONOMIC AND SOCIO-POLITICAL STRESS IN THE REGION IN THE GLOBAL CRISIS <i>Matveeva E.V., Goosen E.V., Kagan E.S., Nikitenko S.M.</i>	56
PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: PROBLEMS AND PROSPECTS <i>Merzlov I.Yu.</i>	61
STANDARDS OF LIVING OF POPULATION IN THE CONTEXT OF FINANCIAL AND ECONOMIC LITERACY <i>Novoseltseva M.M.</i>	66
THE FORMATION OF COMPETITIVE ADVANTAGES IN THE BANKING SECTOR OF THE FINANCIAL MARKET <i>Urunov A.A., Levina L.F., Yusupova M.P.</i>	72
ARCHITECTURE AND CLASSIFICATION OF UNIVERSITY BUSINESS PROCESSES IN THE NEW CONDITIONS <i>Uskenbayeva R.K., Moldagulova A.N., Satybaldiyeva R.Zh., Kasymova A.B., Kalpeeva Zh.B.</i>	78

THE STATE OF CHECKPOINTS IN RUSSIA'S FAR EAST AS A CONDITION
OF THE REGION'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Sharoshchenko I.V. 86

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE PHYSICAL AVAILABILITY OF FOOD

Yashkova N.V. 92

REVIEWS

IMPROVEMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL SERVICES MARKETS:
RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Pyankova S.G. 97

СТАТЬИ

УДК 338.24

**ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ
«ЗЕЛЕННОЙ» ЭКОНОМИКИ****Андреева О.В., Мелехова М.А., Туриченко Л.П., Чернобай О.С.***Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону,
e-mail: olvandr@ya.ru, masha.melehova@yandex.ru, turich-1952@mail.ru, oksana.chernobay1982@yandex.ru*

Использование методов и инструментов «зелёной» экономики набирает обороты в международной практике. При этом о необходимости «зеленого» роста всё чаще говорят и в России, где система мер государственной поддержки «зеленого» финансирования только начинает формироваться. Целью работы является характеристика институтов и инструментов финансирования, способствующих переходу к «зеленому» экономическому росту. Объектом исследования в данной работе выступает экологическая сфера и «зеленая» экономика, а предметом – особенности использования финансовых инструментов в условиях «зеленой» экономики и работы финансовых институтов, в том числе над решением экологических проблем. В статье представлено современное понимание концепции «зеленая» экономика. К основным инструментам финансового регулирования «зеленой» экономики в сфере природоохранной и экономической деятельности относятся: «зеленое» инвестирование, ресурсные платежи, субсидирование, кредитование, углеродные налоги, «зеленые» облигации, экологическое страхование, программно-целевое финансирование «зеленых» проектов. Сделан вывод о недостаточно активном функционировании институтов в сфере «зеленого» финансирования. Устойчивый «зеленый» экономический рост возможен при условии активного государственного вмешательства путем создания режима государственного регулирования, который обеспечит стимулирование развития экологически чистой деятельности и формирование необходимых «зеленых» институтов. Создание надёжной законодательной базы и использование мер контроля за целевым использованием средств, выделенных для «зелёного» финансирования, способствует успешному развитию концепции по защите и улучшению состояния окружающей среды.

Ключевые слова: зеленая экономика, зеленые инвестиции, экономический рост, устойчивое развитие**FINANCIAL INSTITUTIONS AND INSTRUMENTS OF THE GREEN ECONOMY****Andreeva O.V., Melekhova M.A., Turichenko L.P., Chernobay O.S.***Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, e-mail: olvandr@ya.ru,
masha.melehova@yandex.ru, turich-1952@mail.ru, oksana.chernobay1982@yandex.ru*

The use of green economy methods and tools is gaining momentum in international practice. At the same time, the need for «green» growth is increasingly being discussed in Russia, where the system of state support for «green» financing is just beginning to take shape. The purpose of this paper is to characterize the institutions and financing instruments that contribute to the transition to «green» economic growth. The object of research in this work is the environmental sphere and the «green» economy, and the subject is the peculiarities of using financial instruments in a «green» economy and the work of financial institutions, including the solution of environmental problems. The article presents a modern understanding of the concept of «green» economy. The main instruments of financial regulation of the «green» economy in the field of environmental and economic activities include: «green» investment, resource payments, subsidies, lending, carbon taxes, «green» bonds, environmental insurance, program-targeted financing of «green» projects. The conclusion is made about the insufficiently active functioning of institutions in the field of «green» financing. Sustainable «green» economic growth is possible with active state intervention by creating a state regulatory regime that will provide incentives for the development of environmentally friendly activities and the formation of the necessary «green» institutions. The creation of a reliable legal framework and the use of control measures for the targeted use of funds allocated for «green» financing contributes to the successful development of the concept of protecting and improving the environment.

Keywords: green economy, green investment, economic growth, sustainable development

Современный мир сталкивается с серьёзными вызовами. Большинство из них связаны с такими глобальными проблемами, как оружие массового поражения, экстремальные погодные условия, кризис нехватки воды, стихийные бедствия и глобальное изменение климата. На протяжении многих лет ученые и специалисты исследуют процесс создания экономики, более устойчивой к внешним факторам.

Как перед нашей страной, так и миром в целом стоит важная задача, которая каса-

ется улучшения условий жизни населения и создания благоприятных условий на будущую перспективу, решение которой позволит обеспечить устойчивое развитие, основанное на принципах «зеленой» экономики.

На международном уровне представители стран обсуждают вопросы устойчивого развития в связи с потребностью скорейшего изменения экономической модели. Так, «зеленая» экономика стала приоритетным направлением в различных мировых дискуссиях.

Сегодня прослеживается тесная связь обеспечения эффективного функционирования экономики с ростом экологических проблем, последствием которых может быть ухудшение состояния окружающей среды, прогрессирование заболеваний у населения и создание барьеров для дальнейшего развития. Следовательно, для улучшения условий жизни населения недостаточно будет только решить задачу по повышению его благосостояния, но также следует особое внимание уделить проблемам окружающей среды. За рубежом указанная проблема рассматривается в рамках «декаплинга», который представляет собой удовлетворение потребностей общества при минимальном нанесении вреда природе. Данный принцип предполагает применение инноваций в ходе модернизации производства, снижение зависимости от природных ресурсов и широкое применение ресурсов, являющихся возобновляемыми.

Использование методов и инструментов «зелёной» экономики набирает обороты в международной практике. При этом о необходимости «зеленого» роста всё чаще говорят и в России, где система мер государственной поддержки «зеленого» финансирования только начинает формироваться [1, с. 9–10; 2, с. 211].

В январе 2020 г. в ежегодном послании Федеральному собранию РФ президент обозначил основные мероприятия по модернизации производств, уменьшению выбросов в атмосферу, управлению отходами и улучшению состояния окружающей среды в целом. Данные мероприятия будут реализованы в рамках национального проекта «Экология».

Целью работы является характеристика институтов и инструментов финансирования, способствующих переходу к «зеленому» экономическому росту. Объектом исследования в данной работе выступает экологическая сфера и «зеленая» экономика, а предметом – особенности использования финансовых инструментов в условиях «зеленой» экономики и работы финансовых институтов, в том числе над решением экологических проблем.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологической основой исследования послужили официальные документы, труды российских и зарубежных авторов, посвященные исследованию экологических проблем в финансовом ракурсе при постановке вопроса о необходимости перехода к «зеленому» экономическому росту. В работах Агаповой Е.В., Байдиной И.А., Болор Б., Варрава М.Ю., Гатило-

вой А.В., Зомоновой Э.М., Липиной С.А., Отарбабиевой А.А. и других ученых рассматривается сама концепция «зеленой» экономики, необходимость и направления экологизации бизнеса. Финансовые проблемы «зеленой» экономики, экологической политики исследуются Власовой М.С., Вовченко Н.Г., Порфирьевым Б.Н., Раковым И.Д., Ратнер С.В., Седаш Т.Н. и др.

Применялись различные методы исследования: диалектический, абстракции и сравнения, обобщения и синтеза, дедукции и индукции, статистического анализа. Информационно-эмпирическая база: данные Росстата, Министерства финансов РФ, Национального информационного агентства «Природные ресурсы» (НИА-Природа), материалы сети Интернет и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Современный этап развития человечества характеризуется не только высокими темпами модернизации и популяризации технологий, активно изменяющих жизнь людей, но и вместе с этим усложнением глобальных проблем. Основной причиной возникновения глобальных проблем стало воздействие человека на природу. По мнению экспертов, в 2030 г. ожидается сохранение актуальных на данный момент тенденций, а именно сокращение площади экосистем, объёмов первичной биологической продукции для потребления, снижение эффективности озонового слоя, сокращение площади лесов, рост стихийных бедствий и аварий техногенного характера, повышение уровня заболеваемости, снижение качества жизни, спровоцированное загрязнением окружающей среды [3, с. 193].

Согласно прогнозам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) при сохранении современных способов производства и потребления к 2050 г. мир утратит 60–70% флоры и фауны. Площадь потерянных природных территорий составит 7,5 млн кв. км, что сравнимо с территорией современной Австралии [4, с. 21]. В связи с этим необходимо применение нового подхода к взаимодействию с природой. Одним из главных путей решения данных проблем является переход к «зелёной» экономике, предусматривающей единство действий экологии и общества, включая бизнес-сообщество.

Можно сделать вывод, что «зеленая» экономика подразумевает экологизацию правового, экономического, общественного и государственного аспектов жизни населения. Реализация экологической ответственности государства выражается

в развитии законодательного природоохранного регулирования.

В последнее время в мировой экономике происходят достаточно масштабные изменения, касающиеся совершенствования методов производства. Экономическая ситуация в XXI веке характеризуется увеличением спроса на природные ресурсы и ухудшением экологической ситуации в мире. Для того чтобы процесс непрерывного развития человечества сопровождался как можно меньшим нанесением вреда окружающей среде, все государства должны искать новые способы решения проблем, стоящих перед ними. В этой связи ООН предложила концепцию «зеленого» роста, которая предусматривает модернизацию стадий общественного производства, применение «зелёных принципов» к системе стратегического планирования и бюджетирования, а также экологизацию бизнеса и инфраструктуры [5, с. 15].

Концепция «зелёной» экономики в последние годы активно развивается благодаря зарубежным и российским ученым. В настоящее время существует множество трактовок понятия «зелёная» экономика. В докладах международной организации ЮНЕП «зелёная экономика» рассматривается как «экономика, повышающая благосостояние населения и обеспечивающая социальную справедливость и при этом существенно снижающая риски для окружающей среды» [6, с. 8]. В сборнике Конференции ООН по торговле и развитию «Дорога к Рио+20» «зелёная» экономика рассматривается в качестве экономики, представляющей взаимное дополнение экономического роста и экологической ответственности, поддерживая при этом прогресс в социальном развитии.

В рамках российского опыта изучения понятия «зелёной» экономики можно привести точку зрения члена-корреспондента Российской академии наук Порфирьева Б.Н., по мнению которого, «зелёная» экономика предполагает «мониторинг и прогнозирование изменений климата, разработку, производство и использование технологий и оборудования для контроля и уменьшения выбросов загрязняющих веществ, а также технологии энерго- и ресурсосбережения, и возобновляемой энергетики» [7].

Концепция «зелёной» экономики вызывает множество дискуссионных вопросов, однако проведенный анализ показал, что в последнее время уровень доверия существенно увеличился и практически все страны признают эту концепцию важной [8, с. 15–16].

Следует отметить, что одной из ведущих проблем является разработка единых

международных стандартов, обеспечивающих реализацию принципов честной торговли и отвечающих целям «зелёной» концепции [9].

На фоне стремительного увеличения населения земного шара и роста мирового ВВП происходит истощение природного капитала. Все это, по прогнозам ООН, может привести к переформатированию мировой экономики с учетом глубоких социальных, экономических и экологических изменений. А значит избежать таких негативных последствий возможно только при условии обеспечения глобального устойчивого развития и перехода к «зеленой» экономике. Именно финансовый сектор способен в этих условиях обеспечить эти качественные изменения.

Финансирование экологически устойчивого роста требует значительных объемов инвестиций. Прежде всего, речь идет о «зеленом» финансировании. К основным инструментам финансового регулирования «зеленой» экономики в сфере природоохранной и экономической деятельности относятся: «зеленое» инвестирование, ресурсные платежи, субсидирование, кредитование, углеродные налоги, «зеленые» облигации, экологическое страхование, программно-целевое финансирование «зеленых» проектов.

«Зеленые» финансы – совокупность финансовых продуктов и услуг (в виде инвестиций или кредитования), которые учитывают воздействие на окружающую среду и повышают экологическую устойчивость, обеспечивая при этом деятельность по снижению экологических и климатических рисков глобального экономического развития [10, с. 21].

В России компании, внедряющие энергосберегающие технологии, доступ к финансовым ресурсам могут получать через институты развития (Внешэкономбанк и Фонд развития промышленности) на конкурентной основе. Сбербанк России в качестве пилотных продуктов предлагает зеленые облигации, которые выпускаются с целью финансирования зеленых проектов [11, с. 18]. Банк «Центр-Инвест» произвел первый в стране выпуск «зеленых» банковских облигаций в ноябре 2019 г. Это первые шаги в данном направлении в нашей стране, тогда как емкость мирового рынка таких облигаций в 2019 г. достигла 800 млрд долл. США [12].

Помимо указанных финансовых институтов, активно функционируют частные фонды. Для частных инвесторов реализация «зелёных» проектов неразрывно связана с определенными рисками:

– политические риски, касающиеся смены государственного аппарата управления,

изменений политического устройства, что оказывает сильное влияние на правовую систему и способствует нарушению общественного порядка;

– макроэкономические риски, связанные с изменением размеров тарифов, субсидий на ископаемые ресурсы, что оказывает влияние на экономическую жизнедеятельность экопроекта;

– технологические и эксплуатационные риски – невозможность достигнуть поставленных производственных и финансовых показателей в результате отсутствия необходимой инфраструктуры для реализации проектов или ее надежности;

– риски обеспечения – отсутствие государственной поддержки в реализации «зелёных» проектов;

– специфические риски – низкий показатель доходности и более длительный срок окупаемости по сравнению с другими проектами [13, с. 56–57].

Считаем, что в России недостаточно активно формируются институты «зеленого» финансирования, что требует изучения широкого зарубежного опыта в данной области и создания благоприятных условий для их деятельности.

Финансовые институты могут содействовать развитию «зеленой» экономики, следуя принципам ответственного финансирования или целенаправленного инвестирования в экономические проекты. Зеленый рост требует более высоких темпов наращивания инвестиций и более высокой скорости трансформации инноваций [14].

Современное состояние «зеленых» инвестиций в России характеризуется следующим:

1) развитие «зеленого» инвестирования в России представляется сегодня ответственным экономическим решением, инструменты реализации которого проходят этап интеграции в систему государственного стратегического управления;

2) отраслевая структура «зеленого» инвестирования демонстрирует, что наибольшая доля «зеленых» инвестиций приходится на обрабатывающие производства. Но одновременно высока доля добывающих производств в «зеленых» инвестициях (более 20%), где наибольшую долю занимает добыча топливно-энергетических полезных ископаемых, а также наблюдаются более высокие темпы прироста «зеленых» инвестиций в «грязных» обрабатывающих производствах (производство кокса и нефтепродуктов), непосредственно связанных с добычей топливно-энергетических полезных ископаемых;

3) инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды

и рациональное природопользование в России, характеризуются неравномерностью распределения по территории;

4) «зеленые» инвестиции составляют крайне низкую долю в инвестициях в основной капитал российских предприятий. Основным источником финансирования выступают собственные средства предприятий [15, с. 24].

Заключение

Становление и дальнейшее развитие «зелёной» экономики позволит повысить благосостояние и качество жизни населения при оптимальном использовании природных ресурсов, а также устранении негативного влияния на окружающую среду. Важной проблемой является финансирование мероприятий по «озеленению» экономики. В мировой практике существует большое количество финансовых инструментов и институтов, осуществляющих распределение средств для устойчивого экологического развития. Поэтому для государств важно планировать расходы на осуществление финансирования и софинансирования «зелёных» проектов, а также установить целевую направленность использования этих финансовых ресурсов.

Для придания «зеленым» инвестициям устойчивого характера и объемов, соответствующих целям устойчивого развития и национальной стратегии развития, необходимо широкое вовлечение всех субъектов экономики в процесс финансирования «зеленых» инвестиций, что потребует от органов государственной власти осуществить корректирующие изменения в сложившейся к настоящему времени модели экономического развития при обязательном формировании условий для активного участия в процессе всех заинтересованных лиц.

Устойчивый «зеленый» экономический рост возможен при условии активного государственного вмешательства путем создания режима государственного регулирования, который обеспечит стимулирование развития экологически чистой деятельности и формирование необходимых «зеленых» институтов. Создание надёжной законодательной базы и использование мер контроля за целевым использованием средств, выделенных для «зелёного» финансирования, способствует успешному развитию концепции по защите и улучшению состояния окружающей среды.

Для дальнейшего развития заявленной темы нам представляется важным исследование: новых черт и принципов «зелёной» экономики; проблем, с которыми страны сталкиваются при переходе к «зелёной»

экономике; проблем оценки реализации госпрограмм по экологии и энергоэффективности в Российской Федерации; вопросов реализации национального проекта «Экология»; основных тенденций развития «зеленого» финансирования в мировой практике; перспективы внедрения «зеленой» экономики и развития «зеленого» финансирования в Российской Федерации.

Список литературы

1. Andreeva O.V., Vovchenko N.G., Ivanova O.B., Kostoglodova E.D. Green Finance: Trends and Financial Regulation Prospects. *Contemporary Studies in Economic and Financial Analysis*. 2018. Т. 100. Р. 9–17. DOI: 10.1108/S1569-375920180000100003.
2. Андреева Л.Ю., Вовченко Н.Г., Епифанова Т.В., Полуботко А.А. Институты и инструменты «зеленого финансирования»: риски и возможности устойчивого развития российской экономики // *Лесотехнический журнал*. 2017. Т. 7. № 2 (26). С. 205–214. DOI: 10.12737/article_5967eb0ccff307.47958130.
3. Измайлов А.М. Актуальность перехода на «зеленую экономику» на современном этапе развития // *Человек, общество и государство в современном мире: сборник научных трудов международной научно-практической конференции*. Пенза, 2016. С. 190–193.
4. Завгородняя Л.И., Пак З.Ч. «Зеленая» экономика: современное состояние, проблемы и перспективы развития // «Зеленая» экономика: проблемы, состояние и перспективы: сборник трудов конференции. 2017. С. 19–24.
5. Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Зеленая экономика. Глобальное развитие. М.: Изд-во Проспект, 2016. С. 15.
6. Бобылев С.Н., Захаров В.М. «Зелёная» экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития: бюллетень Института устойчивого развития Общественной палаты РФ «На пути к устойчивому развитию России». № 60. М.: ООО «Полиграфия и реклама», 2012. 90 с.
7. Порфирьев Б.Н. «Зелёный» фактор инновационной модернизации экономики: вызов для России // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2016. № 3. С. 3–14.
8. Болор Б. «Зелёная» экономика – новая тенденция экономики нашей планеты // *Научный журнал*. 2017. № 8 (21). С. 15–16.
9. Магдеева Д.Р. Зеленая экономика и перспективы ее развития // *Электронный научный журнал «Вектор экономики»*. 2019. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/6/worlddeconomy/Magdeeva.pdf> (дата обращения: 11.08.2020).
10. Альбеков А.У., Матишов Г.Г. Зеленая экономика. Модернизация социально-экономической системы Юга России: монография. Ростов н/Д.: Изд.-полиграф. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. 276 с.
11. Бик С., Григорьев Д. Зеленые финансы: повестка дня для России. Диагностическая записка экспертного совета по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России. М., 2018. 64 с.
12. Рейтер Т. «Зеленые» облигации выходят на российскую биржу. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/378/4667213.htm> (дата обращения: 14.08.2020).
13. Седаш Т.Н., Тютюкина Е.Б., Лобанов И.Н. Направления и инструменты финансирования «зеленых» проектов в концепции устойчивого развития экономики // *Экономика. Налоги. Право*. 2019. № 5. С. 56–57.
14. Porfiriyev B.N. The Green Factor of Economic Growth in Russia and the World. *Studies on Russian Economic Development*. 2018. Т. 29. № 5. Р. 455–461.
15. Яковлев И.А., Кабир Л.С. Зеленые инвестиции: инструкция по применению. Краткий справочник ФГБУ «Научно-исследовательского финансового института». 2017. 48 с.

УДК 331.101.262:330.31(470.51)

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНА

Гайнутдинова Е.А., Осипов А.К., Кондратьев Д.В.

*ФГБОУ ВО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия», Ижевск,
e-mail: ekaterinagainutdinova@mail.ru*

В условиях продолжающегося демографического кризиса в Российской Федерации остаются острыми проблемы высокой смертности и низкой рождаемости населения, следствием этого является естественная убыль населения, отражающая процесс суженного воспроизводства населения. Также насущными являются проблемы отставания уровня жизни сельских жителей от городских, недостаточной привлекательности сельскохозяйственного труда. В этих условиях главной выступает проблема воспроизводства человеческих ресурсов в сельской местности регионов страны. В статье рассмотрены ключевые проблемы снижения численности сельских жителей в Удмуртской Республике, демографии, недостатка трудовых ресурсов на селе, слабого развития сельской инфраструктуры. За последние годы в развитии сельских территорий намечено немало позитивных сдвигов, однако дальнейшее развитие сельской местности требует сохранения и повышения привлекательности сельского образа жизни, вовлечения человеческих ресурсов. Авторами сделаны рекомендации по совершенствованию управления воспроизводством человеческих ресурсов в сельской местности региона для внесения их в программы по развитию сельских территорий: увеличение числа образовательных учреждений для привлечения молодых семей; снижение уровня безработицы за счет увеличения субъектов малого предпринимательства; повышение уровня заработной платы работников сельского хозяйства; повышение активности работодателей в привлечении молодых специалистов на работу в сельскохозяйственные организации; обеспечение агропромышленного производства высококвалифицированными кадрами; продолжение работы по удовлетворению потребностей сельского населения в благоустроенном жилье; усиление развития инженерной инфраструктуры сельских территорий.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, проблемы воспроизводства, сельская местность, демография, социальное развитие села, трудовые ресурсы, молодые специалисты, сельское хозяйство

PROBLEMS OF REPRODUCTION OF HUMAN RESOURCES IN RURAL AREAS OF THE REGION

Gaynutdinova E.A., Osipov A.K., Kondratev D.V.

Izhevsk State Agricultural Academy, Izhevsk, e-mail: ekaterinagainutdinova@mail.ru

In the context of the ongoing demographic crisis in the Russian Federation, acute problems of high mortality and low fertility remain acute, resulting in a natural decline in the population, reflecting the process of narrowed reproduction of the population. Also urgent are the problems of the lag of the standard of living of rural residents from urban ones, the insufficient attractiveness of agricultural labor. In these conditions, the main problem is the reproduction of human resources in rural areas of the country. The article discusses the key problems of reducing the number of rural residents in the Udmurt Republic, demography, lack of labor resources in rural areas, and poor development of rural infrastructure. In recent years, many positive changes have been noted in the development of rural territories, however, further development of the countryside requires the preservation and increase of the attractiveness of the rural way of life and the involvement of human resources. The authors made recommendations on improving the management of the reproduction of human resources in the rural areas of the region for inclusion in rural development programs: increasing the number of educational institutions to attract young families; reduction in unemployment due to an increase in small businesses; raising wages for agricultural workers; increasing employers' activity in attracting young specialists to work in agricultural organizations; providing agro-industrial production with highly qualified personnel; continuation of work to meet the needs of the rural population in comfortable housing; Strengthening the development of engineering infrastructure in rural areas.

Keywords: human resources, problems of reproduction, rural areas, demography, social development of rural areas, labor resources, young specialists, agriculture

Проблема воспроизводства человеческих ресурсов сельской местности в настоящее время стоит очень остро. В современной России сельская экономика непривлекательна для приложения труда, и одной из причин этого является неэффективное управление человеческими ресурсами, недостаток квалифицированных кадров и нежелание людей жить и работать в сельской местности [1].

Цель исследования: выявить основные причины сокращения сельского населения

Удмуртской Республики и разработать рекомендации по улучшению демографической ситуации, привлечению трудовых ресурсов в сельскую местность региона.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили статистические данные Удмуртстата, нормативно-правовые акты федеральных и региональных органов власти и управления, а также научные теоретические и практические источники. Методами, применяе-

мыми в исследовании, являются: системный анализ, структурно-функциональный, сравнения, социологического исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Человеческие ресурсы сельской местности региона представляют собой совокупную рабочую силу, и управление ими предполагает использование комплекса инструментов воздействия на их воспроизводство, использование и развитие.

Воспроизводство человеческих ресурсов включает такие стадии, как формирование, распределение, обмен и использование трудовых ресурсов. Процесс непрерывного и систематического возобновления количества трудовых ресурсов предопределяется естественным воспроизводством населения, их способности к труду. Распределение и обмен трудовых ресурсов как фазы процесса воспроизводства проявляются в рыночной среде под воздействием спроса и предложения на рынке труда. Использование трудовых ресурсов происходит в процессе реализации трудовой деятельности и с учетом способности к труду.

Результатом воспроизводственного процесса является прирост человеческих ресурсов – основа расширенного воспроизводства – дающий развитие следующему витку воспроизводственного процесса.

Удмуртская Республика – развитый аграрно-промышленный регион, территориально делится на 25 муниципальных рай-

онов, а также включает 6 городских округов. По данным Удмуртстата [2] на начало 2019 г. численность населения Удмуртской Республики составила 1507,4 тыс. чел., из них сельского населения – 513 тыс. чел. (34%). Плотность населения в регионе – 35,8 чел/ кв. км. Численность постоянно населения Удмуртии за последние годы имеет тенденцию к сокращению (табл. 1).

Анализируя тенденции воспроизводства населения, можно заключить следующее:

– во-первых, за рассматриваемый период численность населения республики устойчиво снижалась, и к концу рассматриваемого периода составила 1507,4 тыс. чел., при этом наблюдается сокращение сельского населения (на 10 тыс. чел). Доли городского и сельского населения к 2019 г. составили соответственно 66 и 34%;

– во-вторых, удельный вес мужчин в общей численности сельского населения по данным Удмуртстата на начало 2019 г. составляет 49%, а женщин – 51%. Тенденция сохранялась на протяжении всего периода;

– в-третьих, снизилась доля трудоспособного сельского населения с 55,4% в 2015 г. до 51,4% в 2019 г. (табл. 2).

Устойчивое снижение численности жителей является острой проблемой современной сельской местности, и, безусловно, на это влияют демографический, миграционный и социально-экономический факторы.

В табл. 3 представлены коэффициенты естественного движения населения Удмуртии.

Таблица 1

Численность населения Удмуртии, тыс. чел. (на начало года) [2]

Годы	Всё население	Городское население	Сельское население
2015	1517,5	994,5	523,0
2016	1517,2	994,5	522,7
2017	1516,8	996,0	520,8
2018	1513,0	995,7	517,3
2019	1507,4	994,4	513,0

Таблица 2

Распределение сельского населения Удмуртии по возрасту, в % от общей численности (на начало года) [2]

Годы	Моложе трудоспособного возраста	Население трудоспособного возраста	Старше трудоспособного возраста
2015	21,6	55,4	23,0
2016	21,9	54,3	23,9
2017	22,1	53,2	24,7
2018	22,1	52,3	25,6
2019	21,9	51,4	26,6

Таблица 3

Общие коэффициенты естественного движения населения Удмуртии
(на 1000 человек населения) [2, 3]

Годы	Рождаемость			Смертность			Естественный прирост, убыль (-)		
	всего	в том числе		всего	в том числе		всего	в том числе	
		город	село		город	село		город	село
2014	14,5	13,3	16,8	12,8	11,9	14,6	1,7	1,4	2,2
2015	14,6	14,3	15,1	12,9	12,0	14,5	1,7	2,3	0,6
2016	13,8	13,6	14,4	12,6	11,8	14,3	1,2	1,8	0,1
2017	11,8	11,7	12,1	12,0	11,4	13,2	-0,2	0,3	-1,1
2018	10,9	10,6	11,3	12,0	11,3	13,3	-1,1	-0,7	-2,0

Таблица 4

Миграция населения Удмуртской Республики (на 1000 чел.), чел. [2]

Годы	Миграционный прирост (убыль), всего	Городское население	Сельское население
2014	-1,4	+2,5	-8,9
2015	-1,9	-2,3	-1,2
2016	-1,4	-0,3	-3,5
2017	-2,3	-0,5	-5,7
2018	-2,6	-0,7	-6,3

Рождаемость в сельской местности по годам снижается, при этом смертность превышает среднее значение по региону. Коэффициент естественного прироста также снижается по годам, к концу рассматриваемого периода наблюдается естественная убыль населения.

Уменьшение численности населения, и главным образом сельского, происходит также из-за миграционной убыли (табл. 4).

Причины миграции населения заключаются в плохих материальных условиях жизни, заинтересованности родителей в качественном образовании детей, неспособности найти в регионе работу, в общих тенденциях развития республики, а также иных причинах (приобретение жилья, покупка, наследование).

Миграционная убыль в Удмуртии формируется в основном за счет межрегионального обмена. В сравнении с субъектами Приволжского федерального округа (республик Татарстан и Башкортостан, Нижегородской и Самарской областей) Удмуртия является менее привлекательным регионом по своей инфраструктуре и рынку труда [4]. В основном в межрегиональном обмене участвуют лица трудоспособного возраста – от 16 до 34 лет (58%).

В условиях снижения численности трудоспособного населения сельских территорий проблема их жизнедеятельности становится очень острой. Основным ис-

точником занятости в сельской местности региона выступает сельскохозяйственная отрасль, которая, как и во многих других регионах страны, переживает спад производства. Низкая механизация рабочих мест и высокий уровень ручного труда обуславливают непрестижность и невыгодность сельскохозяйственного труда. Низкий уровень заработной платы, отсутствие квалифицированных кадров и должной поддержки являются причинами такого положения в отрасли (табл. 5).

В настоящее время в пределах госпрограммы Удмуртской Республики «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.» в регионе действует подпрограмма «Устойчивое развитие сельских территорий» [6], которая имеет своей направленностью повышение качества жизни сельского населения, социально-инженерное обустройство села, привлечение молодых специалистов и обучение работников в отрасли сельского хозяйства. Результаты реализации подпрограммы приведены в табл. 6.

За годы реализации 1 этапа (2013–2018 гг.) подпрограммы «Устойчивое развитие сельских территорий» ее эффективность признана средней (значение показателя ЭР_{пн} не менее 0,8) [7, 8]. Реализация данной подпрограммы продлена до 2025 г.

Таблица 5

Среднемесячная начисленная заработная плата работающих и работников сельского хозяйства в Удмуртской Республике, руб. [5]

Годы	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Среднеотраслевая заработная плата	23421,0	24694,1	26693,0	28994,5	31808,0
Зарботная плата в сельском хозяйстве	13955,3	15523,6	17422,2	20296,1	21632,0

Таблица 6

Результаты реализации подпрограммы

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
1. Строительство (приобретение) жилья для сельского населения, тыс. кв. м	14,94	12,6	14,5	16,0	16,153	17,216
в том числе для молодых семей и молодых специалистов, тыс. кв. м	8,0	8,6	8,4	9,7	10,877	10,546
2. Строительство медпунктов, ед.	–	0,0	2,0	1,0	1,0	1,0
3. Строительство спортивных сооружений, тыс. кв. м	–	0,0	2,7	1,8	2,838	4,624
4. Прокладка и подключение газовых сетей, км	120,91	118,9	55,9	33,3	18,2	29,9
5. Ввод в действие водопроводов, км	37,64	22,4	14,5	9,8	7,5	8,8
6. Ввод в эксплуатацию автодорог с твердым покрытием, км	–	47,5	55,1	46,8	38,9	50,1
7. Количество инициативных проектов сельских граждан, получивших грантовую поддержку, ед.	–	0	0	13	11	7
8. Удельный вес численности оставшихся молодых специалистов для работы в сельхозорганизации по отношению ко всем прибывшим за год по окончании высших образовательных учреждений, %	88	88,4	96,4	94,3	88	97
9. Количество обучившихся руководителей, специалистов и кадров рабочих профессий, чел.	43	0	925	630	656	1756
10. Уровень обеспеченности руководителями сельхозорганизаций, %	–	–	–	96,7	99,0	99,7

Несмотря на активизацию деятельности по развитию сельских территорий региональным органам власти и управления нужно напрямую связывать ее с процессами воспроизводства человеческих ресурсов и учитывать следующие причинно-следственные связи в решении проблем сельской местности:

1) улучшение жилищных условий для сельского населения, в том числе для молодых специалистов, и развитие социальной инфраструктуры, безусловно, являются основным, но не единственным способом привлечения молодежи на село, необходимо учитывать такие факторы, как приемлемые уровень оплаты и условия труда;

2) многие мероприятия предполагают создание объектов инженерной инфраструктуры (автодороги, газо- и водопроводы, жилье), а развитию социальных объектов не уделено должного внимания (не запланировано строительство образовательных учреждений), что могло бы привести к увеличению численности сельского населения, улучшению демографической

ситуации на селе и повышению уровня закрепляемости молодых специалистов;

3) нет связи между реализуемыми мероприятиями и увеличением численности населения в сельской местности;

4) единовременный характер выплат выпускникам, работающим в сельском хозяйстве, не свидетельствует о достойном уровне оплаты труда, стабильности занятости и привлекательности сельскохозяйственного труда.

В 2020 г. в регионе принята подпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий» до 2025 г. [6, 7, 9], задачами которой явились повышение качества жизни сельского населения, уровня социально-инженерного обустройства села и обеспечение занятости сельского населения. Запланировано достижение 15 целевых показателей [7, 8].

Мероприятиями данной подпрограммы к 2025 г. предусмотрено: сохранить долю численности сельского населения на уровне 33,8%; сократить разрыв между среднедушевыми доходами городских и сельских

жителей до 80%; довести объем благоустроенного жилья в сельской местности до 35%; ввести 16072 кв. м жилья на сельских территориях; обучить работников сельскохозяйственного профиля – 94 чел.; привлечь сельхозтоваропроизводителей для прохождения производственной практики студентов – 366 чел.; ввести 4 км водопроводов, 23 км газовых сетей, 98 км автомобильных дорог с твердым покрытием; реализовать 63 проекта по социальному благоустройству территорий; реализовать в 2020 г. 4 проекта по комплексному развитию территорий.

Авторы предлагают внести коррективы в подпрограмму по комплексному развитию сельских территорий и обратить внимание на следующие моменты, которые остались без должного, по нашему мнению, внимания:

1) увеличить число общеобразовательных учреждений в сельской местности. Это будет способствовать притоку молодых семей и, как следствие, – увеличению численности трудоспособного населения, которое в перспективе повлияет на численность населения муниципального образования;

2) снизить уровень безработицы за счет увеличения субъектов малого предпринимательства в сельской местности, при помощи которых будут создаваться рабочие места (за счет взаимодействия между местными органами власти и центрами занятости при поддержке местных инициатив);

3) обеспечить агропромышленное производство высококвалифицированными кадрами: повысить активность работодателей в привлечении молодых специалистов на работу в сельскохозяйственные организации, обеспечить престиж и привлекательность сельскохозяйственного труда (обеспечить взаимовыгодное сотрудничество в цепочке «школа – вуз – село», внедрять в сознание молодого поколения передовой российский опыт, современные тенденции развития сельского хозяйства лучших регионов, районов республики), добиться стабильности кадров;

4) повысить уровень заработной платы работников сельского хозяйства за счет средств федерального и регионального бюджетов (предусмотреть эти меры при формировании бюджетов на очередной год при составлении расходов);

5) продолжить работу по удовлетворению потребностей сельского населения в благоустроенном жилье; усилить развитие инженерной инфраструктуры сельских территорий.

Заключение

Применение перечисленных рекомендуемых мер по совершенствованию региональных программ социального развития сельских территорий позволит значительно повысить уровень жизни сельского населения. Важно не просто создать систему жизнеобеспечения, а обеспечить привлекательность трудовой деятельности в сельской местности. Будут последовательно решены вопросы развития человеческого капитала – привлечения молодежи в отрасли сельской экономики, улучшение профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников села.

Список литературы

- Осипов А.К., Бакакина Е.А., Мухина И.А., Гайнутдинова Е.А. Управление человеческими ресурсами в сельской местности региона: монография. Ижевск: ФГБОУ ВО Ижевская ГСХА, 2017. 132 с.
- Данилов Е.А., Миронова Е.А., Переверзин С.Н., Яковлева П.А. Удмуртия в цифрах. 2018 год. Ижевск: Удмуртстат, 2019. 351 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://udmstat.gks.ru/folder/33803> (дата обращения: 11.07.2020).
- Осипов А.К., Никитина Ю.К., Гайнутдинова Е.А., Мухина И.А. Проблемы реализации социально-демографической и семейной политики в регионе (по материалам Удмуртской Республики). Ижевск: ООО «Издательство «Шелест», 2019. 156 с.
- Распоряжение Правительства УР от 15 декабря 2014 г. № 949-р «Об утверждении концепции миграционной политики Удмуртской Республики на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/428641485> (дата обращения: 11.07.2020).
- Труд и занятость в Удмуртской Республике (стат. сборник). Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Удмурт. Респ. Ижевск: Удмуртстат, 2019. 60 с.
- Постановление Правительства Удмуртской Республики от 15 марта 2013 г. № 102 «Об утверждении государственной программы Удмуртской Республики «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/463800978> (дата обращения: 11.07.2020).
- Постановление Правительства Удмуртской Республики от 24 марта 2020 г. № 70 «О внесении изменений в постановление Правительства Удмуртской Республики от 15 марта 2013 года № 102 «Об утверждении государственной программы Удмуртской Республики «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»». [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/570767846> (дата обращения: 25.07.2020).
- Официальный сайт Министерства сельского хозяйства и продовольствия Удмуртской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://udmark.ru> (дата обращения: 11.07.2020).
- Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 года № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72260516> (дата обращения: 15.07.2020).

УДК 338.465.2

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА
В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ****¹Димитриев А.Д., ¹Антонова Е.И., ²Горячева Е.Д., ¹Трифонова А.Ю.,
¹Андреева М.Г., ¹Михайлова Л.В.**¹*Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
Чебоксары, e-mail: adimitriev@ruc.su;*²*Московский государственный университет пищевых производств,
Москва, e-mail: GoryachevaED@mgupp.ru*

Актуальность исследуемой проблемы обуславливается тем, что в современных социально-экономических условиях для успешного функционирования предприятий приоритетное значение приобретают вопросы повышения эффективности управления организацией. При этом определяющим фактором в решении этой задачи является соответствие управленческих решений универсальной цели любого предприятия, каковой является эффективность управления производством и обеспечением выпуска конкурентноспособной продукции, максимально соответствующей высоким стандартам качества. В то же время анализ литературных данных позволяет отметить, что существующая модель управления в системе общественного питания не обеспечивает современного менеджмента качества в соответствии с действующими нормативными документами. В этом контексте выявляются значительные проблемы в мотивации у руководителей предприятий в организации современного менеджмента качества в системе общественного питания, требующие исследования формирования и развития системы менеджмента на предприятиях общественного питания. Авторами на основе материалов собственных исследований осуществлен анализ оценки персоналом деятельности руководителей предприятий общественного питания по внедрению системы менеджмента безопасности продукции, а также проведена оценка уровня знаний у персонала содержания регламентирующих документов и их практического применения. Показано, что существующая практика не мотивирует на обязательность выполнения положений множества государственных документов. Сформулированы рекомендации для создания и поддержания современного менеджмента качества продукции в индустрии питания.

Ключевые слова: качество кулинарной продукции, потребители, менеджмент, управление качеством**MODERN PROBLEMS OF MANAGEMENT ORGANIZATION
IN THE PUBLIC CATERING SYSTEM****¹Dimitriev A.D., ¹Antonova E.I., ²Goryacheva E.D., ¹Trifonova A.Yu.,
¹Andreeva M.G., ¹Mikhaylova L.V.**¹*Cheboksarsky cooperative Institute (branch) Russian University of cooperation,
Cheboksary, e-mail: adimitriev@ruc.su;*²*Moscow State University of Food Production, Moscow, e-mail: GoryachevaED@mgupp.ru*

The relevance of the studied problem is caused by the fact that in modern socio-economic conditions, the issues of improving the efficiency of organization management are of particular importance for the successful functioning of enterprises. At the same time, the determining factor in solving this problem is the compliance of management decisions with the universal goal of any enterprise, which is the effectiveness of production management and ensuring the production of competitive products that meet the highest quality standards. At the same time, the analysis of literature data allows us to note that the existing management model in the public catering system does not provide modern quality management in accordance with current regulatory documents. In this context, significant problems in the motivation of business leaders in the organization of modern quality management in the public catering system are identified. research on the formation and development of the management system at public catering enterprises. Based on the materials of their own research, the authors analyzed the staff assessment of the activities of managers of public catering enterprises for the implementation of a product safety management system, as well as assessed the level of knowledge of the staff of the content of regulatory documents and their practical application. Shown, that the existing practice does not motivate mandatory compliance with the provisions of many state documents. Recommendations for creating and maintaining modern product quality management in the food industry are formulated.

Keywords: quality of culinary products, consumers, management, quality management

Обзор существующей российской модели поведения управленческого персонала на предприятиях свидетельствует, что она впитала в себя, с одной стороны, элементы мотивации из прошлой эпохи, с другой – мотивации, сформировавшиеся в ходе трансформаций в системе человеческих ценностей в новых социально-экономических

условиях нашей страны [1]. С 2000-х гг. в нашей стране появилось большое количество нормативных документов в области менеджмента качества продукции предприятий общественного питания [2–4]. Однако на практике установленные нормы не соблюдаются или соблюдаются частично [5, 6]. При этом проблемы мотивации организации

современного менеджмента в системе общественного питания остаются недостаточными и изученными.

Актуальность исследования данной проблемы обусловлена тем, что любая пищевая продукция может быть потенциальным источником инфекционных и неинфекционных болезней, начиная с покупки и заканчивая моментом ее потребления. Это наиболее вероятно в заведениях общественного питания, где готовят для потребления пищу согласно рецептуре и технологии ее изготовления [7]. Эпидемиологические данные и данные Роспотребнадзора [8] свидетельствуют о том, что в причинно-следственной цепочке заболеваний, передаваемых через пищевые продукты, ключевую роль играют неэффективная практика и неразвитость инфраструктуры предприятий общественного питания. Персонал, не осознавая этого, может способствовать загрязнению пищи микроорганизмами и их размножению [9]. Потребление такого кулинарного изделия может создать ситуацию, когда вероятность реализации опасного фактора будет отлична от нуля. При этом кулинарный продукт несет здоровью человека недопустимый риск с тяжелыми последствиями.

Руководители предприятий общественного питания, как правило, публично заявляют о своей приверженности к использованию современных принципов менеджмента качества продукции, о реализации принципов ИСО и ХАССП на своих предприятиях. Однако проведенные исследования свидетельствуют, что сохраняется разрыв между сложившейся практикой и нормативными требованиями государственных документов [6]. В частности, анализ статуса программ выполнения принципов ХАССП показывает, что управление персоналом в рамках концепции «Управление качеством пищевой продукции на основе принципов ХАССП» не стало еще стратегией предприятий в решении проблемы организации современного менеджмента в системе общественного питания. В качестве одного из факторов такого положения рассматривается отсутствие должной мотивации у управленческого персонала предприятий [1].

Целями данного исследования являются изучение и разработка рекомендаций по построению приоритетов развития системы современного менеджмента в системе общественного питания.

Достижение поставленной цели было осуществлено посредством решения следующих задач.

1. Разработка методологии исследования формирования и развития системы ме-

неджмента на предприятиях общественного питания.

2. Анализ современного менеджмента на предприятиях общественного питания.

3. Изучение особенностей мотивационного комплекса управленческого персонала (руководителей) предприятий общественного питания в решении проблем современного менеджмента.

4. Разработка рекомендаций по совершенствованию системы мотивации управленческого персонала предприятия в создании системы менеджмента безопасности продукции общественного питания в целях выполнения требований российского законодательства и нормативных документов в области безопасности пищевой продукции.

Материалы и методы исследования

В рамках предмета исследования данной работы авторами проведено исследование трудовой деятельности в части выполнения положений современного менеджмента согласно требованиям ГОСТ Р 55889-2013 «Услуги общественного питания. Система менеджмента безопасности продукции общественного питания. Рекомендации по применению ГОСТ Р ИСО 22000-2007 для индустрии питания» [10]. Анкетированием были охвачены специалисты предприятий общественного питания со средним профессиональным образованием по специальности «Технология продукции общественного питания», которые более объективно могут оценивать соответствие управленческих решений руководства предприятий требованиям современного менеджмента («да») или отрицания («нет»). Оценка результатов мероприятий по внедрению системы менеджмента за последние 3–4 года проводилась на основе шкалы Ликерта, адаптированной нами к целям нашего исследования [6]. Результаты анализа действий управленческого персонала предприятия, направленных на внедрение системы менеджмента, были оценены по пятибалльной шкале Ликерта (1 – не приступили, 2 – сделаны первые шаги, 3 – заметны положительные результаты, 4 – значительные положительные результаты и 5 – достигнуто внедрение современного менеджмента). Результаты анализа уровня знаний персоналом / практического применения им этих знаний были оценены по пятибалльной шкале Ликерта (1 – не знают / не применяют; 2 – знают очень фрагментарно / не применяют; 3 – знают базовые требования / обсуждается вопрос практического применения; 4 – демонстрируют хорошие знания / часть требований нормативных документов внедрена; 5 – демонстрируют отличные зна-

ния / достигнуто внедрение современного менеджмента). Статистическая обработка анкетных данных проведена с использованием табличного процессора Microsoft Excel. Респондентами были 118 работников предприятий общественного питания со средним профессиональным образованием по специальности «Технология продукции общественного питания».

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты анализа деятельности управленческого персонала предприятий общественного питания по внедрению системы менеджмента безопасности продукции общественного питания приведены в табл. 1.

Из данных таблицы следует, что система менеджмента на предприятиях общественного питания практически не внедряется: вместо ожидаемой и должной стопроцентной реализации данной системы уровень реализации остается на крайне низком

уровне. Показатели самооценки внедрения системы менеджмента безопасности продукции общественного питания по отдельным программам, как правило, менее 10%, и только по двум показателям (Определены предприятием цели по достижению требований безопасности продукции общественного питания? Разработана политика в области обеспечения безопасности продукции общественного питания?) внедрение составляет соответственно 24,3% и 27,8%. Результаты мероприятий по внедрению системы менеджмента на предприятиях за последние 3–4 года были оценены менее чем в 3 балла. Эти результаты свидетельствуют о том, что руководители предприятия не приступили (1 балл) или предприняли только первые шаги (2 балла) по внедрению системы менеджмента безопасности продукции общественного питания и не достигли заметных положительных результатов (3 балла) в этом направлении управленческой деятельности.

Таблица 1

Оценка деятельности управленческого персонала предприятий общественного питания по внедрению системы менеджмента безопасности продукции общественного питания

Показатели самооценки внедрения системы менеджмента безопасности продукции общественного питания*	Оценка внедрения системы менеджмента на основе утверждения («да») (в процентах)	Оценка результатов мероприятий по внедрению системы менеджмента (в баллах)
Определены обязательства руководства организации (предприятия) по функционированию системы менеджмента безопасности продукции общественного питания	7,2	1,2
Организацией (предприятием) определены цели по достижению требований безопасности продукции общественного питания	24,3	2,6
Разработана процедура управления документацией для обеспечения функционирования системы менеджмента безопасности продукции общественного питания	4,1	1,3
Разработана политика в области обеспечения безопасности продукции общественного питания	27,8	3,1
Сформирована группа безопасности продукции общественного питания	3,6	0,8
Персонал обучен основам системы менеджмента безопасности продукции общественного питания	2,2	0,8
Составлены спецификации для каждого наименования продукции общественного питания	4,7	2,3
Актуализированы нормативные правовые акты, нормативные и технические документы в сфере индустрии питания	2,3	2,6
Идентифицированы требования нормативных правовых актов и нормативных документов для включения в программы обязательных предварительных мероприятий	4,4	1,7
Идентифицированы критические контрольные точки и разработана система мониторинга в них при изготовлении и реализации продукции общественного питания в организации (на предприятии)	3,9	2,9
Документирована система прослеживания продукции общественного питания	1,9	3,6
Проведены внутренние аудиты	0,9	1,4

Примечание: * – показатели самооценки выборочно составлены по ГОСТ Р 55889-2013 [10].

Несколько лучший результат был отмечен по вопросу «Документирована система прослеживания продукции общественного питания?» (3,6 балла). Нами в целях выяснения данного относительно высокого уровня оценки (но недостаточного для положительной оценки внедрения системы менеджмента) был проведен дополнительный устный опрос участников анкетирования. При этом было выяснено, что большая часть опрошиваемых в своих ответах имели в виду документы финансового характера, а не документы системы менеджмента.

Таким образом, результаты исследования внедрения системы менеджмента в индустрии питания позволяют заключить, что руководители предприятий не принимают необходимые решения в области менеджмента качества и безопасности продукции общественного питания. В этой же связи здесь уместно будет напомнить, что главный документ в области управления рисками в системе общественного питания – ГОСТ Р 51705.1-2001 – содержит в пункте 4.1.1 раздела 4.1 «Организация работ» следующее положение: «В соответствии с действующим законодательством персональную ответственность за безопасность выпускаемой продукции несет руководство организации» [2]. Из данных нашего исследования следует, что нормы, установленные Федеральным законом «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [11] и подлежащие обязательному выполнению при организации работы предприятий общественного питания, руководителями предприятий не соблюдаются. В этих условиях потребитель при реализации пищевых продуктов не обеспечивается кулинарным из-

делием должного качества и безопасности, что является невыполнением требований системы документов, регулирующих вопросы минимизации рисков.

Опрошенные работники предприятий общественного питания, как было уже отмечено выше, имеют среднее специальное образование по специальности «Технология продукции общественного питания». В структуре программы подготовки специалистов предусмотрено овладение знанием и умением для обеспечения производства кулинарной продукции, соответствующей требованиям действующих нормативных документов. В профессиональном стандарте общественного питания содержится положение о том, что в обязанности специалиста со средним образованием входит обеспечение технологических режимов производства продукции общественного питания массового потребления и специализированных пищевых продуктов в соответствии с технологическими инструкциями [12, 13]. Отсюда следует, что интервьюируемые работники предприятий общественного питания, работающие в должности поваров 3–4-го разрядов или заведующих производством, должны в своей профессиональной деятельности строго соблюдать технологические и санитарно-гигиенические режимы, составляющие ядро менеджмента качества пищевой продукции. Исходя из этого был организован второй этап анкетирования, чтобы определить уровень знаний содержания документов, регламентирующих производственный процесс от приема продовольственного товара до отпуска потребителю, и оценить их применение. Результаты исследования приведены в табл. 2.

Таблица 2

Оценка уровня знаний требований документов, регламентирующих производственный процесс, и оценка их практического применения на предприятиях общественного питания

Наименование документа	Статус документа/ответственность	Оценка уровня знаний, баллы	Оценка практического применения, баллы
СП 2.3.6.1079-01 [14]	Обязательность для исполнения предпринимателями в области организации питания (п. 1.2)	3,5	3,9
ГОСТ Р 51705.1-2001 [2]	В соответствии с действующим законодательством ответственность за безопасность выпускаемой продукции несет руководство организации (п. 4.1.1)	2,3	3,1
ГОСТ Р ИСО 22000-2007 [3]	Предназначен для всех организаций, имеющих отношение к любым этапам цепи создания пищевой продукции (п. 1)	1,4	1
ГОСТ 30390-2013 [15]	Устанавливает технические требования к продукции общественного питания (п. 1)	1	1
ТР ТС 021/2011 [4]	Устанавливает обязательные требования к процессам производства, хранения, перевозки, реализации и утилизации (ст. 1, п. 3)	1	1

Из анализа данных табл. 2 следует, что персонал со средним специальным образованием в области общественного питания демонстрирует низкие знания базовых нормативных документов. Такое заключение объективно обусловлено тем, что вместо ожидаемых 5 баллов по шкале Ликерта, свидетельствующих об овладении необходимым знанием в управлении качеством пищевой продукции, оценки были в пределах от 1 до 3,5 балла, а овладение опытом практического применения – от 1 до 3,9 балла. В то же время только в отношении двух нормативных документов (СП 2.3.6.1079-01 [14] и ГОСТ Р 51705.1-2001 [2]) можно отметить, что данная группа персонала предприятия несколько лучше знает базовые требования указанных регламентов (на уровне 3,5 и 2,3 балла соответственно), демонстрирует фрагментарные знания и подтверждает определенную устремленность к их практическому применению. Необходимо особо отметить, что ГОСТ Р ИСО 22000-2007 [3], ГОСТ 30390-2013 [15] и ТР ТС 021/2011 [4] оказались вне поля зрения деятельности предприятий общественно-го питания.

К факторам, сформировавшим влияние на приведенные выше результаты, соотнеся их с результатами исследований других авторов [16–18], на наш взгляд, можно отнести:

– отсутствие должного внимания органов государственного надзора и регулирования к внедрению системы ХАССП для повышения безопасности продукции и услуг общественного питания;

– недопонимание руководителями предприятий общественного питания практической ценности внедрения системы ХАССП, того, что система ХАССП актуальна для всех предприятий общественного питания в целях: 1) обеспечения безопасности продукции и услуг общественного питания; 2) повышения гигиенической культуры и технологической дисциплины персонала; 3) повышения конкурентоспособности продукции и услуг; 4) создания механизма управления коллективом предприятия; 5) повышения эффективности всего производственного процесса;

– отсутствие у руководителей предприятий специального образования (специалист, магистратура), необходимость которого зафиксирована в профессиональном стандарте [12] и в приказе Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по технологии продукции и организации общественного питания»» [19];

– стереотип ранее усвоенных индивидуумом трудовых норм и ценностей в про-

цессе их профессиональной деятельности, который мешает формированию потребности следовать принципам безопасности пищевых продуктов и стандартным методам приемки продовольственных товаров, их хранения, первичной и конечной переработки, изготовления кулинарного изделия, а также отпуска блюда на основе принципов ХАССП [2].

Отмечая приведенные выше обстоятельства, тормозящие реализацию современных принципов менеджмента качества, следует особо подчеркнуть, что руководители предприятий руководствуются прежде всего финансовым подходом к деятельности их предприятий и ставят на второе место свою социальную ответственность перед потребителями за качество и безопасность производимой продукции [12, 13]. В связи с этим следует отметить, что существующая практика не мотивирует на обязательность выполнения положений множества государственных документов. Как показывают многие авторы, существующая негативная практика обусловлена тем, что статус (рекомендательный или обязательный характер) ряда документов четко не определен законодательно. В этих условиях, как отмечал Г.Г. Онищенко [20], не обеспечиваются качество и безопасность пищевых продуктов – одно из конституционных прав россиян.

В целях преодоления такой ситуации прежде всего необходимо отметить следующее: согласно профессиональному стандарту для индустрии питания и стандартам в области менеджмента все руководители предприятий общественного питания должны обладать соответствующей квалификацией, знаниями и навыками управления качеством пищевых продуктов на основе принципов ХАССП [12, 13], а объявленная политика в области качества производимой продукции под руководством группы ХАССП могла бы идентифицировать пищевые опасности, чтобы принимать соответствующие профилактические и корректирующие меры. Для этого руководство предприятия должно принять внутренний документ о политике предприятия в области качества производимой продукции, создать специально обученную группу ХАССП из опытных и авторитетных работников, организовать обучение всего персонала по специально разработанным программам.

Наши исследования показали, что осведомленность в области соблюдения нормативных требований поварами 3–4-го разрядов и заведующими производствами оценивается как не соответствующая современным системам менеджмента. Между тем, как следует из литературных данных,

хорошо осведомленные и обученные практическим решениям менеджеры по безопасности пищевых продуктов следуют безопасным процедурам обработки пищевых продуктов и организуют работу других работников предприятия в рамках системы ХАССП [7]. Надлежащая гигиеническая и производственная практика должна быть доведена до сведения персонала на основе специального обучения и подтверждена периодически обновляемыми программами обучения [9].

В рамках обсуждения проблем менеджмента на предприятиях общественного питания следует особо выделить три аспекта. Первый аспект: действующие стандарты и другие официальные документы содержат нормативно закреплённые требования к качеству продукции. Второй аспект: утверждённые и введённые в практику стандарты рассматриваются как рекомендательные, что в правовом подходе фундаментально отличает действующую систему стандартизации от прежней системы, создавая условия для вмешательства в бизнес. Такая ситуация в области управления качеством пищевой продукции индустрии питания потенциально увеличивает риск здоровью потребителей. Третий аспект: для выполнения нормативных требований к качеству продукции предприятий индустрии питания необходимо совершенствовать экономические и правовые механизмы ответственности за качество произведённой продукции.

Заключение

Проведённое нами исследование вопросов современного менеджмента позволяет заключить, что, несмотря на широкий спектр государственных законов и нормативных актов в области качества и безопасности пищевой продукции, предприятия общественного питания не демонстрируют подготовленность и, соответственно, готовность к внедрению стандартов и процедур обеспечения безопасности пищевых продуктов на основе принципов ИСО и ХАССП, которые изначально были предложены как условие для формирования нового технологического принципа изготовления кулинарной продукции надлежащего качества, обеспечивающего конституционное право потребителя на безопасную пищу. Основным барьером в области внедрения новых принципов управления качеством продуктов питания является несоответствие квалификаций руководителей предприятий общественного питания их функциональным обязанностям согласно требованиям профессионального стандарта в области общественного питания. Сохранение та-

кой ситуации, когда нормативно-правовые акты в области качества продуктов питания в полном объёме не выполняются, не укрепляет авторитет санитарного законодательства. В связи с этим остаётся актуальным и востребованным исследование развития правовой оценки невыполнения регламентирующих нормативных документов владельцами, руководителями и работниками предприятий общественного питания. Принимая во внимание всю значимость данной проблемы, можно сделать вывод, что реализация современного менеджмента в строгом соответствии с принципами ИСО и ХАССП должна рассматриваться как актуальная для решения задачи, отвечающая сущностным интересам личности, общества и государства.

Список литературы

1. Акифьев И.В., Пономарева И.К. Мотивация как один из основных факторов управления персоналом // Образование и наука в современном эффективном мире. Инновации. 2017. № 1. С. 103–112.
2. ГОСТ Р 51705.1-2001 Системы качества. Управление качеством пищевых продуктов на основе принципов ХАССП. Общие требования. М.: Стандартинформ, 2012. 12 с.
3. ГОСТ Р ИСО 22000-2007 Системы менеджмента безопасности пищевой продукции. Требования к организациям, участвующим в цепи создания пищевой продукции. М.: Стандартинформ, 2012. 30 с.
4. Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 О безопасности пищевой продукции от 09.12.2011 № 880. [Электронный ресурс]. URL: <https://rotest.net/wp-content/uploads/2014/10/TR-TS-021-2011-O-bezopasnosti-pischevoy-produktzii.pdf> (дата обращения: 28.07.2020).
5. Дмитриев А.Д., Андреева М.Г., Иванов В.Ф. Вопросы современного менеджмента и внедрения системы ХАССП в индустрии питания // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 11А. С. 25–32.
6. Дмитриев А.Д., Дмитриев Д.А., Трифонова А.Ю., Фролова М.А. Анализ современной организации управления в индустрии питания на основе развития внутреннего контроля качества продукции // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 17–21.
7. Lucey John, 2006. Personal Hygiene and food safety tips. [Electronic resource]. URL: <https://www.foodqualityandsafety.com/article/personal-hygiene-and-food-safety> (date of access: 28.07.2020).
8. Роспотребнадзор: функции, полномочия, задачи. [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/urist/rospotrebнадзор-funkcii-polnomochiia-zadachi-5aed6d569d5cb343d6ff8b33> (дата обращения: 28.07.2020).
9. Hamilton Ann, 2016. Study: Three main causes of food borne illness in eateries. [Electronic resource]. URL: <http://www.fosters.com/article/20160406/NEWS/160409608> (date of access: 28.07.2020).
10. ГОСТ Р 55889-2013 Услуги общественного питания. Система менеджмента безопасности продукции общественного питания. Рекомендации по применению ГОСТ Р ИСО 22000-2007 для индустрии питания. М.: Стандартинформ, 2015. 45 с.
11. Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 N 29-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/29_FZ-o-kachestve-i-bezopasnosti-pivevyh-produktov/ (дата обращения: 28.07.2020).

12. Профессиональные стандарты индустрии питания. Том 1: [Справочник] / Федерация Рестораторов и Отельеров. М.: ООО «Информационная группа «Ресторанные ведомости», 2013. 512 с.
13. Профессиональный стандарт. Руководитель предприятия питания (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 7 мая 2015 года N 281н). [Электронный ресурс]. URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293734/4293734384.pdf> (дата обращения: 28.07.2020).
14. СП 2.3.6.1079-01 Санитарно-эпидемиологические требования к организациям общественного питания, изготовлению и оборотоспособности в них пищевых продуктов и продовольственного сырья. [Электронный ресурс]. URL: <https://rushaccp.ru/sanpin-1079-01-s-izmenenijami/> (дата обращения: 28.07.2020).
15. ГОСТ 30390-2013 Услуги общественного питания. Продукция общественного питания, реализуемая населению. Общие технические условия. М.: Стандартинформ, 2014. 8 с.
16. Онищенко Г.Г., Покровский В.И., Романенко Г.А. и др. Политика здорового питания. Федеральный и региональные уровни. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2002. 341 с.
17. Власенко С.С. Уголовно-правовые аспекты противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний человека тема: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2011. 27 с.
18. Ряднев В.Ю. Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2004. 26 с.
19. Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по технологии продукции и организации общественного питания» (подготовлен Минтрудом России 26.11.2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56675101/> (дата обращения: 28.07.2020).
20. Онищенко Г.Г. Оценка и управление рисками для здоровья как эффективный инструмент решения задач обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации // Анализ риска здоровью. 2013. № 1. С. 4–14.

УДК 336.722

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ОРГАНИЗАЦИИ

Евсеева С.А., Герасимова М.М.

*Филиал Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика
М.Ф. Решетнева, Лесосибирск, e-mail: sae1972@rambler.ru*

Важным аспектом успешной деятельности организации в условиях риска и неопределенности является наличие эффективной системы управления. Для обоснования основных направлений ее совершенствования актуальной проблемой является разработка подходов для определения критериев оценки ее уровня развития. В области управления рисками рассматриваются различные процедуры оценки риска, включающие количественные и качественные методы. Значительный вклад в разработку инструментов оценки вносят международные и национальные стандарты по менеджменту риска. Настоящая статья посвящена разработке методики оценки системы управления рисками, базирующейся на пяти критериях, которые соответствуют функциям управляющей подсистемы. Оценка уровня развития системы управления рисками проводится на основе двухсторонней системы оценки: управленческого персонала и работников организации. Важным элементом анализа на базе функциональной модели оценки управления риском является построение матрицы потенциальных улучшений, которая позволит более точно определить эффективность изменений в той или иной зоне. Предлагаемая методика прошла апробацию в управляющей компании, занимающейся управлением многоквартирными домами. Анализ позволил выявить проблемные области в управлении рисками для разработки более целенаправленных управленческих воздействий. Методика носит универсальный характер и может быть использована организациями различных видов экономической деятельности.

Ключевые слова: управление рисками, планирование, организация, мотивация, контроль, координация, функциональная модель оценки управления риском, матрица возможности улучшений

FUNCTIONAL MODEL OF THE ORGANIZATION'S RISK MANAGEMENT SYSTEM

Evseeva S.A., Gerasimova M.M.

*Lesosibirsk Branch of Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Lesosibirsk,
e-mail: sae1972@rambler.ru*

An important aspect of an organization's successful operation in the face of risk and uncertainty is the availability of an effective management system. To justify the main directions of its improvement, an urgent problem is the development of approaches to determine the criteria for evaluating its level of development. In the field of risk management, various risk assessment procedures are considered, including quantitative and qualitative methods. International and national standards on risk management make a significant contribution to the development of assessment tools. This article is devoted to the development of a methodology for evaluating the risk management system based on five criteria that correspond to the functions of the control subsystem. Assessment of the level of the risk management system development should be carried out on the basis of a bilateral assessment system: management personnel and employees of the organization. An important element of the analysis based on the functional model of risk management assessment is the construction of a matrix of potential improvements, which will allow us to determine more accurately the effectiveness of changes in a particular zone. The proposed method has been tested in a management company that manages apartment buildings. The analysis allowed us to identify problematic areas in risk management in order to develop more targeted management actions. The proposed method has been tested in a management company that manages apartment buildings. The analysis allowed us to identify problematic areas in risk management for the development of more targeted management actions. The method is universal and can be used by organizations of various types of economic activity.

Keywords: risk management, planning, organization, motivation, control, coordination, functional model of risk management assessment, improvement opportunities matrix

Организации работают в динамично развивающейся, изменяющейся внешней среде, что ставит перед менеджментом задачи управления рисками. Успешная экономическая деятельность напрямую зависит от системы управления рисками. Управление рисками располагает разнообразными методами идентификации, направленными на установление всех возможных рисков, которым подвержена организация, и основных причин их возникновения [1; 2]. Эффективное управление рисками напрямую связано с выбором методов их оценки. На практике существует множество под-

ходов к оценке рисков, классифицируемых на качественные и количественные методы. К наиболее распространённым методам оценки относятся статистические, расчетно-аналитические и экспертные методы [3–5]. Однако, на наш взгляд, предлагаемые процедуры оценки риска не дают возможности провести оценку системы управления рисками для целей ее совершенствования через улучшения, что позволяет предлагаемая функциональная модель.

Цель исследования состоит в разработке инструментария для количественной оценки уровня развития системы управле-

ния рисками организации и в выявлении основных направлений для улучшения.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования является разработанная авторами функциональная модель оценки управления риском, основанная на критериях, соответствующих основным функциям управляющей подсистемы: планированию, организации, мотивации, контролю, координации. Выбор данного подхода объясняется тем, что управление риском – органичная часть менеджмента, ставящая своей целью разработку и реализацию управленческих решений в условиях риска и неопределенности.

В рамках функции планирования предполагается определение целей и задач организации в управлении рисками, а также ресурсов, необходимых для достижения этих целей. Функция организации определяет формирование таких организационных условий, которые обеспечили бы наиболее эффективное достижение желаемых результатов в управлении рисками. Главная задача координации – обеспечение полного соответствия между организационной и информационной структурами системы управления рисками. При этом задача мотивации заключается в том, чтобы активизировать персонал эффективно трудиться для выполнения запланированных целей в управлении рисками. Выработку и осуществление своевременного применения выбранных методов оценки рисков и управляющего воздействия отражает реализация функции контроля.

Результаты исследования и их обсуждение

Функциональная оценка системы управления рисками состоит из двух направлений анализа:

1. Определение уровня развития системы управления рисками.

2. Определение возможных направлений для улучшения системы управления рисками.

Для определения уровня развития системы управления рисками разработана анкета, вопросы в которой составлены в соответствии с функциями управляющей подсистемы (табл. 1). Необходимым условием оценки по предлагаемой методике является анкетирование управленческого персонала и работников компании с соблюдением следующей пропорциональности: 80% управленческого персонала и не менее 50% работников.

Для установления уровня развития системы управления рисками необходимо

рассчитать по каждому из пяти критериев среднюю оценку по организации:

$$O = \frac{O_{\text{упр.}} + O_{\text{раб.}}}{2}, \quad (1)$$

где $O_{\text{упр.}}$ – оценка управленческого персонала организации;

$O_{\text{раб.}}$ – оценка работников организации.

Уровни развития системы управления рисками организации, используемые в данной модели оценки, отражает табл. 2.

Следующий этап оценки системы управления рисками – выявление основных направлений для ее улучшения.

При выборе направлений улучшений в системе управления рисками особую значимость имеет возможность определить, насколько соответствует представление управленческого персонала о положении дел на предприятии мнению работников. Степень соответствия представлений управленческого персонала и сотрудников можно оценить путем расчета коэффициента адекватности системы управления рисками. Коэффициент адекватности системы управления рисками рассчитывается по формуле:

$$R_{\text{ад.}} = \frac{O_{\text{упр.}} - O_{\text{раб.}}}{4}, \quad (2)$$

где $R_{\text{ад.}}$ – коэффициент адекватности системы управления рисками;

$O_{\text{упр.}}$ – оценка управленческого персонала организации;

$O_{\text{раб.}}$ – оценка работников организации.

В зависимости от значения коэффициента адекватности выявляются условия, препятствующие и способствующие внедрению улучшений в систему управления рисками.

Условием, способствующим внедрению улучшений, является значение показателя адекватности от -0,1 до 0,1. Значение показателя в данном диапазоне свидетельствует о том, что мнения управленческого персонала и сотрудников совпадают в отношении текущего состояния системы управления рисками. Руководители в сложившейся ситуации имеют возможность постоянно совершенствовать работу по управлению рисками.

К условиям, препятствующим внедрению улучшений, относятся случаи, когда значение коэффициента адекватности варьируется от -1 до -0,1 и от 0,1 до 1. В первом случае работники дают более высокую оценку системе управления рисками, чем управленческий персонал организации. В организации существует потенциальная возможность для внедрения изменений, но только после корректировки позиций

управленческого персонала. Во втором случае управленческий персонал оценивает систему управления рисками выше, чем работники организации. В сложившейся ситуации продолжение политики внедрения улучшений возможно в случае, если будут урегулированы выявленные противоречия.

Эффективность внедряемых направлений улучшения также зависит от согласованности мнений управленческого персонала и сотрудников организации, которую можно оценить путем расчета коэффициента согласованности мнений сотрудников.

Коэффициент согласованности мнений сотрудников отражает противоположность мнений внутри коллектива и рассчитывается по следующей формуле:

$$R_{\text{см}} = \frac{n \sum_{i=1}^m (O_i)^2 - \left(\sum_{i=1}^m O_i \right)^2}{n^2}, \quad (3)$$

где $R_{\text{см}}$ – коэффициент согласованности мнений сотрудников организации;
 n – количество опрашиваемых сотрудников;
 O_i – оценка опрашиваемых сотрудников;
 m – число вопросов в анкете.

Таблица 1

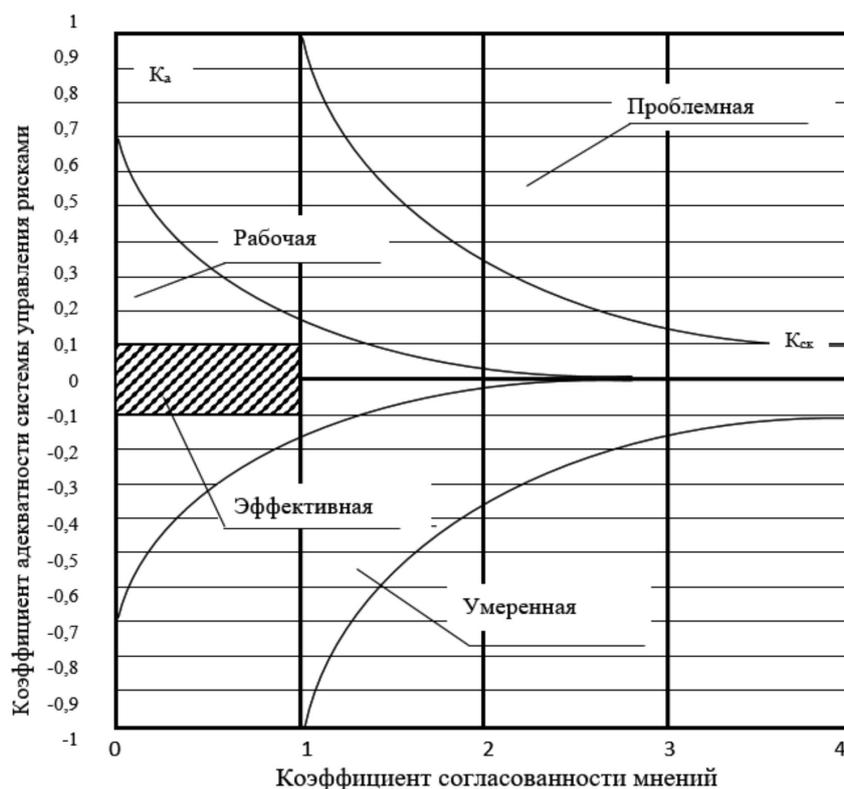
Функциональная модель системы управления рисками

	Оценка
1. Планирование	
1.1 Уточнение стратегических целей и задач по управлению рисками в организации	4
1.2 Порядок сбора и анализа информации о потенциальных рисках организации	4
1.3 Разработка детальной модели процесса управления рисками в организации	4
1.4 Порядок сбора и анализа информации о потенциальных рисках конкурентов	4
1.5 Ресурсное обеспечение системы управления рисками	4
	20
2. Организация	
2.1. Проектирование оптимальной структуры управления риском	4
2.2. Согласованность ответственности и полномочий в процессе управления рисками в организации	4
2.3. Наличие предпосылок для индивидуального и коллективного обучения в интересах достижения целей в управлении рисками	4
2.4. Результативность процесса управления рисками в организации	4
2.5. Обеспечение надлежащего взаимодействия подразделений организаций при решении задач управления рисками	4
	20
3. Мотивация	
3.1 Уровень развития корпоративной культуры организации	4
3.2 Стратегия обучения и профессионального развития персонала в области управления рисками в организации	4
3.3 Структура интересов и ценностей работников организации	4
3.4 Понимание необходимости совместной деятельности и умение работать во взаимодействии с другими в процессе управления рисками	4
3.5 Удовлетворение работников результатами своей деятельности при реализации мероприятий по управлению рисками	4
	20
4. Контроль	
4.1 Механизм контроля реализации мероприятий по управлению рисками	4
4.2 Мониторинг системы управления рисками	4
4.3 Механизм использования ресурсов при реализации мероприятий по управлению рисками	4
4.4 Корректировка мер по снижению рисков в организации	4
4.5 Эффективность реализации мер воздействия на риск	4
	20
5. Координация	
5.1 Единство и согласованность всех стадий процесса управления рисками	4
5.2 Порядок внутренних взаимосвязей организации	4
5.3 Координационные и интеграционные механизмы преодоления конфликтов	4
5.4 Выявление и анализ причин отклонений. Механизм корректировки методов управления риском в организации	4
5.5 Информационное обеспечение системы управления рисками организации	4
	20

Таблица 2

Уровни развития системы управления рисками организации

Уровень	Оценка	Характеристика уровня
V	21–25	Максимальный уровень развития системы управления рисками
IV	16–20	Высокий уровень развития системы управления рисками
III	11–15	Средний уровень развития системы управления рисками
II	6–10	Низкий уровень развития системы управления рисками
I	1–5	Минимальный уровень развития системы управления рисками

Матрица потенциальных улучшений в системе управления рисками

Значение коэффициента согласованности мнений сотрудников организации может варьироваться от 0 до 4. Можно говорить о согласованности мнений опрашиваемых сотрудников в случае, если значение коэффициента изменяется от 0 до 1. При таком значении коэффициента у организации имеется высокий потенциал для осуществления улучшений в системе управления рисками.

Если значение коэффициента изменяется от 1 до 4, то это говорит о несогласованности мнений среди опрашиваемых сотрудников и низкой эффективности предлагаемых улучшений или их отсутствии. Для того чтобы предлагаемые мероприятия по улучшению были приняты сотрудниками, необходимо выяснить причины разногласий.

Наиболее точно определить эффективность организационных изменений в управляющей подсистеме позволяет матрица потенциальных улучшений, которая строится на основе двух показателей: коэффициента адекватности системы управления рисками и коэффициента согласованности мнений сотрудников организации (рисунок).

Далее на основе построенной матрицы потенциальных улучшений можно выделить следующие области в зависимости от степени возможности улучшений по анализируемым критериям оценки:

- 1) эффективная область – значительно интегрированный процесс улучшения, высокая степень возможностей для улучшений;
- 2) рабочая область – управляемый процесс улучшения, устойчивые тенденции; средняя степень возможностей для улучшений;

3) умеренная область – систематический подход к управлению рисками, низкая степень возможностей для улучшений;

4) проблемная область – систематический подход к проблемам управления рисками отсутствует, результаты улучшений слабые или непредсказуемые.

Предлагаемая методика прошла апробацию в управляющей компании, занимающейся управлением многоквартирными домами. Анализ позволил выявить проблемные области в управлении рисками для разработки более целенаправленных управленческих воздействий.

Заключение

Таким образом, функциональная модель оценки управления рисками нацелена на достижение и поддержание конкурентных преимуществ посредством регулярной оценки и реализации организационной стратегии непрерывного улучшения. Предлагаемая функциональная модель оценки управления рисками предоставляет руководителю возможность диагностировать управленческую деятельность в области управления

рисками, осуществлять выбор наиболее эффективного взаимодействия и оптимального уровня ресурсов для увеличения возможностей организации в реализации целей управления рисками. Предложенный подход можно применять и практически использовать организациями различных видов экономической деятельности с учетом их отличительных особенностей.

Список литературы

1. Дебердиева Н.П., Воронин А.В. Идентификация рисков промышленных предприятий в концепции риск-менеджмента // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 1425–1438.
2. Адаменко А.А., Петров Д.В., Маркелов В.В. Классификация факторов риска предпринимательской деятельности // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 28 (2). С. 10–15.
3. Поташник Я.С., Кузнецова С.Н. Методика оценки управления рисками на предприятии // Экономика: вчера, сегодня, завтра, 2019. Т. 9. № 11–1. С. 349–357.
4. Якупов Б.Т. Методы, инструменты и оценка рисков в нефтегазовой отрасли // Синергия Наук. 2018. № 27. С. 46–57.
5. Мануйленко В.В., Куницын И.И. Статистические и балльно-весовые методы оценки репутационных рисков коммерческих банков // Дайджест-финансы. 2019. Т. 24. № 2 (250). С. 191–206.

УДК 338.012

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТОВ РАСТЕНИЕВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)**Киварина М.В., Юрина Н.Н.***ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,
Великий Новгород, e-mail: Mariya.Kivarina@novsu.ru, Nataliya.Yurina@novsu.ru*

В статье на основании имеющихся подходов к исследованию перспектив внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство авторами предложено собственное видение методики оценки цифровой трансформации субъектов растениеводства. Данная методика позволяет провести комплексный анализ качественных параметров, характеризующих степень внедрения цифровых инструментов в растениеводство региона. Оценка производится в разрезе шести предметных областей – аналитических блоков – модернизация (инновационная активность), кадры, цифровые технологии, управление, техника и технологии, земельные ресурсы; и позволяет определить профиль предприятия с позиции эффективности использования цифровых ресурсов, а также уровень цифровизации по каждому аналитическому блоку. В рамках методики разработаны тестовые индикаторы – показатели реализации тех или иных мероприятий, прямо или косвенно касающихся цифровой модернизации растениеводства. Например, система кадрового менеджмента в фокусе сформированности цифровых компетенций и направлений работы хозяйствующих субъектов по их достижению/повышению; эффективность принятия управленческих решений с позиции применения инструментов цифровых технологий и программных средств и т.д. Методика была апробирована на материалах Новгородской области. Полученные результаты можно будет применять для выявления барьеров, препятствующих цифровому развитию растениеводства регионального уровня, а также выработки предложений для принятия решений в части перехода отдельных экономических субъектов к системному применению цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, растениеводство, методика, анализ, уровень, профиль, регион**METHODOLOGY FOR ASSESSING THE DIGITAL TRANSFORMATION OF PLANT GROWING SUBJECTS (ON THE EXAMPLE OF THE NOVGOROD REGION)****Kivarina M.V., Yurina N.N.***Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod,
e-mail: Mariya.Kivarina@novsu.ru, Nataliya.Yurina@novsu.ru*

In the article, based on the available approaches to the study of the prospects for the introduction of digital technologies in agriculture, the authors proposed their own vision of the methodology for assessing the digital transformation of crop production entities. This technique allows for a comprehensive analysis of qualitative parameters characterizing the degree of implementation of digital tools in crop production in the region. The assessment is carried out in the context of six subject areas – analytical blocks – modernization (innovative activity), personnel, digital technologies, management, equipment and technologies, land resources; and allows you to determine the profile of the enterprise from the standpoint of the efficiency of using digital resources, as well as the level of digitalization for each analytical block. Within the framework of the methodology, test indicators have been developed – indicators of the implementation of certain measures, directly or indirectly related to the digital modernization of crop production. For example, the personnel management system in the focus of the formation of digital competencies and areas of work of business entities to achieve / hang them; efficiency of making management decisions in terms of using digital technology tools and software, etc. The technique was tested on materials from the Novgorod region. The results obtained can be used to identify barriers hindering the digital development of crop production at the regional level, as well as to develop proposals for decision-making in terms of the transition of individual economic entities to the systematic use of digital technologies.

Keywords: digitalization, crop production, methodology, analysis, level, profile, region

В сложившихся условиях развития российской экономики одним из драйверов ее роста, по нашему мнению, является внедрение цифровых технологий в различные отрасли и сферы, в частности – сельское хозяйство и растениеводство. Растениеводство – одна из ведущих отраслей сельского хозяйства России, поскольку обеспечивает стабильный рост и значительную часть продовольственной безопасности страны. Приоритеты, а в целом и направления отраслей растениеводства, варьируются по регионам России в зависимости от погодно-климатических условий и географического располо-

жения. Очень важно иметь оценочно-аналитический инструмент, который бы позволил выполнить мониторинг состояния цифровой трансформации субъектов растениеводства.

Цель исследования заключается в попытке разработать методику оценки состояния цифровой трансформации субъектов растениеводства, позволяющую определить уровень и состояние технологических и инновационных процессов в отрасли, направленных на применение цифровых инструментов и средств; апробировать полученный аналитический инструмент на материалах Новгородской области.

Материалы и методы исследования

В исследовании использовались формально-логический метод, диалектический метод познания экономических и социальных процессов, метод системного анализа, а также методика DIGITAL-анализа, предложенная И.Б. Манжосовой [1]. Базой данных являлись бюллетени о состоянии сельского хозяйства в Российской Федерации, информационно-аналитические материалы Федеральной службы государственной статистики (Росстата), информация из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также Статистические сборники Высшей школы экономики (ВШЭ).

В работе И.Б. Манжосовой [1, с. 79] предложена методика анализа перспектив внедрения информационных технологий в информационно-аналитическое обеспечение реализации стратегии модернизации сельского хозяйства, которая позволяет оценить готовность сельскохозяйственных организаций к внедрению цифровых инструментов. Используя логику указанного автора, нами была разработана методика UPDATE-анализа, позволяющая (путем использования системы тестовых индикаторов) определить тип устойчивости предприятия (его профиль) с позиции эффективности использования цифровых ресурсов и инноваций, а также выполнить качественную и количественную оценку состояния хозяйствующих субъектов отрасли растениеводства на предмет их модернизации и цифровой трансформации.

Предлагаемый нами методический подход состоит из нескольких блоков (UPDATE: U (Upgrading) – модернизация, инновационная активность; P (Personnel) – кадры; D (Digital instrument) – цифровые технологии; A (Administration) – управление; T (Technology) – техника и технологии; E (Earth resources) – земельные ресурсы), аналитический потенциал которых позволяет комплексно оценить воздействие процессов цифровизации на растениеводство, степень инновационной активности и цифровых трансформаций экономического субъекта, идентифицировать цифровой профиль субъектов растениеводства и т.д. В системе оценки используются количественные и качественные показатели, отраслевые и общэкономические, абсолютные и относительные и т.д. Разнородность рассчитываемых показателей позволяет выявить явные и скрытые взаимосвязи между процессами цифровой модернизации, идентифицировать текущее состояние, определить дальнейшие направления инновационной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

Схему предлагаемой методики можно описать следующими этапами:

1 этап. Определение цели и задач UPDATE-анализа. Целью предлагаемой нами методики является оценка состояния цифровой трансформации субъектов растениеводства. Задачи UPDATE-анализа сводятся к следующему:

- скоринговая (балльная) оценка предметных областей (аналитических блоков) хозяйствующих субъектов растениеводства, где возможно внедрить цифровые технологии;
- оценка состояния технологических и инновационных процессов в отрасли и направлений их дальнейшего развития;
- выявление барьеров, препятствующих развитию растениеводства регионального уровня;
- выработка предложений для принятия решений в части перехода отдельных экономических субъектов к системному применению цифровых технологий.

2 этап. Отбор предприятий по системе критериев. Интервьюирование субъектов. Объектом оценки выступают сельскохозяйственные организации, обладающие достаточным потенциалом для внедрения цифровых технологий.

3 этап. Оценка качественных параметров, характеризующих степень внедрения цифровых технологий в растениеводство региона. Оценка производится в разрезе шести аналитических блоков, характеристика которых представлена в табл. 1.

Оценка качественных параметров проводится в форме интервьюирования специалистов диагностируемого хозяйствующего субъекта, в результате которого в зависимости от фактов проведения тех или иных мероприятий, прямо или косвенно касающихся цифровой модернизации, выставляются баллы. При отсутствии фактов проведения мероприятий по аналитическому блоку ставится 0 баллов, если мероприятие выполнено частично и не имеет системного характера – 0,5 балла, если мероприятие реализуется системно, в полной мере – 1 балл (табл. 2).

4 этап. Количественная оценка параметров, характеризующих степень внедрения цифровых технологий в растениеводство региона; определение цифрового профиля предприятий и уровня цифровизации каждого аналитического блока. Для реализации методики используются интервальные границы для каждой аналитической области UPDATE-анализа. Так, для аналитической области «Модернизация, инновационная

активность» максимально возможный балл составляет 9. Исходя из этого, в соответствии с правилом золотого сечения (золотая пропорция, которая в процентном округлённом значении составляет соотношение 62% и 38%), а также классификацией типов развития ресурсориентированного производства, предложенной [2], определены нормативы (пороговые значения) для интенсивного (> 62% от максимально возможного количества баллов по аналитическому блоку), интенсивно-экстенсивного

(> = 38% – < = 62%), экстенсивно-интенсивного (> = 14% – < 38%) и экстенсивного (< 14%) уровней цифровизации (табл. 3).

5 этап. *Обобщение информации и выработка рекомендаций.* В качестве объектов анализа были выбраны предприятия Новгородской области, являющиеся одними из наиболее крупных в отрасли растениеводства и отобранные выборочным методом. При выборочном методе обследованию подвергается небольшая часть совокупности 5–10% [3, с. 75].

Таблица 1

Характеристика аналитических блоков UPDATE-анализа

Аналитический блок		Характеристика
U	Upgrading (U1-U9) / Модернизация, инновационная активность	Данная аналитическая область отражает разработанные и готовые к внедрению, а также используемые инновационные средства, методы, формы управления, маркетинговой деятельности; результаты научно-исследовательской деятельности в сфере «умного сельского хозяйства», селекции, геномики и т.д.
P	Personnel (P1-P7) / Кадры	Анализируется система кадрового менеджмента в фокусе сформированности цифровых компетенций и направлений работы хозяйствующих субъектов по их достижению/повешению
D	Digital instrument (D1-D9) / Цифровые технологии	Оценивается степень цифровой активности экономических субъектов
A	Administration (A1-A6) / Управление	Оценивается эффективность системы принятия управленческих решений с позиции применения инструментов цифровых технологий и программных средств
T	Technology(T1-T7) / Техника и технологии	Оценивается наличие и достаточность технических средств и технологий для реализации концепции цифровой агроэкономики
E	Earth resources (E1-E9) / Земельные ресурсы	Анализируется состояние земельных ресурсов как одного из главных ресурсов сельскохозяйственных организаций и объектов применения цифровых технологий

Таблица 2

Тестовые индикаторы скорингового этапа UPDATE-анализа (фрагмент)

Аналитический блок	Балл
Earth resources / Земельные ресурсы	
E-1. Внедрение новейших цифровых технологий обработки земли, которые обеспечивают снижение производственных затрат и увеличение урожайности сельскохозяйственных культур	
E-2. Использование новых удобрений (биоактиваторов, других органических и химических веществ), применение которых основано на основе цифровых технологий	
E-3. Внедрение новых методов ухода за посевами, применение которых основано на основе цифровых технологий	
E-4. Применение технологий органического земледелия, реализуемого через цифровые инструменты	
E-5. Использование новых методов профилактики и лечения болезней растений, борьбы с вредителями, применение которых основано на основе цифровых технологий	
E-6. Использование новых методов ирригации, применение которых основано на основе цифровых технологий	
E-7. Использование технологии «точного земледелия»	
E-8. Построение электронных картограмм посевов посредством применения систем позиционирования GPS/ГЛОНАСС	
E-9. Использование специализированных программных продуктов для управления земельными ресурсами	

Таблица 3

Значения показателей скрининговой оценки UPDATE-анализа для определения цифрового профиля организаций отрасли растениеводства

Аналитический блок	Максимально возможное количество баллов	Пороговые значения			
		Интенсивный тип цифровизации	Интенсивно-экстенсивный тип	Экстенсивно-интенсивный тип	Экстенсивный тип
		Абсолютная устойчивость	Нормальная устойчивость	Неустойчивое состояние	Кризисное состояние
U – Модернизация	9,0	более 5,6	5,6–3,4	3,3–1,3	менее 1,3
P – Кадры	7,0	более 4,3	4,3–2,7	2,6–1,0	менее 1,0
D – Цифровые технологии	9,0	более 5,6	5,6–3,4	3,3–1,3	менее 1,3
A – Управление	6,0	более 3,7	3,7–2,3	2,2–0,8	менее 0,8
T – Техника и технологии	7,0	более 4,3	4,3–2,7	2,6–1,0	менее 1,0
E – Земельные ресурсы	9,0	более 5,6	5,6–3,4	3,3–1,3	менее 1,3
Итоговая оценка	47	более 29,1	29,1–17,9	17,8–6,6	менее 6,6

В отрасли растениеводства Новгородской области по состоянию на 01 января 2020 г. действовали 235 организаций таких категорий хозяйствования и форм собственности, как сельскохозяйственные организации – общества с ограниченной ответственностью (ООО), закрытые акционерные общества (ЗАО), открытые акционерные общества (ОАО) сельскохозяйственные кооперативы (СХК), сельскохозяйственные производственные кооперативы (СХПК), сельскохозяйственная производственная артель /колхоз/ (СХАРТ); крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), крестьянские хозяйства (КФ), садоводческие товарищества (СНТ или СТ), дачные некоммерческие партнерства (ДНП). Под организациями, занятыми в отрасли растениеводства, будем понимать те, которые осуществляют такую деятельность по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД), как выращивание овощей; выращивание овощей, бахчевых, корнеплодных и клубнеплодных культур; выращивание зерновых (кроме риса), зернобобовых культур и семян масличных культур; выращивание зерновых и однолетних кормовых культур; выращивание однолетних кормовых культур; выращивание картофеля, столовых корнеплодных и клубнеплодных культур с высоким содержанием крахмала или инулина; выращивание овощей, бахчевых, корнеплодных и клубнеплодных культур, грибов и трюфелей; выращивание волокнистых прядильных культур; выращивание рассады; выращивание культур для производства напитков; выращивание прочих сельскохозяйственных культур, не включенных в другие группировки; овощеводство; смешанное сельское хозяйство.

Для определения количества предприятий отрасли растениеводства Новгородской области, которые примут участие в интервьюировании, мы использовали метод районированной (стратифицированной) одномерной пропорциональной выборки, при которой генеральную совокупность разделили на однородные части (экономико-географические районы), а затем осуществили отбор единиц внутри этих частей. Согласно формуле (*), отбор из страт (районов) был осуществлён пропорционально объёму (числу) предприятий, входящих в объём генеральной совокупности [4, с. 145]:

$$n_i = n \frac{N_i}{N}, \quad (*)$$

где n – общий объём выборочной совокупности;
 $\frac{N_i}{N}$ – удельный вес данной (i -й) группы в генеральной совокупности.

В результате проведения количественного UPDATE-анализа нами был установлен цифровой профиль 23 анализируемых предприятий отрасли растениеводства Новгородской области, который наглядно показывает несбалансированность принимаемых мер по цифровой трансформации производственных и административно-управленческих процессов в данных организациях. Интенсивный тип цифровизации и абсолютную устойчивость по отношению к реализации цифровых технологий не имеет ни одно предприятие. У большей части (52,5%) интервьюированных субъектов выявлен экстенсивно-интенсивный тип цифровизации, интенсивно-экстенсивный и экс-

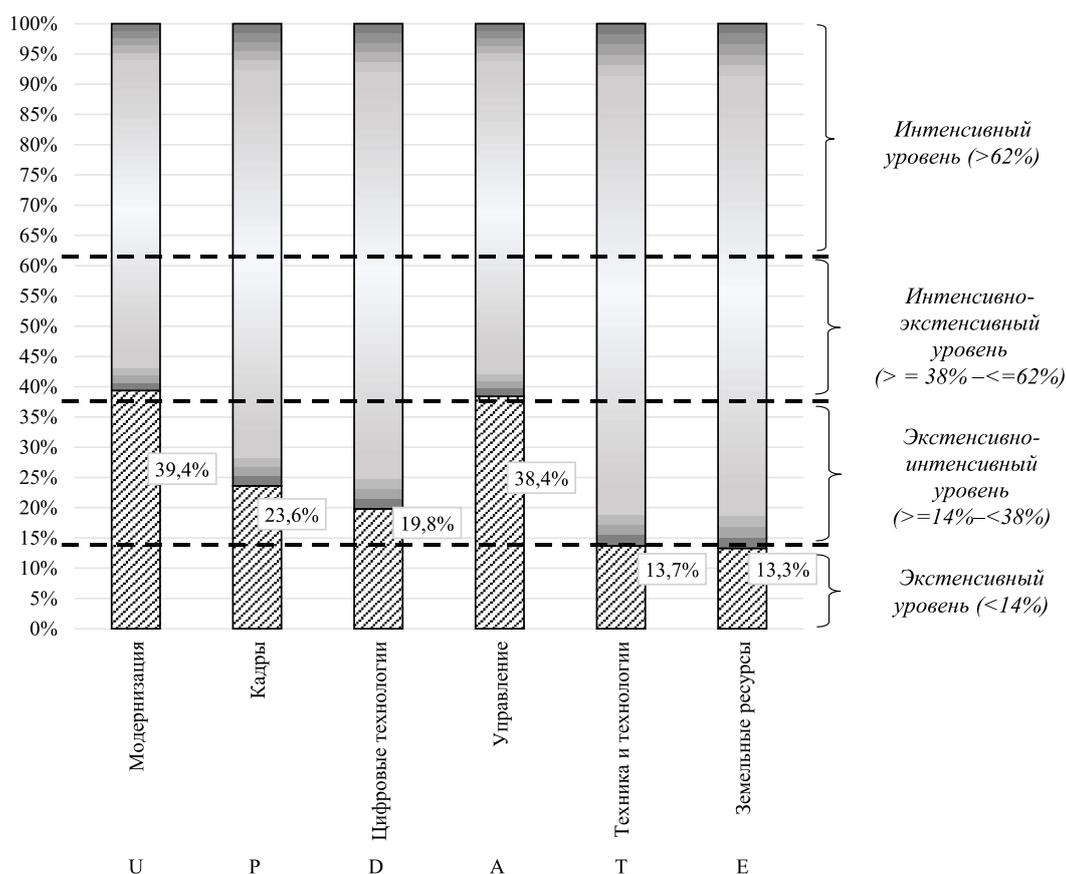
тенсивный тип цифровизации имеют 21,7% и 26,1% организаций соответственно.

Далее анализируем состояние направлений (аналитических блоков) цифровой модернизации растениеводства Новгородской области. Используя те же интервальные границы (пороговые значения), определим уровень цифровой трансформации по каждому аналитическому блоку: интенсивный – > 62% от максимально возможного количества баллов, интенсивно-экстенсивный – >= 38% – <= 62%, экстенсивно-интенсивный – >= 14% – < 38% и экстенсивный – < 14%.

Применение полученных данных на практике позволяет идентифицировать наиболее актуальные направления цифровой модернизации растениеводства Новгородской области. Так, наиболее развитыми аналитическими блоками являются U (Upgrading, Модернизация) и A (Administration, Управление), что свидетельствует о меньшем количестве факторов, отрицательно влияющих на модернизацию производства, достаточно развитом подходе с позиции применения

цифровых инноваций в процессе управления предприятием и администрирования. В свою очередь средний уровень отмечен по таким аналитическим блокам, как P (Personnel, Кадры), D (Digital instrument, Цифровые технологии); низкий – T (Technology, Техника и технологии) и E (Earth resources, Земельные ресурсы) (рисунок).

Развитие блоков T (Technology, Техника и технологии) и E (Earth resources, Земельные ресурсы), которые находятся на более низком уровне внедрения цифровых инструментов, по нашему мнению, очень значимое, неотъемлемое, но продолжительное во времени направление цифровой трансформации растениеводства, требующее больших капиталовложений, поэтому оно видится нами как задел на будущее. Приоритетными блоками, на которых важно акцентировать внимание сейчас, мы считаем P (Personnel, Кадры) и D (Digital instrument, Цифровые технологии). Интенсификация внедрения цифровых инструментов в этих областях позволит получить экономический эффект в ближайшей перспективе.

Реализация параметров по каждому аналитическому блоку на анализируемых предприятиях Новгородской области

Подтверждением нашего представления может служить региональный проект «Цифровое сельское хозяйство» [5] Новгородской области, предполагающий создание региональной информационной системы агропромышленного комплекса (РИС АПК), а значит, среды, объединяющей применение различных цифровых технологий, на обеспечение функционирования которой требуется квалифицированный персонал.

Заключение

Таким образом, возникает несколько теоретических и практических проблем, требующих решения. Логика существующих на российском рынке цифровых платформ и соответствующие им бизнес-экосистемы содержат в себе потенциальные возможности для имплементации стандартов (правил коммуникаций, институциональных моделей), но не учитывают социальные требования устойчивого развития растениеводства.

В Новгородской области ситуация осложняется отсутствием платформ в аграрном бизнесе, но это содержит и определенные возможности. Потому что при создании

региональной платформы цифрового растениеводства возможно учесть интересы всех стейкхолдеров в архитектуре и логике функционирования такой платформы. Такая платформа должна стать основой для построения Министерством сельского хозяйства Новгородской области экосистемы цифровых сервисов и услуг для АПК в целом.

Список литературы

1. Манжосова И.Б. Формирование стратегии модернизации сельского хозяйства в условиях цифровой экономики: дис. ... докт. экон. наук. Ставрополь, 2019. 436 с.
2. Ендовицкий Д.А. Ресурсоориентированный экономический анализ: теория, методология, практика // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 38 (341). С. 2–8.
3. Дудин М.Н. Теория статистики: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2020. 148 с.
4. Ефимова М.Р., Петрова Е.В., Ганченко О.И., Михайлов М.А. Общая теория статистики. Практикум: учебное пособие для академического бакалавриата / Под ред. М.Р. Ефимовой. М.: Юрайт, 2019. 355 с.
5. Рабочий план приоритетного регионального проекта «Цифровое сельское хозяйство». Утв. 08.08.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://apk.novreg.ru/tinybrowser/files/programmy/prioritetnie_proekti/rabochiy_plan_proekta_cifrovoe_sh.pdf (дата обращения: 05.08.2020).

УДК 334:658.11

РАЗВИТИЕ РИСК-ОРИЕНТИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ В НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Климошенко М.И., Билиходзе А.К., Парушина Н.В.

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Орёл, e-mail: parushinan@mail.ru

Неустойчивость мировой и национальной экономики обуславливает необходимость повышения эффективности системы управления рисками. Процесс управления рисками стандартизирован, но сам механизм идентификации, анализа и оценки рисков может отличаться для разных организаций. Некоммерческие организации в силу специфики своей деятельности могут нести риски репутационного, регулирующего и коррупционного характера. В статье рассмотрены особенности формирования и развития системы управления рисками в некоммерческих организациях. Доказана необходимость встраивания процесса риск-ориентированного управления в общую систему менеджмента организации или учреждения. Методика исследования и выводы авторов основаны на обзоре научных и практических материалов, статистической информации, данных международных аудиторских компаний. Рассмотрена этапность определения и оценки рисков, распределены обязанности руководства, риск-менеджера, владельцев рисков и сотрудников компании в процессе управления рисками. Предложены группы рисков, которые для некоммерческих организаций должны быть разделены на операционные, финансовые, репутационные, регуляторные, коррупционные. Система риск-управления разделена на подсистемы, которые включают сам процесс управления рисками, комплаенс-управление и внутренний контроль и аудит. Процесс управления рисками с практической точки зрения ориентирован на правильную идентификацию рисков применительно к деятельности некоммерческих организаций, анализ и оценку рисков и мониторинг влияния рисков на процессы и механизмы принятия управленческих решений. Комплаенс-управление ориентировано на предупреждение рисков и недопущение наступления кризисных ситуаций при нарушении действующего законодательства. Контроль и аудит органично вписываются в систему риск-ориентированного управления на всех уровнях, для текущего отслеживания и предупреждения негативных факторов.

Ключевые слова: внутренний контроль, дерево целей, комплаенс-управление, некоммерческая организация, риск-менеджмент

DEVELOPMENT OF RISK-BASED MANAGEMENT IN NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Klimoshenko M.I., Bilikhodze A.K., Parushina N.V.

Central Russian Institute of Management – branch of RANHIGS, Orel, e-mail: parushinan@mail.ru

The instability of the global and national economies makes it necessary to improve the efficiency of the risk management system. The risk management process is standardized, but the mechanism for identifying, analyzing and assessing risks may differ from organization to organization. Non-profit organizations, due to the specifics of their activities, can carry risks of a reputation, regulatory and corruption nature. The article discusses the features of the formation and development of the risk management system in non-profit organizations. The necessity of embedding the process of risk-oriented management into the general management system of an organization or institution has been proved. The research methodology and conclusions of the authors are based on a review of scientific and practical materials, statistical information, data from international audit companies. The stages of identification and assessment of risks are considered, responsibilities of the management, risk manager, risk owners and company employees in the process of risk management are distributed. The proposed groups of risks, which for non-profit organizations, should be divided into operational, financial, reputational, regulatory, and corruption. The risk management system is divided into subsystems that include the risk management process itself, compliance management and internal control and audit. From a practical point of view, the risk management process is focused on correct identification of risks in relation to the activities of non-profit organizations, analysis and assessment of risks and monitoring of the impact of risks on the processes and mechanisms for making management decisions. Compliance management is focused on risk prevention and prevention of crisis situations in case of violation of current legislation. Control and audit organically fit into the system of risk-based management at all levels, for the current monitoring and prevention of negative factors.

Keywords: internal control, goal tree, compliance – management, non-profit organization, risk management

В современных условиях система управления в организациях и учреждениях подлежит трансформации. Трансформационные преобразования касаются использования риск-технологий в управлении для улучшения результативности деятельности и повышения эффективности принятия управленческих решений. Несмотря на то что риск-ориентированный подход нашел свое широкое применение в сфере финансово-хозяйственной деятельности

организаций разных организационно-правовых форм и отраслей экономики, в некоммерческом секторе экономики система управления рисками до сих пор не выстроена. И это не потому, что некоммерческие организации ориентированы на разные условия и формы хозяйствования, а необходима адаптация риск-менеджмента некоммерческих структур к особенностям анализа и оценки репутационных и регуляторных рисков. Некоммерческая сфера ставит своей

целью не получение прибыли, а приращение иной, нефинансовой стоимости субъекта экономики, в повышении которой заинтересованы особые группы стейкхолдеров. На рост стоимости организации влияют риски потери имиджа, невыполнения показателей мониторинга, снижения бюджетных ассигнований, изменения приоритетов государственной политики. Кроме того, уязвимость некоммерческих организаций в условиях пандемии коронавируса и закрытия государственных границ может быть обусловлена социальными проблемами и снижением покупательной способности населения. Влияние кризисов в настоящее время не носит системного циклического характера, любая угроза, вызов, неопределенность может быть неожиданностью для организации, которая способна повлиять на финансовое положение и платежеспособность, что уже само по себе может привести к кризису, прекращению деятельности. Процесс риск-ориентированного управления в некоммерческих организациях в антикризисных условиях необходимо встроить в общую систему управления, предложить инструментарий управления рисками и идентифицировать ключевые риски, которые будут характерны именно для некоммерческих организаций.

Повышению эффективности деятельности некоммерческих организаций, улучшению финансовых результатов и минимизации возможностей возникновения угроз способствует формирование эффективного процесса управления рисками, цель которого заключается в интеграции риск-ориентированного управления в структуру, деятельность и процессы некоммерческих организаций. Цель исследования заключается в совершенствовании процесса и инструментария риск-менеджмента в некоммерческой сфере экономики.

Материалы и методы исследования

Значимость формирования системы риск-ориентированного управления подтверждают авторы в научных публикациях последних лет. Так, Гришина Н.П. отмечает, что, учитывая изоморфность глобальной экономической системы и национальных систем, очевидно, что принципы риск-ориентированного управления в различных отраслях и сферах российской экономики становятся постепенно неотъемлемой частью структуры организаций [1]. К примеру, Домбровская М.А., акцентируя внимание на активном внедрении риск-ориентированного управления в сфере образования, указывает на важность проработки его основы [2]. По убеждению автора, не-

обходима и важна регламентация процесса управления рисками для их минимизации в деятельности организации, а также создание условий для поддержания долгосрочной финансовой устойчивости и достижения стратегических целей при оптимальном сочетании целевой доходности деятельности и уровня принимаемого риска.

Также Коновалов А.А., Лепетикова И.Ю. утверждают, что понятие риск-менеджмента в последнее время стало одним из самых «популярных» терминов в деловой жизни России. В одних случаях под ним понимают управление предприятием в условиях общего кризиса экономики, в других – управление фирмой в преддверии банкротства, третьи же связывают понятие «антикризисное управление» с деятельностью антикризисных управляющих в рамках судебных процедур банкротства [3]. На наш взгляд, необходимо уточнить понимание риск-менеджмента, в большей степени делая акцент не на антикризисном управлении, а на управлении рисками как в условиях кризиса, так и в предкризисный и посткризисный периоды. Риск-менеджмент – это процесс управления, который в настоящее время должен носить предупреждающий характер и ассоциироваться с текущим оперативным управлением для достижения стратегических целей развития организации. Причем мы солидарны с авторами, которые считают, что риск-менеджмент как процесс должен быть встроен в систему управления на стратегическом, операционном, программном и проектном уровнях. С такой точкой зрения солидарны Гужин А.А., Ежкова В.Г. Риск-менеджмент – это система управления риском и экономическими отношениями, возникающими в процессе этого управления, включающая стратегию и тактику управленческих действий [4].

Вполне очевидно, по мнению Головина А.О., Толкаченко Г.Л., вопросы неопределенности и рисков процесса глобализации постоянно находятся в центре внимания международных организаций и научного сообщества [5]. Причем Курамшина А.В., Никитина Н.Н. отмечают, что можно говорить о том, что решение принимается в условиях неопределенности, а реализуется в условиях риска [6].

Панкратьева Е.А., Кельберг Е.И. уверены, что цель риск-менеджмента должна соответствовать цели деятельности организации [7]. Соглашаясь с данной позицией авторов, считаем, что риск-ориентированный подход реализуется в рамках стоимостной концепции управления бизнесом. И эта позиция вполне допустима для некоммер-

ческих организаций, так как для данных организаций стоимость фирмы будет оцениваться не доходностью или прибылью, а ценностью, и эта ценность может иметь социальную природу. При этом целью является достижение максимально возможной стоимости при допустимом уровне риска.

В рамках реализации риск-ориентированного подхода необходимо выстроить систему управления политическими, кредитными, репутационными, технологическими, транзакционными и прочими рисками. Так считает автор Данилова О.В. [8]. Управление осуществляется на основе интернационального подхода, тщательного изучения передового и отечественного опыта организации риск-менеджмента. Роль руководства и сотрудников организации в данном процессе управления рисками неопределима. Для формирования риск-карт, определения уровня и степени влияния рисков на процессы со стороны стейкхолдеров необходимо грамотное принятие действий и корректировка мер воздействия и решений. Выполнение функций управления и создание риск-процесса зависит от информированности сотрудников, обработки больших массивов данных и надлежащей осведомленности.

В подтверждении данного тезиса Макеева А.А., Чубарова Е.А., Мишанова В.Г. пишут следующее. Риск-менеджмент – процесс принятия и выполнения управленческих решений, направленных на защиту бизнеса от реально существующих угроз в условиях осознания руководством проблем и его информированности [9].

Дискуссия авторов, предложения теоретико-методического и практического характера, направленные на разработку риск-ориентированного процесса управления деятельностью организаций, позволили нам сформировать основные направления построения и развития системы

риск-менеджмента в некоммерческих организациях. Методическую основу предложений авторов составили следующие методы исследования: структурно-логический, обобщения, классификации, процессный, системный подход. Анализ данных и информации базировался на материалах Росстата, аналитических обзорах международных компаний Deloitte, PricewaterhouseCoopers.

Результаты исследования и их обсуждение

Некоммерческий сегмент экономики развивается достаточно стабильно, что демонстрируют официальные статистические данные (табл. 1) [10].

Среди некоммерческих организаций основная доля приходится на фонды и учреждения, ассоциации, союзы. На конец 2018 г. число некоммерческих организаций составило 90 787 единиц. По сравнению с 2017 г. число организаций и учреждений некоммерческого характера практически не изменилось. При социализации общества и переноса акцента на социальные приоритеты развития экономики и повышение социальной ответственности бизнеса все большее внимание уделяется некоммерческой сфере и функционированию фондов, союзов, ассоциаций различной тематической направленности.

Риск-ориентированное управление в некоммерческих организациях является неотъемлемым процессом управления в целом и антикризисного управления в частности. В этой связи его необходимо органично и эффективно интегрировать в структуру управления, процессы и деятельность на всех уровнях управления. Риски должны идентифицироваться и просчитываться при стратегическом планировании, операционном управлении, при формировании программ развития и разработке проектов.

Таблица 1

Число некоммерческих организаций по видам (на конец года)

Виды некоммерческих организаций	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Некоммерческие организации – всего	90155	90464	91285	90852	90787
Из них:					
фонды	16637	17395	18126	18339	18544
некоммерческие партнерства	22158	20004	17441	14422	12237
автономные некоммерческие организации	19008	20658	22231	23915	25617
объединения юридических лиц (ассоциации, союзы)	5067	6703	8205	9963	10822
учреждения	16900	16519	15951	14753	13825
территориальные общественные самоуправления	2218	905	840	820	934
коллегии адвокатов	2490	2542	2648	2732	2840
общины малочисленных народов	1288	1348	1413	1481	1507
казачьи общества	2410	2577	2653	2688	2732

Схематично процесс управления рисками в некоммерческих организациях можно разделить на шесть стадий: планирование, идентификация и анализ рисков, оценка риска, воздействие на риск, мониторинг и документирование.

Причем согласно международному стандарту «Управление рисками – руководство» ISO 31000:2018 процесс управления рисками носит не последовательный характер, а является итеративным.

Процесс управления рисками в некоммерческих организациях, исходя из стандартных методик его построения, представлен следующим образом (рис. 1).

Целью управления рисками является создание и сохранение ценности. Ценность для некоммерческих организаций носит не только финансовый, но и нефинансовый – социальный, имиджевый характер. Любая некоммерческая организация задействована в перераспределении денежных потоков с целью достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, политических,

научных и иных целей и подвержена различным рискам. Для приращения ценности и эффективного управления рисками необходимо соблюдать принципы управления: интегрированность, структурированность и полнота, настраиваемость, вовлеченность, динамичность, доступность информации, поведение людей и культура, постоянное улучшение.

В реализации процесса управления задействованы сотрудники организации. К ним относятся высшее руководство, владельцы рисков, риск-менеджер и прочие сотрудники некоммерческой организации. Для эффективного управления рисками и достижения намеченного результата необходимо четко разграничить обязанности всех участников риск-менеджмента в процессе управления рисками, что наглядно представлено в табл. 2.

Роль координатора в процессе управления рисками в некоммерческих организациях сводится не только к построению системы на этапе ее внедрения, но и на этапе зрелого функционирования системы в организации.

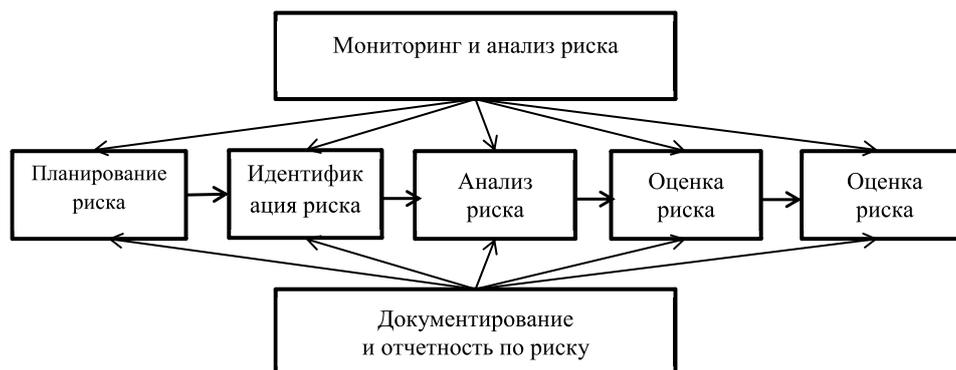

Рис. 1. Процесс управления рисками в некоммерческих организациях

Таблица 2

Обязанности участников риск-менеджмента в управлении рисками в некоммерческих организациях

Руководитель	Риск-менеджер	Владельцы рисков	Сотрудники
<ul style="list-style-type: none"> – утверждает риски, идентифицированные и оцененные; – утверждает документы и отчетность по управлению рисками; – принимает решения в рискованных ситуациях; – обеспечивает организацию процесса управления рисками; – обеспечивает организацию мониторинга рисков 	<ul style="list-style-type: none"> – обеспечивает реализацию процесса управления рисками; – обеспечивает методическое и консультационное сопровождение владельцев рисков; – координирует работу по документированию процесса управления рисками; – отвечает за формирование отчетности по управлению рисками 	<ul style="list-style-type: none"> – отвечают за идентификацию, анализ и оценку рисков; – принимают решения с учетом рисков; – проводят оперативный мониторинг уровня рисков; – обеспечивают полноту и своевременность формирования карт рисков 	<ul style="list-style-type: none"> – обеспечивают выявление, идентификацию и анализ рисков на своих уровнях управления в пределах своей компетенции; – отвечают за формирование и обобщение информации о рисках на уровне высшего руководства

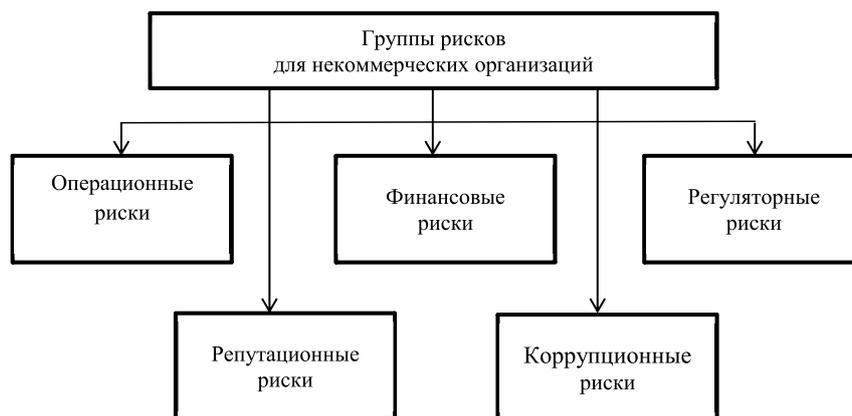

Рис. 2. Группы рисков в некоммерческих организациях

Основная роль риск-координатора или риск-менеджера в некоммерческих организациях сводится к регулированию процесса управления рисками и его методического и документального сопровождения. Следовательно, основная задача риск-координатора состоит в выявлении и идентификации рисков. Это содержательное звено всего процесса риск-ориентированного управления. Причем риски должны быть определены с учетом их потенциально возможного влияния на процессы и операции деятельности организации не только в условиях кризиса. Риски необходимо увязать с возможными угрозами и вызовами современного общества и экономики.

Для формирования карты рисков в организации все риски необходимо классифицировать и идентифицировать. Исследования практиков в области управления рисками международной компании Deloitte позволили выделить 4 группы рисков применительно к специфике деятельности некоммерческих организаций: операционные, финансовые, регуляторные и репутационные. Однако, так как некоммерческие организации представлены бюджетными учреждениями и фондами, получающими бюджетные ассигнования, необходимо включить в систему коррупционные риски. В этом случае дерево рисков, предложенных нами для некоммерческих организаций, будет выглядеть следующим образом (рис. 2).

Встроенность системы управления рисками в общую систему управления некоммерческой организацией предполагает, что должна быть построена единая интегрированная модель управления рисками. В рамках функционирования этой модели выделяются три подсистемы, в разрезе которых будет осуществляться итеративный процесс риск-менеджмента: подсистема управления рисками, комплаенс-подсистема и подси-

стема внутреннего контроля и аудита, что обуславливает необходимость постоянного развития риск-ориентированного управления в некоммерческой среде.

Заключение

Развитие риск-ориентированного управления в некоммерческих организациях основано на формировании системы управления рисками, которая будет встроена в процессы, операции и деятельность, и достижении целей развития некоммерческой организации с учетом интересов заинтересованных сторон. Такая модель управления рисками позволит не только снизить угрозы, но и создаст новые возможности и гарантии для работы в кризисный период.

Список литературы

1. Гришина Н.П. Риск-ориентированное управление // Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками. 2016. № 1. С. 187–191.
2. Домбровская М.А. Риск – ориентированное управление в организации дополнительного профессионального образования // Педагогический имидж. 2019. Т. 13. № 4 (45). С. 630–643.
3. Коновалов А.А., Лепетикова И.Ю. Риск-менеджмент в системе экономической безопасности предприятия // Ростовский научный журнал. 2017. № 2. С. 246–255.
4. Гужин А.А., Ежкова В.Г. Риск-менеджмент и методы управления рисками // Инновации и инвестиции. 2017. № 2. С. 185–189.
5. Головин А.О., Толкаченко Г.Л. Риск-менеджмент в глобальных цепочках стоимости // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 1 (769). С. 111–126.
6. Курамшина А.В., Никитина Н.Н. Риск-ориентированное управление в деятельности современных хозяйствующих субъектов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 9–1. С. 167–177.
7. Панкратьева Е.А., Кельберг Е.И. Риск менеджмент в концепции управления стоимостью бизнеса // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4. С. 19.
8. Данилова О.В. Риск – менеджмент в российских компаниях: проблемы, подходы, точки зрения // Экономика и управление: теория и практика. 2018. Т. 4. № 1. С. 32–36.
9. Макеева А.А., Чубарова Е.А., Мишанова В.Г. Риск-менеджмент как элемент – управления предприятием // Успехи современной науки и образования. 2018. № 2. С. 10–14.
10. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2019. 549 с.

УДК 330.101.8:334.72

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Кузнецов Н.В., Котова Н.Е.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
e-mail: nkuznetsov@fa.ru*

В статье рассматривается российский и зарубежный опыт использования государственных корпораций в качестве института реализации государственной политики экономического роста. Показано, что государственные корпорации в качестве инструмента стимулирования экономического развития используются очень широко, в том числе и в странах с классической либеральной моделью экономики. Рассмотрены критерии определения статуса государственной корпорации и основные области их деятельности в США, Великобритании и России. Показано, что госкорпорации позволяют сконцентрировать усилия и финансовые ресурсы, необходимые для обеспечения прорыва в стратегически важных сферах экономики, тем самым создавая условия для экономического роста. При этом они не всегда руководствуются рыночными принципами и несут в себе большое количество черт государственных институтов развития. Рассмотрены исторические предпосылки формирования госкорпораций. Показано, что в российских условиях цель их деятельности трансформировалась от первоначального сохранения и развития производственного потенциала к современной реализации прорывных проектов для ускорения социально-экономического развития. Сформулированы принципы эффективного использования института госкорпораций: деятельность, направленная на реализацию интересов общества, целевой характер финансирования, открытость для общественного контроля.

Ключевые слова: государственная корпорация, институт, регулирование, экономическая политика, экономический рост

USING THE INSTITUTE OF PUBLIC CORPORATIONS FOR ENSURE ECONOMIC GROWTH

Kuznetsov N.V., Kotova N.E.

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: nkuznetsov@fa.ru*

The article analyzes the Russian and foreign experience of using state corporations as an institution for implementing state policy of economic growth. It is shown that state corporations are widely used as a tool to stimulate economic development, including in countries with a classical liberal economic model. The criteria for determining the status of a state corporation and the main areas of their activities in the USA, Great Britain and Russia are considered. It is shown that state corporations allow to concentrate efforts and financial resources necessary to ensure a breakthrough in strategically important areas of the economy, thereby creating conditions for economic growth. At the same time, they are not always guided by market principles and carry a large number of features of state development institutions. The historical prerequisites for the formation of state corporations are considered. It is shown that in Russian conditions the goal of their activities has transformed from the initial preservation and development of production potential to the modern implementation of breakthrough projects to accelerate socio-economic development. The principles of effective use of the institution of state corporations are formulated: activities aimed at realizing the interests of society, targeted financing, openness to public control.

Keywords: state corporation, institution, regulation, economic policy, economic growth

Институт государственных корпораций прочно вошел в практику российской экономической политики. С момента создания первых госкорпораций в 2007 г. данный инструмент развития показал весьма противоречивые результаты: в некоторых случаях они становились флагманом экономического развития, образуя большие многопрофильные холдинги (как, например, ГК «Ростех»). В других же случаях их деятельность становится объектом всесторонней критики (как, например, ГК «Роскосмос»).

Особенно остро вопрос об оценке эффективности их деятельности и их вклада в социально-экономическое развитие страны возникает во времена экономического

кризиса, когда страна начинает испытывать трудности с поддержанием заданных темпов экономического роста. Этой проблематикой занимались такие ученые, как В.Е. Дементьев [1], Ю.М. Цыгалов [2], А.В. Бабилова [3], С.Н. Алексеева [4] и др. Их исследования показали, что хотя само по себе использование этого инструмента не является универсальным решением, тем не менее госкорпорации позволяют оптимизировать структуру управления государственным сектором экономики и сконцентрировать ресурсы для реализации наиболее значимых проектов, не разрушая при этом сложившихся рыночных механизмов и не угнетая инициативу предпринимательского сектора.

В последнее время в связи с неопределенностью мировой экономической ситуации, а также снижением налоговых и таможенных поступлений снова возникла проблема выработки наиболее оптимальных и эффективных подходов к реализации стратегических проектов модернизации экономики, которые бы при этом не приводили к вымыванию бюджетных средств. Снова был поставлен вопрос о том, что является более перспективным «огосударствление национальной экономики или ее корпоративизация?» [5]. Для ответа на него требуется в том числе оценить, насколько эффективны госкорпорации как институт государственного регулирования экономики и обеспечения экономического роста.

В рамках данной статьи дается обзор зарубежного и российского опыта использования государственных корпораций как института реализации государственной экономической политики и механизма обеспечения экономического роста.

Основу исследования составили теоретические труды в сфере государственного регулирования экономики. Для выявления особенностей использования института госкорпораций рассматривается опыт США, Великобритании и России. При этом используется системный подход, методы научной абстракции, сравнения, систематизации и формализации.

Зарубежный опыт использования института государственных корпораций

Государственные корпорации как драйвер экономического развития активно используются в ряде зарубежных стран. При этом наибольший опыт использования этого института накоплен сегодня в США и Великобритании, где прообразы современных госкорпораций появились еще в 1930-х гг. Несмотря на то, что внутренняя экономическая политика этих стран всегда отличалась либеральной идеологической направленностью, такой инструмент, как госкорпорации, использовался и используется достаточно широко.

В США существует модельный закон о корпорациях, который регламентирует их организационную и управленческую структуру. Кроме этого, на уровне штатов существует свое законодательное регулирование деятельности госкорпораций, в рамках которого возможно определение специальных процедур их создания, а также установление особого режима их работы.

Среди общего перечня госкорпораций в США можно выделить основной: «Федеральные корпорации» («Federal government chartered and owned corporations»). К госкор-

порациям такого типа относятся «Агентство по охране окружающей среды», «Организация по делам индейцев», «Федеральная комиссия по связи», «Государственная комиссия по ядерной энергии» и др. Основная цель их создания – предоставление населению и бизнесу различных государственных услуг. Такие типы корпораций одновременно могут и получать федеральные средства, и иметь собственные, дополнительные источники дохода.

Другой крупной группой госкорпораций в США являются так называемые «Финансируемые правительством корпорации» («Government-sponsored enterprises»). При этом они могут принадлежать не только государству, но и частным лицам (посредством перераспределения капитала). Основная цель их создания – предоставление населению и бизнесу услуг на льготной основе, а также оказание прямой финансовой и нефинансовой поддержки. Так, одним из ключевых направлений является предоставление населению льготных кредитов. Например, в сфере ипотечного кредитования работают такие корпорации, как «Федеральная национальная ипотечная ассоциация», «Федеральная корпорация жилищного ипотечного кредитования», а также система из 12 независимых федеральных банков, специализирующихся на выдаче ипотечных кредитов. Еще одним важным направлением является поддержка (в том числе и финансовая) отечественных производителей в некоторых секторах экономики. Например, одной из наиболее «старых» из ныне действующих корпораций США является «Корпорация товарного кредита», созданная для поддержания стабильных цен на сельскохозяйственную продукцию и защиты интересов сельхозпроизводителей. Собственником корпорации является правительство США (100%). В ее функции входит покупка, продажа и сдача в аренду имущества, а также широкий перечень менее значимых услуг сельхозпроизводителям (вплоть до проведения маркетинговых исследований). Основные программы, которые реализует данная корпорация, относятся к таким направлениям, как финансовая поддержка сельхозпроизводителей в случае стихийных бедствий; защита фермеров от колебаний цен на рынках; защита природных сельскохозяйственных ресурсов, в том числе мероприятия по борьбе с эрозией, очистке водоемов, защите природной среды; содействие фермерам в освоении новых внешних рынков, в том числе кредитование поставок в другие страны.

Принципиально то, что законодательство США не выделяет госкорпорации

как таковые: они имеют тот же статус, как и прочие корпоративные структуры, только государственные органы владеют в них мажоритарным пакетом акций (госкорпорация может как полностью находиться в государственной собственности, так и иметь смешанный капитал в своей основе). Таким образом, данные структуры должны действовать в едином правовом пространстве с другими участниками экономической активности. При этом к числу направлений, в которых они работают, могут относиться как коммерческая деятельность, так и деятельность, которая по определению не приносит прибыли (например, финансирование социальных проектов, поддержка безработных, поддержка социально значимых производств и т.п.). Отметим, что в отдельных случаях статусом госкорпораций могут обладать структурные подразделения государственных учреждений.

Несколько иное направление использования такого инструмента, как государственные корпорации, в Великобритании: в этой стране госкорпорациями признаются компании, которые были учреждены Парламентом страны, но при этом более чем 50% их прибыли составляют поступления от реализации различных товаров и услуг.

Основная функция британских госкорпораций – это управление государственными активами экономики. Именно по этой причине при их создании наиболее важную роль играет отраслевой признак. Среди всего перечня действующих британских госкорпораций можно выделить несколько основных видов: госкорпорации, которые финансируются напрямую из бюджета; публичные корпорации, в которых есть доля государства; публичные корпорации с 100% участием государства.

Принципиальной особенностью государственной экономической политики Великобритании является то, что акционерные общества с ограниченной ответственностью, доля в которых принадлежит государству, не относятся к госкорпорациям. Также к данному типу структур не относятся подразделения государственных учреждений. В Великобритании государство может владеть достаточно крупными структурами, которые могут заниматься коммерческой деятельностью, но им не предоставляется статус госкорпораций.

Госкорпорации Великобритании в зависимости от их подчиненности можно разделить на три группы: подчиненные профильным министерствам центрального правительства (например, «Национальная ядерная лаборатория», «Британская телерадиовещательная корпорация» и др.);

подчиненные правительству одного из государств, входящих в состав Великобритании (например, «Транспортная компания Северной Ирландии», «Международный аэропорт Кардиффа» и др.); подчиненные местным правительствам и муниципалитетам (например, «Лондонское метро» и др.).

Наиболее распространены госкорпорации в Великобритании в промышленном секторе. Как правило, крупная отраслевая госкорпорация создается на основе профильного закона и находится в оперативном управлении у отраслевого министра, который уполномочен назначать своих представителей в совет директоров, а также менять руководство госкорпорации. В отличие от них, открытые акционерные общества, в которых есть доля государства, не находятся в оперативном управлении у отраслевых министров.

Таким образом, госкорпорации в США и Великобритании используются в сферах, где имеется необходимость реализации крупных государственных программ и проектов с низкой рентабельностью или предоставления льгот потребителям на рыночных принципах. Для этого государство предоставляет госкорпорациям различные льготы (налоговые, таможенные и т.п.) и создает им другие преимущества на рынке, усиливая их позиции и обеспечивая окупаемость без необходимости максимизации прибыли. С этой точки зрения госкорпорации, по своей сути, являются инструментами реализации государственной экономической политики и рычагом воздействия на темпы экономического роста. Интенсивность их использования сильно зависит от конкретного исторического периода развития, а именно от идеологии правящей в стране партии и ее отношения к социально-экономическим процессам.

Российский опыт использования института государственных корпораций

В России институт государственных корпораций используется с начала 2000-х гг. При этом решение о создании первых госкорпораций было принято под давлением серьезных экономических обстоятельств. Государство, оставаясь одним из крупнейших собственников (доля государства в собственности и в ВВП преобладала во многих отраслях экономики), тем не менее не могло обеспечить эффективности работы своих предприятий, среди предприятий с государственным участием росла доля финансово несостоятельных, многие из них начали терять свой производственный потенциал. В какой-то момент нарастающий кризис начал представлять угрозу не толь-

ко для экономики, но и для национальной безопасности, так как затрагивал в том числе и предприятия военно-промышленного комплекса. Было решено использовать институт госкорпораций как основу для формирования промышленных кластеров в областях, входящих в сферу государственных стратегических приоритетов.

Таким образом, причиной создания госкорпораций в России была необходимость консолидации ресурсов (капитал, активы, люди и т.п.) с целью сохранения и развития производственного потенциала в приоритетных областях экономики. В дальнейшем, после того как этап формирования новой экономической системы был завершен, эта задача трансформировалась в необходимость реализации прорывных проектов, направленных на обеспечение ускорения социально-экономического развития [6]. При этом государство, как единственный владелец этих компаний, полностью определяет стратегию их развития и может использовать их для реализации управляемой траектории экономического роста.

По состоянию на 10.07.2020 в России функционирует шесть госкорпораций, которые, несмотря на то, что их объединяет одинаковый статус, различаются по своему профилю, специализации, отраслевой принадлежности и масштабам деятельности (таблица). Роль государственного участника в таких корпорациях выполняет как само Правительство РФ, так и подведомственное ему Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество).

Практика деятельности госкорпораций в России содержит самые противоречивые примеры. В целом можно выделить два канала обеспечения деятельности госкорпораций: внешний (формирование денежных

фондов госкорпорации за счет государства) и внутренний (за счет ведения корпорацией профильной деятельности) [8]. С этой точки зрения если «Ростех» практически стала финансово самостоятельной и экономически эффективной компанией, то «Фонд содействия реформированию ЖКХ» – это структура, субсидируемая государством на постоянной основе [3]. При этом «Фонд содействия реформированию ЖКХ», несмотря на его очевидную пользу, так и не смог обеспечить системное решение проблемы повышения эффективности жилищно-коммунальной сферы.

Очевидно, что госкорпорации юридически являясь «фирмами», в то же время по роду своей деятельности несут в себе черты институтов развития и, следовательно, должны оцениваться методами, отличными от принятых в бизнесе. Как показал член-корреспондент РАН В.Е. Деметьев при использовании традиционных подходов к оценке, эффективность госкорпораций часто оказывается ниже, чем эффективность частных компаний, что, однако, не является основанием для вывода о неэффективности государственного присутствия в экономике [9]. Деятельность госкорпорации может быть рассмотрена как процесс трансформации инвестиционного и административного ресурсов государства в требуемые для экономики результаты деятельности госкорпораций (продукты, услуги и т.п.) [10]. При этом эти потребности и результаты проявляются на самом высоком уровне экономической системы – уровне национальной экономики в целом. Следовательно, для оценки эффективности госкорпораций необходимо рассматривать их деятельность в контексте полноты использования их потенциала для обеспечения экономического роста.

Государственные корпорации Российской Федерации (составлено авторами на основе [7])

№ п/п	Наименование госкорпорации	Дата создания	Структура капитала
1	Агентство по страхованию вкладов	29.01.2004	Уставный капитал – 3,0 млрд руб., 100% в собственности Росимущества
2	Внешэкономбанк	22.12.1993	Уставный капитал – 383,5 млрд руб., 100% в собственности Правительства РФ
3	Фонд содействия реформированию ЖКХ	12.11.2007	Уставный капитал – 21,8 млрд руб., 100% в собственности Росимущества
4	Ростех	23.11.2007	Уставный капитал – 26,2 млрд руб., 100% в собственности Росимущества
5	Росатом	01.12.2007	Уставный капитал – данные отсутствуют, 100% в собственности Правительства РФ
6	Роскосмос	13.07.2015	Уставный капитал – данные отсутствуют, 100% в собственности Росимущества

Для этого, госкорпорации прежде всего должны быть интегрированы в систему государственного стратегического планирования, таким образом, чтобы их деятельность была ориентирована на реализацию стратегических национальных приоритетов. При этом госкорпорации должны быть задействованы как на уровне разработки стратегических планов и прогнозов, так и на уровне их исполнения (в том числе и как прямые исполнители государственных программ и проектов).

Заключение

Практика показала, что именно использование такого инструмента, как государственные корпорации, позволяет избежать прямого вмешательства в рыночную среду со стороны правительства и не допустить «ручного управления» экономикой. Создание госкорпорации в стратегически значимой для страны отрасли дает возможность мобилизовать имеющиеся ресурсы и обеспечить выполнение планов экономического развития. Кроме того, институт госкорпораций позволяет выстроить единую, вертикально интегрированную систему управления отраслью. При этом снимается непрофильная нагрузка с органов государственного управления. Однако следует отметить, что необоснованное государственное влияние на экономику может стать причиной повреждения конкурентной среды. Для повышения эффективности использования института госкорпораций необходимо ориентировать их деятельность на выполнение стратегических национальных приоритетов развития экономики. При этом необходимо соблюдение ряда принципов:

- госкорпорации в своей деятельности должны руководствоваться интересами общества, определенными в документах стратегического планирования (например, в отраслевых программах развития);
- финансирование госкорпораций должно носить целевой характер, то есть расходование денежных средств должно соответствовать заранее утвержденным целям;
- деятельность госкорпораций должна быть открытой перед обществом и подот-

четной ему (отметим, что с определенными ограничениями, но это требование касается также и корпораций, работающих в военно-промышленном комплексе).

Кроме того, возможно, в настоящий момент в России пришло время формирования консолидированного института, деятельность которого будет направлена на поддержку не бизнеса, а населения (например, льготное кредитование), что позволит сохранить уровень жизни в условиях кризиса, поддержать потребительский спрос и создаст условия для последующего экономического рывка.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00936.

Список литературы

1. Дементьев В.Е. Государственные корпорации и структурные сдвиги в экономике // Управление. 2016. № 3. С. 12–19.
2. Цыгалов Ю.М., Бутова Т.В., Ординарцев И.И. Эффективность государственных корпораций в развитии депрессивных регионов // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 46–53.
3. Бабикова А.В., Ткаченко Ю.Г. Государственные корпорации как механизм государственного регулирования экономики // Российское предпринимательство. 2016. № 17. С. 41–47.
4. Алексеева С.Н. Государственные корпорации как инструмент социально-экономического развития // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 7. С. 11–19.
5. Галазова С.С. Рыночный потенциал корпоративного сектора // TERRA ECONOMICUS. 2018. Т. 16. № 3. С. 77–86.
6. Путин В.В. Посещение Центрального научно-исследовательского института «Циклон» // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15373> (дата обращения: 10.07.2020).
7. SPARK – Professional Market and Company Analysis System. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spark-interfax.ru> (дата обращения: 10.07.2020).
8. Курченков В.В., Макаренко О.С. Преимущества корпоративной модели государственного сектора экономики России // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 2. С. 10–17.
9. Дементьев В.Е. Роль госкорпораций в стабилизации и развитии экономики // От рецессии к стабилизации и экономическому росту: материалы VIII Международной научно-практической конференции. РЭУ им. Г.В. Плеханова. М., 2016. С. 65–79.
10. Клочай В.В. Теория и практика функционирования государственных корпораций в российской экономике. М.: Анкил, 2009. 216 с.

УДК 330.34

ОЦЕНКА СВЯЗЕЙ И ЗАВИСИМОСТЕЙ МЕЖДУ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Магомедгаджиев Ш.М., Гасанова Н.Р., Шарифов М.Ш.

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала,

e-mail: m_g_shamil@mail.ru

Статья посвящена исследованию связей и зависимостей между показателями, характеризующими цифровую экономику и социально-экономическое развитие регионов России. Методом статистической группировки все регионы России разбиты на три группы в соответствии с уровнем затрат на ИКТ. Расчет суммарных статистических показателей для каждой группы показал наличие определенной зависимости социально-экономических показателей от уровня развития цифровой экономики. Была проведена нормализация исходной выборки путем исключения регионов с аномальными для группы значениями показателей. Рассчитаны коэффициенты корреляции между 16 показателями, характеризующими цифровую экономику и социально-экономическое развитие регионов России. Оценка тесноты связи выявила статистическую зависимость между уровнем развития цифровой экономики и такими региональными макроэкономическими показателями, как ВРП, объем промышленного производства и среднедушевые денежные доходы населения. Наиболее значимыми такие зависимости оказались для развитых с точки зрения цифровизации регионов. Оценены параметры и статистические характеристики моделей регрессии линейного вида. Предельные эффективности и коэффициенты эластичности моделей позволили ранжировать региональные макроэкономические показатели по степени влияния на них показателей цифровой экономики. Изменение уровня цифровизации наибольшее влияние оказывает на ВРП, затем объем промышленного производства и объем инвестиций на приобретение ИКТ-оборудования.

Ключевые слова: цифровая экономика, связи и зависимости, моделирование, регионы России

EVALUATION OF RELATIONSHIPS AND DEPENDENCIES BETWEEN INDICATORS OF DIGITAL ECONOMY AND SOCIO-ECONOMIC INDICATORS OF REGIONS OF RUSSIA

Magomedgadzhiev Sh.M., Gasanova N.R., Sharifov M.Sh.

Dagestan State University, Makhachkala, e-mail: m_g_shamil@mail.ru

The article is devoted to the study of the relationships and dependencies between indicators characterizing the digital economy and the socio-economic development of Russian regions. By the method of statistical grouping, all regions of Russia are divided into three groups in accordance with the level of ICT costs. The calculation of the total statistical indicators for each group showed the presence of a certain dependence of socio-economic indicators on the level of development of the digital economy. The initial sample was normalized by excluding regions with anomalous values of indicators for the group. The correlation coefficients between 16 indicators characterizing the digital economy and socio-economic development of the regions of Russia are calculated. An assessment of the tightness of communication revealed a statistical relationship between the level of development of the digital economy and regional macroeconomic indicators such as GRP, industrial production, and per capita cash income. The most significant such dependencies were for developed, from the point of view of digitalization, regions. The parameters and statistical characteristics of linear regression models are estimated. The marginal efficiencies and elasticity coefficients of the models made it possible to rank regional macroeconomic indicators according to the degree of influence of the indicators of the digital economy on them. The change in the level of digitalization has the greatest impact on GRP, then the volume of industrial production and the volume of investments in the acquisition of ICT equipment.

Keywords: digital economy, connections and dependencies, modeling, regions of Russia

Начало XX в. ознаменовалось достижениями научно-технической революции в области вычислительной техники, сетей и обработки данных, что привело к ускорению перехода к информационной парадигме развития общества. Естественным проявлением информационного общества в сфере экономических отношений является появление и развитие цифровой экономики [1, 2].

Проблемам цифровой экономики уделяется много внимания, вместе с тем серьезное затруднение в вопросах планирования

и управления процессами цифровизации, в том числе в регионах России, вызывает отсутствие четкого понятийного и методологического аппарата раскрывающего сущность и структуру цифровой экономики, методы её анализа, а также оценки влияния на социально-экономическое развитие.

Целью исследования является оценка статистических зависимостей между показателями цифровой экономики и социально-экономическими показателями регионов России.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили данные из статистических сборников Росстата «Регионы России» и «Информационное общество», а также публикации, посвященные оценке цифровой экономики и её влияния на социально-экономическое развитие с помощью методов математического и компьютерного моделирования. В работе применялись методы статистических группировок, линейной корреляции и регрессии.

Результаты исследования и их обсуждение

Нами было проанализировано 16 показателей, характеризующих цифровую экономику и 18 социально-экономических показателей регионов России за 2018г. [3]. Всего рассматривались показатели 72 регионов РФ. Для формирования однородной выборки нами были исключены из исходных данных аномально высокие показатели таких регионов, как Москва и Тюменская область, и низких показателей таких регионов, как Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Сахалинская область и Чукотский АО. В табл. 1 представлены результаты, где в качестве признака группировки использовался показатель ВРП на душу населения.

В первую группу вошли регионы, где ВРП на душу населения составил от 462 до 1197 тыс. руб., во вторую 323–461 тыс. руб. и в третью – 196–322 тыс. руб. Как видно из таблицы, суммарные показатели, характеризующие цифровую экономику в первой группе почти вдвое выше, чем во второй, и почти втрое выше, чем в третьей. Так, сумма инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования, в группе I составила 138716,7 млн руб., а их доля в итоговой сумме для всех регионов 51,3%; в группе

II – 84988,1 млн руб. или 31,5%; в группе III – 46521,6 млн руб. или 17,2% соответственно. Примерно такое же соотношение мы наблюдаем и по двум другим показателям цифровой экономики.

Затраты на ИКТ в регионах с высоким ВРП на душу населения равны 415391,8 млн руб., доля составляет 59,8%; в группе II – 174068,0 млн руб., доля 25,1%; в группе III, регионов с низким ВРП на душу населения, 105330,2 млн руб., доля равна 15,2%. Отличие в численности занятых в сфере ИКТ в разных группах чуть ниже, но все же существенное. В первой группе 412,8 тыс. чел., во второй – 307,7 тыс. чел. и в третьей – 172,2 тыс. чел., их доли соответственно 46,2; 34,5 и 19,3%.

Из табл. 2 можно выявить, есть ли зависимость между показателями цифровой экономики и показателями, характеризующими внедрение новых технологий в экономику: объемом инновационных товаров. В группу I входят регионы с долей инновационной продукции от 7,3 до 24,3%, в группу II – 2,4–7,2 и в группу III – от 0,1 до 2,3%.

Соотношение инвестиций, затрат на ИКТ и численности занятых в сфере ИКТ для групп I, II, III также демонстрирует, что существует статистическая зависимость между инновационной деятельностью в регионах и цифровой экономикой. Разрыв между первыми двумя показателями ниже на несколько процентов, а в численности занятых в сфере ИКТ выше. Так, в регионах группы I сосредоточено 48,7% работников сферы ИКТ, в группе II – 32,3%, а в группе III – 19,0% от общей численности занятых в сфере ИКТ.

Одним из ключевых показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития, являются среднедушевые денежные доходы населения. Группировка регионов РФ по этому признаку (табл. 3) показывает ещё большее цифровое и социально-экономическое неравенство между регионами РФ.

Таблица 1

Группировка регионов РФ по ВРП на душу населения

Группа	ВРП на душу населения, тыс. руб.	Объем инвестиций в ОК, направл. на приобретение ИКТ-оборудования		Затраты на ИКТ		Численность занятых в сфере ИКТ	
		всего, млн руб.	доля, %	всего, млн руб.	доля, %	всего, тыс. чел.	доля, %
I	462–1197	138716,7	51,3	415391,8	59,8	412,8	46,2
II	323–461	84988,1	31,5	174068,0	25,1	307,7	34,5
III	196–322	46521,6	17,2	105330,2	15,2	172,2	19,3
Итого		270226,3	100,0	694790,0	100,0	892,7	100,0

Таблица 2

Группировка регионов РФ по доле инновационной продукции в общем объеме производства

Группа	Доля инновац. продукции в общем объеме производства %	Объем инвестиций в ОК, направл. на приобретение ИКТ-оборудования		Затраты на ИКТ		Численность занятых в сфере ИКТ	
		всего, млн руб.	доля, %	всего, млн руб.	доля, %	всего, тыс. чел.	доля, %
I	7,3–24,3	131062,3	48,5	394005,5	56,7	434,5	48,7
II	2,4–7,2	84867,7	31,4	189018,9	27,2	288,1	32,3
III	0,1–2,3	54296,3	20,1	111765,6	16,1	170,0	19,0
Итого		270226,3	100,0	694790,0	100,0	892,7	100,0

Таблица 3

Группировка регионов РФ по среднему денежному доходу населения

Группа	Среднедушевые доходы населения, тыс. руб.	Объем инвестиций в ОК, направл. на приобретение ИКТ-оборудования		Затраты на ИКТ		Численность занятых в сфере ИКТ	
		всего, млн руб.	доля, %	всего, млн руб.	доля, %	всего, тыс. чел.	доля, %
I	29–60	151053,6	55,9	420838,3	60,6	430,2	48,2
II	24–28	64203,0	23,8	149596,7	21,5	259,9	29,1
III	15–23	54969,8	20,3	124355,0	17,9	202,6	22,7
Итого		270226,3	100,0	694790,0	100,0	892,7	100,0

В группе регионов I с доходами населения от 29 до 60 тыс. руб. доля инвестиций в ИКТ-оборудование и затрат на ИКТ составляет около 60%, а численность работников, занятых в сфере ИКТ, 48,2% от суммарных показателей по 74 регионам РФ. Доля показателей цифровой экономики в группе II составляет от 21,5 до 29,1% и для группы III – от 17,9 до 22,7% (табл. 3).

Примененный нами метод статистической группировки продемонстрировал, что между уровнем развития цифровой экономики регионов и их основными макроэкономическими показателями существует некоторая взаимосвязь. В экономически развитых регионах с высоким ВРП, долей инновационной продукции и среднему денежному доходу населения находится и цифровая экономика, и наоборот.

Такого рода зависимости в экономике можно оценить количественно, с помощью методов корреляции и регрессии, которые реализуются во многих статистических пакетах, в том числе в электронной таблице MS Excel. Анализ исходной выборки показал, что даже в пределах групп регионов, отсортированных по ключевым показателям, имеются отдельные, резко отличающиеся от остальных значений этой совокупности показатели, которые являются серьезным препятствием для применения методов кор-

реляции и регрессии. Такие значения нами были исключены из выборки.

В табл. 4 представлены коэффициенты парной корреляции между рассматриваемыми в исследовании факторами, для регионов, сгруппированных по ВРП на душу населения. Так, показатель характеризующий цифровую экономику – доля организаций, имевших специальные программные средства для управления продажами товаров, имеет тесную статистическую связь только с показателями первой группы регионов – ВРП, среднему денежному доходу населения и объемом инновационных товаров коэффициенты корреляции – 0,74; 0,69, и 0,73; во второй группе регионов с ВРП (0,53) и среднему денежному доходу (0,60) и в третьей группе только с ВРП (0,55).

В группе регионов I доля организаций, размещавших заказы в сети Интернет, коррелирует с показателями объем промышленного производства (0,54) и доля инновационных товаров (0,44); в группе II с ВРП (0,47) и среднему денежному доходу (0,53); в группе III значимая статистическая связь не обнаружена.

Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров, в группе I имеет среднюю статистическую связь со всеми макроэкономическими показателями – степень корреляции варьируется от 0,51 до 0,54. В группе регионов II связь наблюдается

только с показателем объем промышленного производства (0,64). В группе III корреляционная связь не выявлена.

Наиболее тесную связь с макроэкономическими показателями имеет показатель затраты на ИКТ. Так в группе I все коэффициенты корреляции значимы и находятся в пределах от 0,62 до 0,87.

Во второй группе степень корреляции значима также со всеми факторами, кроме объема промышленного производства, но коэффициенты корреляции гораздо ниже. В третьей зависимости выявлена с показателем объема инновационных товаров (0,62).

Объем инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования, также имеет довольно высокую корреляцию со всеми факторами в первой группе – от 0,63 до 0,87. Во второй группе только с объемом промышленного производства (0,53), а в третьей группе с ВРП (0,57) и объемом инновационных товаров (0,81).

Анализ коэффициентов корреляции показывает, что в большинстве случаев они статистически значимы для первой группы регионов. Для группы регионов со средним

уровнем развития цифровой экономики коэффициенты корреляции ниже и значимы для меньшего количества факторов. В третьей группе регионов, с низким уровнем цифровой экономики, коэффициенты гораздо ниже и значимы лишь для нескольких факторов.

Из последнего столбца табл. 2 видно, что средние коэффициенты корреляции самые высокие в первой группе для зависимостей «затраты на ИКТ – социально-экономические показатели» – 0,76. Нами были проанализированы и другие пары зависимостей, они приводят к аналогичным выводам.

После того, как определено наличие статистической связи между исследуемыми показателями, можно дать им количественную оценку с помощью метода регрессии [4, 5].

Так как наиболее высокой степенью связи оцениваются пары показателей «затраты на ИКТ – социально-экономические показатели», для них были построены регрессионные модели различных видов, однако наилучшие оценки адекватности показали зависимости в виде линейной функции $y = a + b \cdot x$, статистические характеристики которых приведены в табл. 5.

Таблица 4

Степень корреляции между показателями цифровой экономики и основными социально-экономическими показателями в группах регионов РФ

Показатели	Группа	ВРП	Объем промышленного производства	Среднедушевые денежные доходы населения	Объем инновационных товаров, работ, услуг	Среднее
Доля организаций, имевших специальные программные средства для управления продажами товаров	I	0,74	0,30	0,69	0,73	0,62
	II	0,53	0,19	0,60	0,38	0,43
	III	0,55	-0,14	0,24	0,42	0,27
Доля организаций, размещавших заказы на товары (работы, услуги) в интернете	I	0,28	0,54	0,40	0,44	0,42
	II	0,47	0,30	0,53	0,23	0,38
	III	0,38	0,32	-0,01	0,22	0,23
Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров и (или) услуг	I	0,51	0,53	0,53	0,54	0,53
	II	0,23	0,64	0,08	0,00	0,24
	III	0,26	0,15	0,06	0,26	0,18
Затраты на ИКТ	I	0,87	0,62	0,70	0,83	0,76
	II	0,81	0,30	0,40	0,60	0,53
	III	0,47	0,08	0,22	0,62	0,35
Объем инвестиций в ОК, направленных на приобретение ИКТ-оборудования	I	0,73	0,63	0,64	0,85	0,71
	II	0,06	0,53	-0,08	0,39	0,23
	III	0,57	0,25	0,26	0,81	0,47

Таблица 5

Статистические характеристики моделей парной линейной регрессии социально-экономических показателей регионов РФ от затрат на ИКТ

Показатель	a	b	r^2	F	t_a	t_b	$\bar{A}$	k_3
ВРП	661378,9	30,5	0,78	78,05	5,40	8,83	44,0	0,44
Объём промышленного производства	755580,8	20,6	0,53	24,54	5,12	4,95	56,6	0,32
Объём инвестиций в ОК, направленных на приобретение ИКТ-оборудования	2470,5	0,19	0,80	86,86	3,40	9,32	53,7	0,57
Удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения	1,19	0,001	0,29	8,97	9,73	3,00	38,2	0,13
Стоимость основных фондов	2706,1	0,05	0,26	7,55	4,06	2,75	79,1	0,25

Качество построенных моделей можно оценить как среднее. Некоторые статистические характеристики, например статистика Стьюдента (t_a , t_b) и Фишера (F) ($t_{\text{табл}} = 2,16$, $F_{\text{табл}} = 4,26$), показывают, что модели приемлемого качества, однако коэффициенты детерминации (r^2) для двух последних моделей довольно низкие (0,29; 0,26), а средние ошибки аппроксимации ($\bar{A}$) выше допустимого предела в 10% во всех полученных моделях.

Коэффициенты моделей b показывают, что изменение затрат на ИКТ на 1 млн руб. приведет в среднем к изменению: ВРП на 30,5 млн руб.; объёма промышленного производства на 20,6 млн руб.; объёма инвестиций на приобретение ИКТ-оборудования на 0,19 млн руб.; удельного веса занятых в секторе ИКТ на 0,001; стоимости основных фондов на 0,5 млн руб.

Коэффициент эластичности (k_3) показывает относительное изменение социально-экономических показателей в процентах, при изменении затраты на ИКТ на 1% и, следовательно, оценивает степень влияния независимо от единиц измерения показателей. Согласно характеристикам моделей в наибольшей степени затраты на ИКТ влияют на объём инвестиций в ИКТ-оборудование и ВРП ($k_3 = 0,57\%$ и $0,44\%$ соответственно); чуть меньше на объём промышленного производства ($k_3 = 0,32\%$). На последнем месте из рассмотренных макроэкономических показателей – стоимость основных фондов ($k_3 = 0,25\%$) и удельный вес занятых в секторе ИКТ ($k_3 = 0,13\%$).

Заключение

В настоящее время цифровизация является локомотивом развития экономик многих стран мира, которая даёт наибольший прирост национального дохода. Исследование показало, что подобную взаимосвязь не всегда можно выявить в отношении эконо-

номических систем российских регионов. Негативным фактором является значительный разрыв в экономическом развитии и цифровое неравенство регионов России. Тогда как для одной группы регионов характерно сосредоточение 70–80% суммарных социально-экономических показателей и более половины ресурсов цифровой экономики, в группе наименее развитых регионов сосредоточено 10% социально-экономических показателей и около 20% потенциала цифровой экономики.

Метод корреляции показал наличие связей и зависимостей между исследуемыми статистическими показателями лишь в первой группе регионов. Для более чем 70% регионов установить статистически значимую зависимость между показателями цифровой экономики и социально-экономическими показателями не удалось.

Согласно построенным для первой группы регионов регрессионным моделям наибольшее влияние показатели цифровой экономики оказывают на ВРП, объём промышленного производства и объём инвестиций на приобретение ИКТ-оборудования.

Список литературы

1. Голова И.М., Суховой А.Ф. Вызовы инновационной безопасности регионального развития в условиях цифрового общества // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 3. С. 987–1002.
2. Каткова М.А., Титова Ю.С. Цифровая экономика: содержание и тенденции развития // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 257–264. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-3-257-264.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Стат. сб. Росстат. М., 2019. 1204 с.
4. Адамдзиев К.Р., Адамдзиева А.К., Ахмедов А.С. Ключевые показатели экономики регионов и связи (зависимости) между ними: методы, модели, методика оценки // Фундаментальные исследования. 2017. № 1. С. 134–139.
5. Магомедгаджиев Ш.М., Мирзебекова З.А. Оценка влияния уровня информатизации на основные социально-экономические показатели регионов России // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4–2. С. 420–425.

УДК 330.34

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Макаревич А.Н.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,
Великий Новгород, e-mail: Anna.Makarevich@novsu.ru

Статья посвящена теме, остающейся во внимании современных представителей науки и практики предпринимательства, – роли российского бизнеса в достижении устойчивого экономического роста посредством формирования стратегий социально ответственного поведения, внедрения механизмов и инструментов для реализации социальных инициатив. В статье представлено обоснование процесса социализации предпринимательства, дуализм которого проявляется как в понимании не только финансовых, но и социальных выгод своего ответственного поведения (социальная ответственность бизнеса), так и в трансформации самой сущности предпринимательства как особого общественного института (социальное предпринимательство). Обосновано наличие трехстороннего субъектного взаимодействия на основе взаимной ответственности субъектов перед гражданским обществом, что актуализирует проблему поиска инструментов для развития предпринимательской среды в условиях социализации экономики. Сделан вывод о разделении полномочий между государством и бизнесом при решении практических социальных задач посредством нахождения баланса интересов, при котором усиливается взаимное проникновение субъектов в деятельность друг друга, неизбежно перераспределяя сферы ответственности за социально-экономическое развитие страны. Представленные положения статьи и выводы обусловили возможность применения системного подхода к осмыслению концептуализации процесса становления и развития социализированных форм предпринимательства в современной России.

Ключевые слова: социально-ориентированная рыночная экономика, экономика предпринимательства, предпринимательская среда, социальное предпринимательство, субъектное взаимодействие, концепция

CONCEPTUAL UNDERSTANDING OF ENTREPRENEURSHIP'S SOCIALIZATION IN MODERN RUSSIA

Makarevich A.N.

Yaroslav the Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, e-mail: Anna.Makarevich@novsu.ru

The article is devoted to the topic that remains in the attention of modern representatives of the science and practice of entrepreneurship – the role of Russian business in achieving sustainable economic growth through the formation of strategies for socially responsible behavior, the introduction of mechanisms and tools for the implementation of social initiatives. The article presents the rationale for the process of socialization of entrepreneurship, the dualism of which manifests itself both in the realization by entrepreneurship of the economic and social benefits of responsible behavior (social responsibility of business), and in the transformation of the very essence of entrepreneurship as a special public institution (social entrepreneurship). The existence of tripartite subjective interaction on the basis of mutual responsibility of subjects to civil society is justified, which actualizes the problem of finding tools for the development of the entrepreneurial environment in the conditions of socialization of the economy. The conclusion was made about the division of powers between the state and business in solving practical social problems by finding a balance of interests, in which the mutual penetration of subjects into each other's activities is strengthened, inevitably redistributing the areas of responsibility for the socio-economic development of the country. The presented provisions of the article and conclusions made it possible to apply a systematic approach to understanding the conceptualization of the process of formation and development of socialized forms of entrepreneurship in modern Russia.

Keywords: socially oriented market economy, entrepreneurship economy, entrepreneurial environment, social entrepreneurship, subject interaction, concept

Современная экономика России находится под воздействием серьезных институциональных изменений, императивом которых явилось становление и развитие социально ориентированной рыночной экономики. Значительной трансформации подверглась социальная сфера, детерминированная тенденцией перехода государства от традиционной практики выполнения фиксированных, законодательно регламентированных социальных обязательств к производству качественных и дифференцированных социально значимых благ [1, с. 98], позволяя в полной мере реализовывать механизмы максимизации

благополучия всех членов общества. В результате происходит разделение функций государства (власти) по предоставлению социальных благ на традиционные, упомянутые выше, и современные. Современные функции ориентированы на развитие и повышение эффективности социальной сферы, тесно связаны с процессом нивелирования «провалов» государства, предопределившего изменение характера взаимодействия власти и предпринимательства в сфере социально значимых благ, где ранее присутствие предпринимательского сектора (бизнеса) вообще не представлялось возможным.

Российская социально-экономическая реальность перераспределения сфер ответственности посредством расширения круга субъектов социальной политики и возрастания роли бизнеса в решении социально значимых проблем актуализировала необходимость научного толкования предпринимательства в его корреляции с обществом и теоретико-методологического обоснования его взаимодействия с властью.

Цель исследования заключается в концептуализации становления и развития социализированных форм предпринимательства как института социальной политики в условиях содержательной трансформации функций экономических субъектов за социально-экономическое развитие страны.

Материалы и методы исследования

Тематика данной статьи обусловлена выявлением как перспектив, так и сдерживающих факторов развития социальной направленности деятельности бизнеса. Решение заявленной проблематики, несомненно, требует наличия всестороннего и комплексного понимания процесса разработки научно обоснованных критериев и подходов к социализации предпринимательства в современной России в рамках ее концептуализации. Представленная автором концепция позволяет связать «экономику предпринимательства», соответствующую уровню развития и гуманизации экономики с теоретико-методологическими основами социализации современного предпринимательства; потенциал развития социализированных бизнес-структур и эффективность их взаимодействия с государством и обществом с практическими результатами партнерских взаимоотношений хозяйствующих субъектов и исследованиями социализированной предпринимательской среды. Подобное переплетение теоретических и практических плоскостей позволяет обеспечить соблюдение принципа научности при выработке концептуального понимания процесса социализации предпринимательства с требованием ее практической приемлемости для хозяйствующих субъектов. Теоретическое обоснование и аргументация выводов данной статьи основаны на положениях позитивного экономического анализа с использованием приемов логико-структурного, сравнительного, а также качественного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

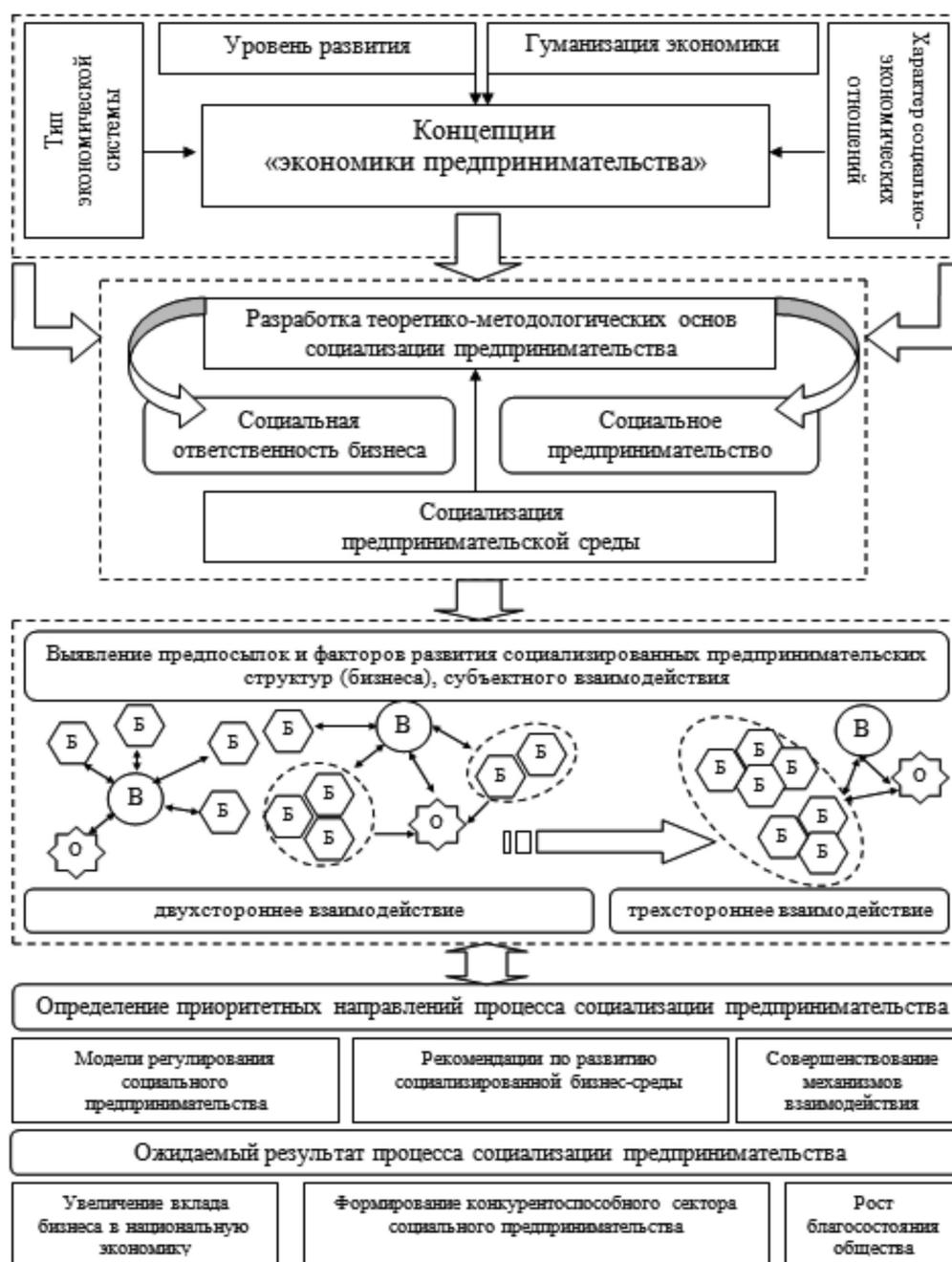
Необходимость применения бизнес-подхода для решения общественно значимых проблем в настоящее время очевидна,

так как перед социумом стоят серьезные задачи по регулированию как мировых процессов, имеющих глобальный характер и последствия, так и внутриобщественных.

Бизнес в России имеет глубокие корни своего участия в социальных процессах – от благотворительности и меценатства до корпоративного гражданства. На сегодняшний день вклад предпринимательства в социальную сферу неизбежен и проявляется по-разному. Так, с одной стороны, любое «социальное проявление» неизбежно приводит к сверхзатратам, обуславливая снижение финансового результата, а также многих финансово-экономических показателей деятельности, с другой – ни один предприниматель сегодня не может функционировать, абстрагируясь от общества, в возможностях которого как поддержать бизнес, так и, напротив, лишить его возможности стабильно функционировать. Принимая во внимание этот факт, одна часть компаний становится все более ответственной, по своей воле возлагая на себя социальные обязательства, например, по максимальному снижению негативных последствий функционирования в сфере экономики или экологии. Другая часть формирует своего рода бизнес-сообщество как совокупность социализированных бизнес-структур по интересам – социальным ориентирам, не уступающих по своему экономическому и инновационному потенциалу западным аналогам [2, с. 44–45].

Проблема разработки концепции процесса социализации предпринимательства актуализируется целым рядом факторов. Во-первых, объективным процессом перехода российского общества на инновационный вектор развития в условиях становления социально ориентированной рыночной экономики. Во-вторых, настоящей ролью социализированных бизнес-структур как важнейших субъектов не только экономических и экологических, но и социально-культурных трансформаций в обществе. В-третьих, недостатком глубины теоретико-методологических и практических исследований проблем социализации бизнеса применительно к российской действительности и ее отдельным сферам, например, таким как теоретическое осмысление потенциала социальной ответственности бизнеса и социального предпринимательства, а также ресурсов для его наращивания.

На основании вышеизложенного автором представлена концептуализация процесса социализации предпринимательства, выделены сферы его формирования и основные направления реализации в современных российских условиях (рисунок).

Концептуальное понимание процесса социализации предпринимательства

Основные ключевые положения концепции, вынесенные автором на обсуждение:

1. Каждому типу экономической системы соответствует свой тип предпринимательства и формы его взаимодействия с другими экономическими акторами, находящие свое отражение в концепциях «экономики предпринимательства». В свою очередь, «экономика предпринимательства» трансформируется вместе с уровнем развития общества и присущим ему характером

социально-экономических отношений. В связи с этим разработка теоретико-методологических основ социализации предпринимательства базируется на различных методологических подходах, а также способах исследования категории «предпринимательство», обусловленных многогранностью трактовки предпринимательской деятельности за рамками традиционного набора апробированных методов изучения. Социализация предпринимательства ста-

новится гетерогенной областью, имеющей отличные от общепринятой экономической деятельности характеристики.

2. Социализация предпринимательства в современной России развивается одновременно по двум направлениям. С одной стороны, усиливается ответственность бизнеса за осуществляемую предпринимательскую деятельность, с другой стороны, развивается особая форма бизнеса – социальное предпринимательство. Социальному предпринимательству свойственна специфика, обусловленная общественной природой становления и функционирования преимущественно третичного сектора экономики и предопределяющая различия характера его деятельности от других субъектов предпринимательства. Подобное своеобразие предопределяет и задает особые детерминанты, которые не только оказывают влияние на перспективное видение процесса развития самого социального предпринимательства, но и задают «правила игры», нетипичные условия и факторы формирования социализированной бизнес-среды.

3. Одной из категорий социально ориентированного общества является трехстороннее взаимодействие экономических субъектов (субъектное взаимодействие), которое достигается посредством согласования интересов и доверия участников социально-экономических отношений в условиях их взаимной ответственности перед общественностью. Таким образом, процесс социализации отечественной экономики сопровождается трансформацией функций (задач) государственного регулирования при максимально возможном соблюдении баланса интересов в процессе построения механизма партнерского трехстороннего взаимодействия общества, экономических акторов и государства, усиливающего их взаимное проникновение в деятельность друг друга, неизбежно перераспределяя сферы ответственности за социально-экономическое развитие страны и образуя социально ориентированный вектор ее развития.

4. Обоснована взаимозависимость между идентификацией трансформаций, имеющих место в осуществлении предпринимателями своей деятельности в новых условиях социализированной среды на начальном этапе реализации концепции и этапом определения приоритетных направлений реализации концепции, ее ожидаемых результатов. Данное обусловлено необходимостью корректировки (преобразований) направлений развития концепции в соответствии со сложившимися услови-

ями или выявленными обстоятельствами, а именно – при появлении негативных тенденций или воздействий процесса социализации бизнес-среды.

Авторская концепция не рассматривается как нечто заданное и единственно возможное. Автором допускается существование альтернативных инструментов развития предпринимательской среды в условиях социализации экономики, выбор которых может быть обусловлен различными микро- и макроэкономическими факторами: финансовым состоянием субъектов предпринимательства, их ресурсным потенциалом, системой внутрикорпоративного управления, условиями внешнего регулирования и так далее. Представленная концепция имеет стратегическую цель – формирование целостного понимания и системного видения перспектив развития предпринимательской деятельности в условиях социализации экономики (коэволюционный процесс).

Основные предпосылки и факторы развития социализированных предпринимательских структур можно условно объединить в две группы:

1. Предпосылки и факторы позитивного влияния: усиление внимания государства к процессам социализации предпринимательства; совершенствование социальной инфраструктуры; повышение уровня и качества жизни населения; появление у бизнеса дополнительных ресурсов в результате синергетического эффекта от субъектного взаимодействия.

2. Предпосылки и факторы негативного влияния: глобальные процессы в мировой экономике и как одно из следствий – формирование крупных интегрированных структур во всех сферах предпринимательской деятельности, в том числе с целью захвата рынка; стремительное развитие сетевых форм организации бизнеса; ограниченный выбор сфер предпринимательской деятельности, в которых бизнес с высокой степенью эффективности способен проявить свою социальную ответственность.

Одним из инструментов реализации концепции социализации предпринимательства является модель регулирования социального предпринимательства, многогранность термина которого объясняется принадлежностью ко множеству сфер общественной жизни и выражается в различных формах социальной активности [3]. Представляя собой специфическое социально-экономическое явление, социальное предпринимательство осуществляется в условиях социума, регламентируется действующими в обществе нормативно-

правовыми положениями, подчиняется действию общих для всех хозяйствующих субъектов экономических законов. Это означает, что социальное предпринимательство как таковое не свободно от общества, а функционирует во взаимосвязи и взаимозависимости с ним, подвержено как управлению, так и регулированию [4, с. 354].

Под регулированием понимается процесс целенаправленного воздействия на хозяйствующий субъект с целью достижения запланированного социального эффекта, осуществляемый органами управления, под которыми в широком смысле слова понимаются как государственные органы исполнительной власти различных уровней, так и представители менеджмента – непосредственные руководители социально ориентированных предприятий. Подобное разноеобразие состава участников процесса регулирования социального предпринимательства объективно обуславливает различия в стоящих перед ними целях и ожидаемых результатах [5, с. 87]. Так, например, органами власти перед предпринимателем ставятся многоплановые микро- и макроэкономические задачи: от развития предприятия как такового до обеспечения роста доходов бюджетов всех уровней, развития экономической и социальной инфраструктуры, повышения качества жизни населения, снижения социальной напряженности на рынке труда и т.п. Управляющее воздействие государственных органов власти на хозяйствующий субъект социального предпринимательства направлено на формирование нормативно-правовой базы, позволяющей успешно развиваться и иметь положительную динамику работы, сопровождаться устойчивым ростом финансовых результатов, повышением уровня конкурентоспособности производимой продукции, расширением занимаемого сегмента рынка [6, с. 134]. Кроме того, из внимания исследователей не исключается управляющее самовоздействие, под которым понимается реализация собственной предпринимательской инициативы.

Заключение

Объективная необходимость разработки концепции социализации предпринимательства диктуется общей логикой перехода к социально-ориентированной модели российской экономики. Кроме того, рост предпринимательской активности всех хозяйствующих субъектов, который наблюдается в России в последнее десятилетие, демонстрирует возникновение благоприятных условий для развития всего предпринимательского сектора с учетом потреб-

ностей формирующегося гражданского общества. В результате, с одной стороны, актуализируется проблема соответствия качественных и социально-этических параметров деятельности бизнеса реалиям социальной среды, с другой – поиска механизмов и инструментов вовлечения предпринимательства в систему социально-экономических отношений и разделения с государством ответственности за состояние сферы социальных услуг, за благополучие общества и его безопасность. В результате неизбежно различие интересов участников данного процесса и поиск путей обеспечения их сбалансированности.

Совокупный научный потенциал исследований и прикладных разработок обеспечил достаточно глубокую проработанность проблематики социализации современной российской экономики, а также высокий теоретико-методологический уровень изучения тенденций формирования социальной ответственности бизнеса. Однако следует отметить, что нынешняя экономическая наука занимается в основном проблемами рынка в традиционном его понимании, когда в центре исследования находятся рыночные отношения сами по себе, а получившая широкое распространение государственная активность все еще относится к разряду экстернатальных, внешних воздействий, учитываемых в виде некоторых допущений к анализу исследуемых явлений. Помимо этого, современные механизмы взаимодействия государства с экономическими акторами, построенные в двустороннем формате, исключают из процесса партнерских отношений общества как непосредственного участника данного процесса. В связи с этим необходима разработка концептуального понимания организации и развития трехстороннего взаимодействия властных, предпринимательских структур и общества в сфере решения социально значимых задач на принципах стратегического партнерства. Данный подход требует формирования новых моделей, инструментов и методик согласования интересов власти, бизнеса и общества, что, по мнению автора, позволит активизировать деловую активность бизнеса, обеспечить повышение эффективности использования государственных бюджетных ресурсов, послужит стимулом экономического роста страны и повышения благосостояния общества.

Список литературы

1. Макаревич А.Н. Сфера социально значимых услуг: «борьба» терминологий // Казанская наука. 2012. № 10. С. 97–100.

2. Киварина М.В. Социализация предпринимательства как фактор устойчивого экономического роста // Вестник Института экономики и управления Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2017. № 2 (24). С. 44–51.

3. Такмашева И.В., Айварова Н.Г. Портрет социального предпринимателя Югры: ключевые особенности и ценностные ориентации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 1 (119). [Электронный ресурс]. URL: <http://uecs.ru/uecs-119-12019/item/5373-2019-01-30-09-05-05> (дата обращения: 15.07.2020).

4. Пахомова О.А., Дубровина О.А. Системный подход к управлению социальной сферой региона // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8–1 (85–1). С. 352–356.

5. Рубцова М.В., Павенков В.Г. Теоретическое исследование управляемости: социологический подход. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т водных коммуникаций, 2009. 371 с.

6. Чжан Л. Теоретические аспекты исследования предпринимательской деятельности // Глобальная экономика в XXI веке: роль биотехнологий и цифровых технологий: сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием. 2020. С. 133–135.

УДК 332.02

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В РЕГИОНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

¹Матвеева Е.В., ¹Гоосен Е.В., ¹Каган Е.С., ²Никитенко С.М.

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово, e-mail: mev.matveeva@yandex.ru;

²Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, Кемерово, e-mail: nsm.nis@mail.ru

В рамках статьи авторы обращаются к проблеме стрессоустойчивости, весьма слабо изученной в нашей стране, как на понятийном уровне, так и применительно к анализу и прогнозированию стрессоустойчивости в развитии регионов. Основное внимание авторы уделили обзору зарубежных научных публикаций, затрагивающих экономические и социально-политические аспекты данного явления. Авторы делают акцент на том, что стрессоустойчивость применительно к региональному развитию субъектов Российской Федерации – это не только состояние устойчивости всех уровней власти по отношению к стрессовым ситуациям в различных сферах общества, но и способность адаптации к новым условиям на основе форм стратегического партнерства на институциональном уровне. Методология статьи опирается на междисциплинарный подход на основе синтеза концепции политической стрессоустойчивости Д. Чендлера с социальной концепцией альтернативных форм стрессоустойчивости М. Кусис, М. Пашу, М. Джованнини, на модель экономической стрессоустойчивости Р. Мартина и Р. Санли, на системный и институциональный подходы. Выделены в первом приближении ключевые факторы стресса и факторы-стабилизаторы на региональном уровне в условиях обострения глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, факторы стресса и факторы-стабилизаторы, глобальный кризис, экономическое развитие, социально-политические процессы и институты, региональное управление

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF FACTORS ECONOMIC AND SOCIO-POLITICAL STRESS IN THE REGION IN THE GLOBAL CRISIS

¹Matveeva E.V., ¹Goosen E.V., ¹Kagan E.S., ²Nikitenko S.M.

¹Kemerovo State University, Kemerovo, e-mail: mev.matveeva@yandex.ru;

²The Federal Research Centre of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, e-mail: nsm.nis@mail.ru

In the article, the authors address the problem of stress resistance, which is very poorly studied in our country both at the conceptual level and in relation to the analysis and prediction of stress resistance in the development of regions. The main attention is paid to the author's review of existing publications in Western science that affect the economic and socio-political aspects of this phenomenon. The emphasis is placed on the fact that stress tolerance in relation to regional development of the Russian Federation subjects is not only a state of stability of all levels of government in relation to stressful situations in various spheres of society, but also the ability to adapt to new conditions based on forms of strategic partnership at the institutional level. The methodology of the article is based on an interdisciplinary approach based on the synthesis of the concept of political stress tolerance by D. Chandler with the social concept of alternative forms of stress tolerance by M. Kusic, M. Pashu, M. Giovannini, R. Martin and R. Sanli's model of economic stress tolerance, system and institutional approaches. The key stress factors and stabilizers at the regional level in the context of the global crisis caused by the COVID-19 pandemic were identified at the first approximation.

Keywords: stress resistance, stress factors and stabilizers, global crisis, economic development, socio-political processes and institutions, regional governance

В современных условиях общество переживает глубокий кризис, связанный с коренной сменой социально-экономического уклада – формированием Индустрии 4.0, цифровизацией, сопровождающимся разрывом экономических связей, ломкой сложившихся социально-политических систем и отношений как на глобальном, так и на национальном уровне. В этих условиях государства и общества теряют свою стрессоустойчивость и становятся особо «хрупкими», не способными поддерживать

целостность своих экономических и социально-политических структур. Драматизм ситуации усугубляется стремительным распространением коронавирусной пандемии, которая также испытывает государства и общество на прочность.

В рамках данной статьи авторами разработан междисциплинарный концепт понятия стрессоустойчивости, наиболее полно проявляющейся в периоды глобальных кризисов типа пандемии COVID-19, а также сделана попытка формирования индикато-

ров оценки стрессоустойчивости регионов в новых экономических и социально-политических реалиях.

Целью исследования явилась разработка основных факторов риска и факторов-стабилизаторов стрессоустойчивости на региональном уровне в условиях глобального кризиса, оказывающих воздействие на систему взаимодействия институтов власти и общества.

Материалы и методы исследования

Серьезной исследовательской проблемой при изучении концепта «стрессоустойчивости» является выбор инструментов ее оценки, так называемых факторов стресса и факторов-стабилизаторов, которые являются определяющими в вопросе трактовки понятия «стрессоустойчивость». В этой связи за основу были взяты собственные научные разработки авторского коллектива [1; 2], междисциплинарный подход на основе синтеза концепции политической стрессоустойчивости Д. Чендлера [3] с социальной концепцией альтернативных форм стрессоустойчивости М. Кусис, М. Пашу, М. Джованнини [4; 5], что позволило адаптировать концепт к условиям российских регионов. При анализе кризисных явлений преимущественно в экономической сфере используется модель экономической стрессоустойчивости Р. Мартина, Р. Санли и др. Наряду с этим нашли применение при изучении текущей экономической и социально-политической ситуации в регионах системный и институциональный подходы.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие «стрессоустойчивость» в социально-политические и экономические исследования пришло из психологии в начале 1970-х гг., из работы К. Холлинга «Стрессоустойчивость и стабильность экологической системы», где стрессоустойчивость отделялась от стабильности экологических систем и определялась как «мера стойкости систем и их способности поглощать изменения и колебания и при этом сохранять прежние отношения между популяциями или переменными состояниями» [6].

В научной литературе интерес к стрессоустойчивости стран и территорий всегда резко возрастал в периоды экономических и политических кризисов: финансовый кризис 2008 г., Vrexit, экологические катастрофы, пандемии и т.д. Так, после кризиса 2008 г., в период 2016–2018 гг. в зарубежных журналах был подготовлен и опубликован специальный выпуск, посвященный

разным аспектам стрессоустойчивости [7; 8].

Сегодня в рамках изучения стрессоустойчивости можно выделить три основных дискурса: экологический, изучающий способность экосистем изменяться под воздействием шоков, при этом сохраняя свои главные черты; экономический, связанный с анализом способности стран, регионов и отраслей в краткосрочном периоде нивелировать внешние и внутренние шоки, а в долгосрочном – выбирать оптимальную траекторию развития; социально-политический, в котором под стрессоустойчивостью понимается способность политических органов власти, общественных организаций и иных сообществ как институтов гражданского общества обеспечить устойчивость и выживание общества в условиях кризиса, обеспечивать целостность его социально-политической системы.

В данном исследовании наибольший интерес представляют последние два дискурса, при этом наиболее разработанным из них является экономический подход к стрессоустойчивости.

Большая часть экономических исследований стрессоустойчивости направлена на изучение разнообразия динамики развития кризисов и различий ее проявления в разных пространственных средах (государствах, регионах, городах и т.д.) [9; 10]. В экономических исследованиях большое внимание уделяется определению временных границ кризисов и выделению факторов риска, причин различий региональных реакций на внешние шоки, в том числе отраслевой состав экономической активности и степень ее разнообразия. Много внимания уделяется доле государственного сектора в экономике, уровню развития человеческого капитала и интенсивности инновационной деятельности.

Экономический подход к изучению достаточно операционализирован и формализован. Широкое использование в экономических исследованиях стрессоустойчивости математического аппарата, в том числе методов описательной статистики, позволяет авторам выявлять наиболее проблемные территории и регионы, ставить вопрос не только о текущей, но и долгосрочной стрессоустойчивости, делать достаточно надежные и достоверные прогнозы о перспективах развития кризисов, предлагать формы и механизмы поддержания стрессоустойчивости.

В последнее время в экономических исследованиях стрессоустойчивости большое внимание уделяется различным социальным и политическим институтам и структурам,

формальным и неформальным механизмам взаимодействия государства, бизнеса и институтов гражданского общества с целью поддержания стрессоустойчивости. Среди наиболее исследованных механизмов – государственно-частное партнерство, лицензия на социальную деятельность, корпоративная социальная ответственность [11]. Пока эти исследования носят установочный характер. Тем не менее уже стали появляться первые междисциплинарные экономико-политические исследования и проекты, изучающие проблемы стрессоустойчивости регионов на стыке экономики и политики [12]. Дальнейшее развитие этих исследований можно ожидать в направлении усиления междисциплинарного контекста за счет сочетания экономического подхода с социологическими и политологическими исследованиями.

Политические и социальные аспекты стрессоустойчивости в литературе изучены в меньшей степени. Нет общепринятого определения самого понятия «стрессоустойчивость». Очень часто понятие стрессоустойчивости в политических и социальных исследованиях носит очень широкий описательный характер и определяется как «процесс структурированных приспособлений, на которые идет общество или индивид перед лицом эндогенных или экзогенных шоков» [13].

В социально-политических исследованиях стрессоустойчивости наблюдается своеобразная дихотомия: политические исследования в основном сосредоточены на изучении и поиске возможности сохранения существующих политических институтов, исследователей интересует «характеристика любого субъекта политической жизни, которая позволяет ему сохранить свой статус-кво, т.е. вернуться к форме, максимально приближенной к первоначальной после внешнего или внутреннего воздействия», акцент делается на текущую стрессоустойчивость [14].

Социологи в большей мере интересуются проблемами «критической стрессоустойчивости» и альтернативными формами стрессоустойчивости – социальными сообществами и институтами, обеспечивающими выживание незащищенных слоев общества, женщин, социальных меньшинств или маргиналов, а также деятельностью социальных сообществ, подрывающих текущую социально-политическую систему [15]. Эта дихотомия является проявлением традиций неолиберального подхода к исследованию социально-политических процессов, акцентирующих внимание на необходимости ограничения вмешательства политических

институтов в экономическую и социальную жизнь. Думается, что в современных условиях требуется преодоление этой дихотомии и перенос акцента исследований на различные формы стратегического взаимодействия политических институтов государства, различных институтов гражданского общества и экономических институтов, способных поддерживать текущую и долгосрочную стрессоустойчивость регионов и территорий.

В российском политическом и социологическом дискурсе термин «стрессоустойчивость» пока используется крайне редко, в большей степени в контексте внешнеполитических отношений России и ЕС. Математический аппарат в отечественных исследованиях стрессоустойчивости практически не используется. Выход на институциональные проблемы стрессоустойчивости есть в экономических институциональных исследованиях, посвященных российским ресурсным регионам [16; 17].

В рамках данной статьи под понятием стрессоустойчивости авторами рассматривается состояние устойчивости всех уровней власти по отношению к стрессовым ситуациям в экономической, социальной и политической сферах общества, а также способность вырабатывать адаптивные механизмы на основе форм стратегического партнерства государства и общества, в частности институтов гражданского общества.

Как было отмечено ранее, глобальный кризис, вызванный пандемией COVID-19, поставил на повестку дня вопрос об устойчивости экономики и политических систем государств. Необходимо отметить, что введение в Российской Федерации и ее регионах режима самоизоляции граждан, запрет на функционирование государственных учреждений и бизнеса, перевод образовательного процесса в вузах и системе среднего образования на дистанционные технологии, проблемы в здравоохранении в связи с нехваткой койко-мест, особенно в городах-миллионниках, и многие другие факторы показали, что государство и регионы оказались неспособными решить возникшие проблемы имеющимися ранее инструментами и способами. Приходилось достаточно быстро перестраивать деятельность государственных институтов и органов региональной власти, искать новые способы адаптации регионов с совершенной разными практиками функционирования политических институтов и институтов гражданского общества, сформированными моделями экономического развития к новым реалиям. Весьма непростая ситуация сложилась в работе

региональных социально ориентированных некоммерческих организаций, получающих финансирование за счет грантов: запланированные к реализации мероприятия в ряде проектов оказалось крайне затруднительным перевести на онлайн-площадки [18]. Очевидным, спустя несколько месяцев, остается факт, что без поддержки федерального центра регионы не смогли бы самостоятельно реализовать меры социальной поддержки населения, несмотря на предоставленную им полную свободу действий в выборе стратегии развития. На региональном уровне вводятся, наряду с федеральными, региональные меры поддержки, и не только в виде единовременных выплат семьям с детьми, пенсионерам, безработным и бизнесу, но и выделяются субсидии на оплату услуг ЖКХ, производится выдача продуктовых наборов.

Таким образом, в качестве основных факторов стресса в новой реальности оказались кризисные явления в развитии бизнеса, вплоть до прекращения деятельности целых отраслей экономики (приостановление туристической, авиасообщений, сферы культурно-массового досуга и т.д.), падение уровня доходов населения или, что еще хуже, попадание в группы безработных, рост социального напряжения, скачок в криминогенной обстановке и в целом кризис постмодернистского мировоззрения и ценностей, сопровождающийся фатальными настроениями населения о своей дальнейшей судьбе.

Перечень отмеченных мероприятий на государственном и региональном уровнях по стабилизации ситуации в стране подтверждает правильность оценки авторов и свидетельствует о формировании факторов-стабилизаторов стрессоустойчивости на региональном уровне. Условно данные факторы-стабилизаторы можно разделить на несколько групп: меры экономической поддержки бизнеса и отдельных групп населения, в социальной сфере – оптимизация работы организаций (медицина) и переход на дистанционный формат (образование, культура, спорт, социальное обеспечение), социальная поддержка со стороны государства социально ориентированных неправительственных организаций (СО НКО). Причем последнее свидетельствует о развитии новых форм стратегического партнерства государства и общества. В июне-июле 2020 г. появился ряд законопроектов, способных существенно изменить роль СО НКО в региональном пространстве.

Президент РФ В.В. Путин 8 июня 2020 г. на встрече с работниками социальных учреждений и некоммерческих организаций

объявил о начале старта нового конкурса Фонда президентских грантов для НКО в период борьбы с коронавирусом. Конкурс направлен на поддержку «социально ориентированных некоммерческих организаций, которые участвуют в борьбе с коронавирусной инфекцией и последствиями ее распространения» [19]. В этот же день вступил в силу Федеральный закон № 172-ФЗ, освобождающий НКО, вошедшие в специальные реестры (получатели субсидий и грантов по программам федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления; получатели грантов Президента Российской Федерации; поставщики социальных услуг; исполнители общественно полезных услуг), от уплаты страховых взносов за II квартал 2020 г. (деньги можно направить на зарплату, коммунальные платежи и др.).

Еще одним нововведением стала разработка Минюстом России по поручению Правительства РФ проекта постановления «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 89». Постановление необходимо для реализации закона о включении социально ориентированных НКО – победителей конкурсов президентских грантов в реестр ИОПУ без дополнительной оценки качества услуг [20].

Выводы

Произошедшие экономические и социально-политические изменения выявили несколько наиболее «острых» проблем, которые государство путем различных мер поддержки и принятия новых программ развития в современных реалиях вполне может обратить в свою сторону, превратив текущие проблемы в перспективе в «точки роста» стрессоустойчивости. В Российской Федерации такими «точками роста» могут стать изменения по модернизации медицины, поддержка со стороны государства бизнеса и неправительственных организаций. В качестве «точечной», но вполне оправданной меры по поддержке экономического уровня развития региональных экономик и стабилизации ситуации в социальной сфере выступили мероприятия по оказанию стабилизационных мер по поддержке различных категорий населения. Следует также отметить, что в случае дальнейшего ужесточения режима самоизоляции граждан и возврата к ограничительным мероприятиям в сфере экономики потребуются новые рычаги управления рисковыми ситуациями. В этой ситуации необходима дальнейшая научная проработка вопроса адаптации ре-

гиональных экономик и социума к новым вызовам. В этих условиях от регионов потребуется большая самостоятельность и потребность в разработке региональных моделей выхода из кризиса.

Список литературы

1. Матвеева Е.В., Гоосен Е.В., Алагоз А.В. Концепт стрессоустойчивости как инструмент анализа рисков социального напряжения в регионе // Теоретические и прикладные вопросы комплексной безопасности: материалы II Международной научно-практической конференции. СПб.: Петровская академия наук и искусств, 2019. С. 139–143.
2. Матвеева Е.В., Митин А.А., Алагоз А.В. Институт общественного контроля в региональном политическом пространстве: современное состояние и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 191–202.
3. Chandler D. Security through societal resilience: Contemporary challenges in the Anthropocene. *Contemporary Security Policy*. 2019. DOI: 10.1080/13523260.2019.1659574.
4. Kousis M., Paschou M. Alternative forms of resilience: A typology of approaches for the study of citizen collective responses in hard economic times. 2017. DOI: 10.1285/i20356609v10i1p135.
5. Giovannini M. Solidarity economy and political mobilisation: Insights from Barcelona. *Business Ethics European Review*. 2020. Vol. 29. № 3. P. 497–509.
6. Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems. *Annual review of ecology and systematics*. Palo Alto. 1973. Vol. 4. № 1. P. 1–23.
7. Juan R. Cuadrado-Rouraa, Ron Martinb and Andrés Rodríguez-Pose The Economic Crisis in Europe: Urban and Regional Consequences. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2016. Vol. 9. P. 3–11. DOI: 10.1093/cjres/rsv036.
8. Paolo Di Caro, Ugo Fratesi. Regional Determinants of Economic Resilience. *The Annals of Regional Science*. 2018. Vol. 60. DOI: 10.1007/s00168-017-0858-x.
9. Martin R., Sunley P. On the notion of regional economic resilience: Conceptualization and explanation. *Journal of Economic Geography*. 2015. № 15. P. 1–42.
10. Martin R., Sunley P., Gardiner B., Tyler P. How regions react to recessions: Resilience and the role of economic structure. *Regional Studies*. 2016. № 50. P. 561–585.
11. Nistotskaya M., Charron N., Lapuente V. The wealth of regions: Quality of government and SMEs in 172 European regions. *Environment and Planning. Government and Policy*. 2015. № 33. P. 1125–1155.
12. Rios M., Gianmoena L. Does Quality of Government matter for Resilience? A Bayesian Model Averaging Approach Preprint February, 2020. 37 p.
13. Bourbeau P. Resilience, Security and World Politics. *The Routledge Handbook of International Resilience*; eds. D. Chandler and J. Coaffee. London. New York: Routledge, 2017. P. 26–37.
14. Randalls S., Simon S. «Making Resilience Strange: Ontological Politics in a «Time of Crisis». *The Routledge Handbook of International Resilience*; eds. D. Chandler and J. Coaffee. London, New York: Routledge, 2017. P. 38–48.
15. Giovannini M. Solidarity economy and political mobilisation: Insights from Barcelona. *Business Ethics European Review*. 2020. № 4. P. 24–35.
16. Goosen E.V., Nikitenko S.M., Kagan E.S., Pakhomova E.O. Evolution of VAC in the context of coal industry advance in the conditions of digitization in Russia. *Eurasian Mining*. 2019. № 2. P. 32–37.
17. Goosen E.V., Kagan E.S., Nikitenko S.M. Development of scientific framework to prepare resource regions in Russia for integrated subsoil use: Quantitative assessment. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science* 2019. P. 012022.
18. Как некоммерческие организации выживают в этот кризис. 17.06.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/500738/> (дата обращения: 12.08.2020).
19. Владимир Путин объявил о проведении специального конкурса Фонда президентских грантов. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/news/vladimir-putin-ob-%22yavil-o-provedenii-spetsial%27nogo-konkursa-fonda-prezidentskikh-grantov> (дата обращения: 12.08.2020).
20. Минюст разработал проект, который упрощает процедуру включения НКО в реестр ИОПУ. 19.06.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.asi.org.ru/news/2020/06/19/iopu-proekt/?fbclid=IwAR3puNTDwNWYgoBM5XJFScjUL-mxjc-d_K7CwNzjXUUbBXUx76b-fswVm-FA (дата обращения: 12.08.2020).

УДК 332.142.4

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЁРСТВО И ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мерзлов И.Ю.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, e-mail: imerzlov@ya.ru*

Государственно-частное партнёрство, общепризнанно являясь эффективным механизмом развития инфраструктурных отраслей, способно обеспечить опережающее достижение целей устойчивого развития (ЦУР) на национальном уровне. Взаимосвязь ГЧП и ЦУР приобрела свою актуальность начиная с 2015 г. по инициативе Организации Объединённых Наций. При этом происходит трансформация понимания эффективности проектов ГЧП: от критерия «Соотношение цена-качество» (Value for Money) к критерию «Ценность для людей/социальная ценность» (Value for People). В этом контексте накопленный в мире опыт реализации проектов ГЧП позволяет констатировать факт, что далеко не всегда ГЧП является более эффективным механизмом в сравнении с традиционными государственными закупками. В данном исследовании рассматриваются причины таких «провалов» ГЧП. Как результат, выявлена система ограничений, препятствующих эффективному применению ГЧП для достижения ЦУР. Также в работе предлагаются направления совершенствования инструментария ГЧП в контексте обеспечения достижения ЦУР, в том числе развитие методологии, позволяющей с высокой степенью вероятности отбирать инфраструктурные проекты, реализация которых на основе ГЧП будет более целесообразна, повышение квалификации госслужащих в сфере ГЧП и разработка стандартов, обеспечивающих объективную систему контроля и отчетности по проектам ГЧП на всех этапах их развития.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство (ГЧП), цели устойчивого развития (ЦУР), инфраструктура

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Merzlov I.Yu.

Perm State National Research University, Perm, e-mail: imerzlov@ya.ru

Public-private partnership (PPP) is universally recognized as an effective mechanism for the development of infrastructure sectors. It is able to ensure the accelerated achievement of the Sustainable Development Goals (SDGs) at the national level. The relationship between PPP and the SDGs has become relevant since 2015 from the initiative of the United Nations. At the same time the understanding of the PPP projects' effectiveness transforms now: from the indicator «Value for Money» to the indicator «Value for People». In this context, the experience of PPP projects implementation accumulated in the world allows us to state the fact that PPP is by no means always a more effective mechanism in comparison with traditional public procurement. This study examines the causes of such PPP's «failures». As a result, a system of limitations has been identified that impedes the effective use of PPPs to achieve the SDGs. The paper also suggests directions for improving PPP tools in the context of ensuring the SDGs' achievement.

Keywords: Public-private partnership (PPP), Sustainable Development Goals (SDGs), infrastructure

В Программе действий (*The Addis Ababa Action Agenda*), принятой на Третьей международной конференции по финансированию устойчивого развития (Аддис-Абеба, 13-16 июля 2015 г.), утверждается, что как государственные, так и частные инвестиции играют ключевую роль в развитии инфраструктуры, в том числе с использованием государственно-частного партнёрства. Также в указанной программе отмечается необходимость дальнейшего совершенствования механизмов государственно-частного партнёрства (ГЧП), включая подходы к планированию, организации переговорного процесса и адекватному учёту бюджетных обязательств. Кроме того, в данном документе подчеркивается необходимость обоснованного распределения рисков и доходов между участниками, которое учитывало

бы соблюдение социальных и экологических стандартов [1].

Данные требования, предъявляемые к проектам ГЧП, получают ещё большую актуальность в контексте реализации Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Повестка 2030), в которой зафиксированы 17 целей устойчивого развития (ЦУР). Следует отметить, что Россия, как и подавляющее большинство развитых и развивающихся стран, ратифицировала ЦУР и присоединилась к их реализации [2].

Основной целью проектов ГЧП, с точки зрения государства, должно являться улучшение качества и эффективности предоставляемых услуг населению.

Такой подход получил новое развитие в 2015 г., когда Европейской экономической комиссией ООН была продекларирована концепция «ГЧП на благо людей» (*People-first Public-Private Partnerships*). Далее в 2018 г. данный подход эволюционировал методологически: была описана «разновидность ГЧП», направленная на достижение ЦУР и нацеленная на достижение желательных и необходимых результатов осуществления инвестиций в инфраструктуру, которые выходят за рамки одних лишь критериев эффективности затрат [3]. В рамках данной концепции ГЧП предлагается рассматривать как проекты ГЧП «нового поколения» – «проекты ГЧП на благо людей/ГЧПЛ». Следовательно, при принятии решения о начале реализации проекта ГЧП на первый план выходит не столько критерий бюджетной эффективности (в первую очередь, критерий «соотношение цены и качества» (*Value for Money (VfM)*), сколько понимание того, что проект должен принести дополнительную ценность для людей (социальную ценность (*Value for people (VfP)*)) и способствовать достижению ЦУР.

Важным мотивом государства при реализации проектов ГЧП является стремление к привлечению частных инвестиций, что позволяет направлять всегда ограниченные бюджетные средства в критически важные сферы, а также снижать долгосрочное давление на бюджеты соответствующих уровней.

Накопленная в международной практике статистика показывает, что указанные цели реализации проектов ГЧП во многих случаях не достигаются, а эффективность применения ГЧП серьезно различается по видам деятельности и секторам экономики.

Для того чтобы ГЧП работало как эффективный инструмент предоставления социально и экономически значимых услуг населению на базе качественно функционирующих объектов инфраструктуры, важно, чтобы страны и отдельные регионы имели институциональный потенциал для инициации проектов ГЧП, управления ими, а также оценки их эффективности – особенно в сравнении с другими возможными источниками финансирования.

Целью исследования является оценка целесообразности применения ГЧП для достижения ЦУР.

Материалы и методы исследования

Ключевые выводы в предлагаемой статье сделаны посредством методологии кабинетного исследования, которое заключается в анализе наиболее актуальных данных и материалов ведущих мировых экспертов,

занимающихся вопросами оценки эффективности реализации проектов ГЧП.

Результаты исследования и их обсуждение

Несмотря на то что, как было указано выше, ГЧП рассматривается в официальных документах как один из основных механизмов достижения большего количества ЦУР, последние годы растёт количество научных исследований, подвергающих сомнению эффективность применения ГЧП.

В качестве примера приведём некоторые из них.

1. Анализ реализации ряда проектов ГЧП в Канаде, связанных с созданием школ, больниц, мостов и водоочистных сооружений, позволил сделать вывод о том, что в сравнении с проектами, которые реализовывались государством самостоятельно, исследуемые проекты ГЧП оказались более дорогостоящими, предоставляя вместе с тем услуги более низкого качества. При этом основным мотивом правительства в реализации проектов ГЧП было стремление снизить формальную долговую нагрузку бюджетов соответствующего уровня [4].

2. Исследование результатов реализации большого массива проектов ГЧП, реализованных в различных странах Европы, Северной Америки, Австралии, России, Китая, Индии и Бразилии, выявило многочисленные ситуации манипулирования расчётом показателей «соотношение цена и качество» (*VfM*), а также существенные отклонения в распределении рисков – между теми рисками, которые декларировались как передаваемые частному партнёру, и фактически переданными ему рисками. Автор данного обзора утверждает, что «ГЧП фактически подрывают демократию вследствие систематического снижения уровня ответственности, возможностей и власти государства» [5].

3. Целый ряд авторов отмечают, что в некоторых случаях проекты ГЧП не давали ожидаемого результата и приводили к значительному росту государственных долговых обязательств [6–8]. Как следствие, в данных исследованиях делается вывод, что ГЧП не следует рассматривать как «абсолютную панацею» от «инфраструктурной отсталости».

В большинстве упомянутых выше исследований при оценке эффективности реализованных проектов ГЧП авторы делают сравнительный анализ проектов не только в части целей и задач, которые заявлялись на этапе инициации проектов, но и проводят сравнительный анализ с подобными проектами, которые реализуются при

этом государством самостоятельно с привлечением исключительно бюджетно-финансирования.

В этой связи сохраняет свою актуальность вопрос совершенствования методологического аппарата применения ГЧП в целях обеспечения достижения ЦУР. В первую очередь, требует уточнения подход, связанный с обоснованием выбора подхода к реализации инфраструктурного проекта: ГЧП или государственные закупки.

Так, в России основу законодательного регулирования сферы ГЧП составляют 2 федеральных закона:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 224-ФЗ).

2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ).

Федеральный закон № 224-ФЗ предусматривает обязательную оценку эффективности проекта, планируемого к реализации, по следующим критериям: финансовая эффективность проекта, социально-экономический эффект и сравнительная эффективность проекта. При этом требование расчета финансовой и сравнительной эффективности проекта ГЧП фактически означает реализацию принципа *Value for Money*, а требование расчета социально-экономического эффекта – *Value for People*.

В то же время Федеральный закон № 115-ФЗ вообще не предъявляет требований к расчету критериев *VfM*, ни *VfP*, что, с одной стороны, для органов исполнительной власти делает применение концессии как одной из моделей ГЧП более простым и менее затратным, а с другой – не создаёт предпосылок для стимулирования достижения как бюджетной эффективности, так и роста качества жизни населения.

В этом контексте следует более подробно остановиться на особенностях подхода к расчету показателей бюджетной эффективности, основанных на принципе *VfM*. Фундаментально считается, что показатель *VfM* должен учитывать полную стоимость проекта ГЧП с позиции тех расходов, которые понесёт публичный партнёр, включая не только прямые бюджетные расходы (например, стоимость финансирования и эксплуатационные затраты по проекту), но и оценку совокупности возможных долгосрочных финансовых последствий, включая стоимость рисков, которые берёт на себя публичный партнёр (например,

в объёме бюджетных гарантий, выданных частному партнёру на реализацию проекта ГЧП). Последнее в своих прогнозных расчётах должно учитывать достижение ЦУР.

Говоря о расчёте совокупной стоимости проекта ГЧП, включающей расходы, связанные с проектированием, строительством, привлечением заёмного финансирования, обслуживанием, эксплуатацией, проведением переговоров с потенциальными частными партнёрами, организацией конкурсных процедур и мониторингом хода реализации проекта, следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев проекты ГЧП являются более затратными в сравнении, если бы они реализовывались исключительно силами государства.

Так, например, исследование счетной палаты Великобритании (*UK's National Audit Office*) показало, что средняя эффективная процентная ставка привлечения заёмного финансирования для частного партнёра в 2015 г. составляла 7–8% годовых. При этом заимствования, осуществляемые государством, находились на уровне ставки 3–4% годовых [9, 10].

Кроме того, реализация проекта ГЧП, как правило, подразумевает более сложный и длительный процесс, связанный с проведением переговоров с потенциальными частными инвесторами и дальнейшим проведением конкурсных процедур. Так, согласно проведенному исследованию, транзакционные издержки, связанные с проведением конкурса и дальнейшим мониторингом хода реализации проекта ГЧП, увеличивают его общую стоимость в среднем на 10–20% [8]. В частности, по данным Европейского инвестиционного банка (*European Investment Bank*), который сравнил стоимость создания 227 новых автомобильных дорог в 15 европейских странах, 65 из которых были реализованы на основе ГЧП, *ex ante* издержки в случае применения ГЧП в среднем на 24% были больше в сравнении, когда дороги создавались на основе традиционных государственных закупок.

Существенным элементом, влияющим на стоимость реализации проекта ГЧП, является распределение рисков между публичным и частным партнёром. Общий принцип заключается в том, что риск должна нести та сторона, которая в наибольшей степени способна этим риском управлять. Однако на практике фактически оценить стоимость передаваемого риска крайне сложно, что связано с наличием множества разноплановых факторов, влияющих на проекты ГЧП. Так, если риск, принятый частным партнером, будет превышен, то это может привести к увеличению стоимости

услуг для потребителя, что в результате будет выступать ограничивающим фактором достижения ЦУР. Международный валютный фонд (МВФ) отмечает, что правительства в ряде случаев могут преувеличивать истинную стоимость передаваемого риска, а это приводит к завышению стоимости проектов ГЧП по сравнению с прямыми государственными инвестициями.

Фактором, способным ограничить эффективность достижения ЦУР при использовании ГЧП, является и то, что во многих случаях органы исполнительной власти рассматривают ГЧП как возможность чрезмерного и неуправляемого роста «забалансовых» бюджетных обязательств. Это в конечном итоге может приводить к подрыву бюджетной стабильности целых стран и, как следствие, нарастанию социальной напряженности. Например, реализация целого ряда проектов ГЧП в сфере здравоохранения в Лесото привела к тому, что 51% бюджета здравоохранения страны расходуется на выплаты частным инвесторам, что потенциально может привести к дефолту страны и, следовательно, угрожает её устойчивому развитию в среднесрочной перспективе [11].

Ещё одним фактором, приводящим к возможным ограничениям ГЧП в контексте достижения ЦУР, является то, что передача частному инвестору возможности самостоятельного установления цен на социально значимые инфраструктурные услуги в сочетании с низким уровнем развития нормативно-правового регулирования в стране может приводить к необоснованному росту тарифов для населения, а также к снижению инвестиций в частный сектор.

В ряде исследований отмечается, что при оценке эффективности проектов ГЧП зачастую отсутствует в долгосрочной перспективе учёт фактически достигнутых социальных эффектов относительно тех, которые планировались на этапе инициации соответствующего проекта. Как следствие, это приводит к тому, что отсутствует объективная возможность оценить успешность проекта с позиции «план-факт» [12].

Неоднозначность влияния ГЧП на достижение ЦУР связана также и с тем, что проекты ГЧП, имея целью привлечь частный бизнес, как правило, фокусируются на экономически рентабельных сегментах, что может приводить к формированию диспропорций в качестве предоставления услуг на различных территориях и разным группам населения. Например, в ряде африканских стран проекты ГЧП в здравоохранении заключаются в создании высокотехнологичных больниц исключительно

но в ограниченном количестве городских центров, в которых сосредоточена большая часть платёжеспособного населения, и практически отсутствуют проекты ГЧП, предоставляющие медицинские услуги беднейшим слоям населения [9].

С учётом выше обозначенных фактов при реализации проектов ГЧП в контексте обеспечения достижения ЦУР становится критически важным, чтобы относительно высокие издержки, связанные с ГЧП, компенсировались повышением качества предоставляемых услуг и, следовательно, – ростом качества жизни населения.

Таким образом, на сегодняшний день накоплен достаточно большой массив статистических данных, позволяющих утверждать, что ГЧП является более дорогим инструментом реализации инфраструктурных проектов в сравнении с традиционными государственными закупками, и при этом ГЧП далеко не всегда способно обеспечить более высокое качество предоставляемых услуг и, как следствие, не может рассматриваться как панацея достижения ЦУР. Кроме того, анализ результатов реализации проектов ГЧП свидетельствует о том, что их эффективность существенным образом отличается в зависимости от сферы, в которой они реализуются.

Так, наибольшая эффективность реализации проектов ГЧП достигается в таких сферах экономической инфраструктуры, как ЖКХ и транспорт, где качественное состояние инфраструктуры (как имущественного комплекса) может обеспечить снижение эксплуатационных затрат, повысить уровень обслуживания, и при этом спрос на предоставляемые услуги относительно стабилен и легко прогнозируем. В то же время ГЧП, используемое в целях развития социальной инфраструктуры (например, школы и больницы), показывает меньшую эффективность. Это, в первую очередь, объясняется тем, что в этих сферах качество услуг в основном зависит от инвестиций в человеческий капитал и спрос имеет значительные колебания. Другими словами, привлекаемые в проекты ГЧП существенные объёмы частных инвестиций далеко не всегда обеспечивают соответствующее качество услуг, предопределяющее рост качества жизни населения и соответственно достижение ЦУР.

Вероятно именно этим фактом объясняется то, что даже в тех странах, которые в наибольшей степени используют ГЧП (в первую очередь – Великобритания и Австралия), на проекты ГЧП приходится только около 15 процентов от суммы всех инвестиций в инфраструктуру, для боль-

шинства стран Европы эта доля составляет немногим более 5 процентов [9].

Для того чтобы ГЧП стало эффективным инструментом достижения ЦУР, необходимо наличие следующих институциональных элементов:

1) методологии, позволяющей с высокой степенью вероятности отбирать инфраструктурные проекты, реализация которых на основе ГЧП будет более целесообразна в сравнении с государственными закупками;

2) высококвалифицированных государственных служащих, способных структурировать проекты наилучшим образом в целях обеспечения оптимального ценообразования и распределения рисков между сторонами;

3) разработанных стандартов, обеспечивающих объективную систему контроля и отчетности по проектам ГЧП на всех этапах их развития.

Заключение

Успешность достижения целей устойчивого развития во многом определяется наличием эффективно функционирующей инфраструктуры. В свою очередь её создание и качественное развитие может быть во многом обеспечено за счет применения механизмов ГЧП. При этом эффективность реализации проектов ГЧП предопределяется уровнем институционального развития соответствующей сферы и квалификацией государственных служащих, вовлеченных в соответствующие инфраструктурные проекты.

Список литературы

1. Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development (Addis Ababa Action Agenda). A/RES/69/313. [Electronic resource].

URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares69d313_en.pdf (date of access: 15.07.2020).

2. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 2 марта 2016 г. № 95-СФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.council.gov.ru/activity/documents/65224/> (дата обращения: 15.07.2020).

3. Guiding Principles on People-first Public-Private Partnerships in support of the United Nations Sustainable Development Goals. [Electronic resource]. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/ceci/ppp/Standards/ECE_CECI_2019_05-en.pdf (date of access: 15.07.2020).

4. Loxley J., Loxley S. Public Service, Private Profits. The Political Economy of Public-Private Partnerships in Canada. [Electronic resource]. URL: <https://fernwoodpublishing.ca/book/public-service-private-profits> (date of access: 16.07.2020).

5. Whitfield D. Global Auction of Public Assets: Public sector alternatives to the infrastructure market and Public Private Partnerships. Spokesman Books, Nottingham. 2010. 208 p.

6. Akitoby B., Hemming R., Schwartz G. Public Investment and Public-Private Partnerships. IMF, Economic Issue. 2007. № 40. P. 6–7.

7. Bain R. Review of Lessons from Completed PPP Projects Financed by the EIB. [Electronic resource]. URL: <http://www.robbain.com/Review%20of%20Lessons%20from%20Completed%20PPP%20Projects%20Financed%20by%20the%20EIB.pdf> (date of access: 16.07.2020).

8. Cavelti M.D., Suter M. Public-Private Partnerships are no silver bullet: An expanded governance model for Critical Infrastructure Protection. International Journal of Critical Infrastructure Protection. 2009. Vol. 4. № 2. P. 179–187.

9. Hall D. Why Public-Private Partnerships Don't Work: The many advantages of the public alternative. Public Services International Research Unit, University of Greenwich, UK. 2015. 27 p.

10. Romero M.J. What lies beneath? A critical assessment of PPPs and their impact on sustainable development, Eurodad. [Electronic resource]. URL: <http://www.eurodad.org/files/pdf/559da257b02ed.pdf> (date of access: 16.07.2020).

11. A Dangerous diversion: Will the IFC's flagship health PPP bankrupt Lesotho's Ministry of Health. [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/bn-dangerous-diversion-lesotho-health-ppp-070414-en.pdf> (date of access: 16.07.2020).

12. Evaluation of PPP projects financed by the EIB: Synthesis Report. [Electronic resource]. URL: http://www.eib.org/attachments/ev/ev_overview_report_2005_en.pdf (date of access: 16.07.2020).

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ

Новосельцева М.М.

Калужский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Калуга, e-mail: novoseltsevam@yandex.ru

В статье раскрывается понятие финансово-экономической грамотности личности и общества в целом. Говорится о том, что финансово-экономическая грамотность напрямую влияет на уровень жизни населения, поскольку является залогом стабильного и устойчивого развития. В статье обозначены программы в области финансовой и экономической грамотности на уровне Российской Федерации, региональном уровне и муниципальном. Приводятся примеры, касающиеся наиболее распространенных способов взаимодействия населения с финансово-экономической системой страны. Изучаются вопросы взаимодействия с банковской сферой (вклады, кредитование), юридические аспекты. Приводится аналитическая информация о финансовом мошенничестве. В статье показано влияние финансово-экономической грамотности личности на такой показатель экономической безопасности Российской Федерации, как удельный вес работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения. Делается вывод о том, что от общего уровня финансово-экономической грамотности населения страны во многом зависит ее экономическая безопасность и экономическое развитие. Недостаточный уровень знаний приводит к отрицательным последствиям не только для потребителей финансовых услуг, но и для государства, различных отраслей экономики, частного сектора и общества в целом. Поэтому разработка и внедрение программ по повышению финансово-экономической грамотности населения – важное направление государственной финансовой и экономической политики. Если каждая отдельная личность в обществе будет умело распоряжаться экономическими ресурсами и в целом финансово-экономически грамотна, то и все общество, а в перспективе и государство, будут экономически стабильными и в должной мере обеспеченными всеми благами.

Ключевые слова: финансово-экономическая грамотность, программы финансово-экономической грамотности, вклады, кредиты, экономическая безопасность, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, личность и общество, показатель экономической безопасности

STANDARDS OF LIVING OF POPULATION IN THE CONTEXT OF FINANCIAL AND ECONOMIC LITERACY

Novoseltseva M.M.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaluga Branch, Kaluga, e-mail: novoseltsevam@yandex.ru

The article reveals the concept of financial and economic literacy of the individual and society as a whole. It is said that financial and economic literacy directly affects the standard of living of the population, since it is the key to stable and sustainable development. The article refers to programs in the field of financial and economic literacy at the level of the Russian Federation, at the regional and municipal levels. Examples are given regarding the most common methods of interaction between the population and the financial and economic system of the country. The issues of interaction with the banking sector (deposits, lending), legal aspects are being studied. Analytical information on financial fraud is provided. The article shows the influence of financial and economic literacy of an individual on such an indicator of the economic security of the Russian Federation as the share of workers with wages below the cost of living of the able-bodied population. It is concluded that the economic security and economic development largely depend on the general level of financial and economic literacy of the country's population. An insufficient level of knowledge leads to negative consequences not only for consumers of financial services, but also for the state, various sectors of the economy, the private sector and society as a whole. Therefore, the development and implementation of programs to improve the financial and economic literacy of the population is an important area of state financial and economic policy. If each individual in society will be able to manage economic resources and generally financially and economically competent, then the whole society, and in the future, the state, will be economically stable and adequately provided with all the benefits.

Keywords: financial and economic literacy, financial and economic literacy programs, deposits, loans, economic security, the share of the population in incomes below the subsistence level, an individual and society, an indicator of economic security

В современном мире как никогда актуальны благополучие и безопасность личности, это связано со многими факторами: глобализация, в том числе и экономики, кризисные явления, появление новых технологий и информации, совершенствование платежной системы и другие. В связи с этим зачастую мы сталкиваемся с таким понятием, как финансово-экономическая

грамотность. Финансово-экономическая грамотность влияет на уровень жизни населения. Направления влияния и взаимосвязь с экономической безопасностью личности освещаются в данной статье.

Цель исследования: изучение влияния финансово-экономической грамотности личности на уровень жизни населения в системе экономической безопасности.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели автором были использованы информационно-аналитические материалы Росстата, данные, опубликованные в научной литературе и научной печати. Результаты проведенных исследований позволили выявить влияние финансово-экономической грамотности личности на такой показатель экономической безопасности Российской Федерации, как доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения.

Методами исследования послужили такие методы научного познания, как монографический, аналитический, расчетный.

Результаты исследования и их обсуждение

Для достижения результатов исследования, касающихся влияния финансово-экономической грамотности личности на уровень жизни населения в системе экономической безопасности, сформулируем сначала определение термина «финансово-экономическая грамотность».

Значение данного термина можно сформулировать следующим образом: финансово-экономическая грамотность – это знание и применение информации в области экономики и финансов, которое позволяет достоверно оценить ситуацию в мире финансов и экономики и в соответствии с этим принимать решения, которые несут или будут нести тот или иной экономический эффект (результат). И если рассматривать конкретнее, то можно утверждать следующее: если личность умеет правильно применять свои знания и умения в области экономики и финансов, то она может осмысленно управлять своими денежными ресурсами и принимать решения на основании того, каким образом и откуда осуществляется финансирование.

Данное определение охватывает не только финансовые вопросы, но и экономические. Действительно, движение финансовых ресурсов, с одной стороны, влияет на экономику, с другой – зависит от нее. Такая взаимосвязь и взаимозависимость проявляется и в инвестиционной, и в бюджетной, и в банковской сферах, затрагивает социально-экономические вопросы (например, нагрузка на бюджет и внебюджетные фонды, вызванная необходимостью поддерживать разные слои населения). Подробное обоснование данного определения приведено в этой статье.

Итак, что же необходимо для обеспечения финансово и экономически грамотной системы? Совокупность образовательных программ в сфере экономики и финансов,

а также возможности применить полученные знания.

На данный момент существуют различные проекты в этой сфере. В качестве основного можно отметить Программу Министерства финансов «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Целью Проекта является «повышение финансовой грамотности российских граждан (особенно учащихся школ и высших учебных заведений, а также взрослого населения с низким и средним уровнями доходов), содействие формированию у российских граждан разумного финансового поведения, обоснованных решений и ответственного отношения к личным финансам, повышение эффективности в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг» [1].

Другая программа Министерства финансов, представляющая собой онлайн-курс, – «Всероссийская неделя сбережений». Основная цель программы – содействие формированию у граждан разумного финансового поведения и ответственного отношения к личным финансам. И осуществляется она совместно с Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека [2].

В рамках реализации программы «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в городе Москве» Городской методический центр Департамента образования города Москвы проводит проект «Финансово-экономическая грамотность» [3]. Проект объединяет в себе серию мероприятий, направленных на повышение уровня финансово-экономической грамотности. Участие в проекте даёт учащимся отличную возможность расширить рамки изучаемых в школе предметов и раскрыть свой творческий потенциал. Как следует из названия программы, здесь охватываются и экономические вопросы.

Что касается нашего региона, то Правительство Калужской области реализует региональную программу «Повышение уровня финансовой грамотности населения Калужской области на 2019–2023 годы» (с изменениями на 10 января 2020 г.) [4]. Реализация такой программы является одной из сфер обеспечения экономической безопасности [5]. Калужская область вошла в число регионов с охватом школ около 40% и стала 5-й в рейтинге лидеров финансового онлайн-просвещения среди регионов Центрального федерального округа по числу прослушанных уроков в рамках Недели финансовой грамотности 2017 г. В весен-

ней сессии 2019 г. приняли участие 138 калужских школ, 10 суззов и 3 интернатных учреждения [6].

Вопросы, связанные с финансово-экономической грамотностью и экономической безопасностью, касаются всех слоев населения при осуществлении разной деятельности, в повседневности и т.д. Финансово-экономическая грамотность напрямую влияет на экономическую безопасность, поскольку является залогом стабильного и устойчивого развития.

Рассмотрим данные аспекты с разных сторон.

Например, вы владеете некоторой суммой денежных средств и находитесь перед выбором – куда их инвестировать. Существуют разные направления – это и банковские вклады, и инвестиционные фонды, и ценные бумаги, и инвестиционные счета и другие [7; 8]. Для большинства экономических субъектов наиболее понятными являются банковские вклады, но ставки по ним невысоки [9] (табл. 1).

Также значение имеет сам банк, логично выбирать стабильные и лидирующие банки.

Вы выбрали банк, начинаете читать условия по вкладам. Часто коммерческие банки предлагают сопутствующие услуги: открытие банковских карт, страхование, другие услуги. И выясняется, например, что декларируемая ставка действует только при наборе этих услуг, таким образом, человек стоит перед выбором – или довольствоваться малой ставкой, или соглашаться на дополнительные услуги, или выбирать другие инструменты. Более того, часто ставка по вкладам при открытии онлайн несколько выше, но люди не всегда готовы к такому открытию, привычнее бумажный договор. Хорошо это или плохо? Зависит от финансовой грамотности физического лица, поскольку надо изучить предлагаемые условия онлайн, правильно заполнить все поля, убедиться, что указаны реквизиты, и тому подобное.

Финансово-экономическая грамотность личности должна быть и в сфере кредитования. Слабая финансово-экономическая грамотность населения вызывает такое явление, как рост безнадёжных долгов, что в свою очередь вносит свой вклад в ослабление экономической безопасности страны [10, с. 523]. Также нахождение человека в состоянии должника и желание кредиторов вернуть денежные суммы может ввергнуть его в состояние стресса, а это уже вызывает необходимость решать не только экономические, но и социальные вопросы. Надо отметить взаимосвязь финансовых ресурсов физических и юридических лиц и в том случае, когда существует ИП, зарегистрированное на конкретного человека, то есть он сам себе является работодателем. Часто такие предприятия являются семейными, что повышает важность грамотного управления ресурсами [11, с. 774], поскольку экономическая деятельность зарегистрированного юридического лица прямо влияет на уровень жизни его основателя, то есть на уровень жизни конкретного человека, а также его семьи.

Например, человек принимает решение о том, как формируются его доходы – быть наемным работником или собственником бизнеса. Во внимание принимаются и суммы, ожидаемые в качестве доходов, и сам тип работы, и множество других факторов. Начиная бизнесмен вкладывает свои средства, предполагая получить отдачу на капитал. Одновременно он рискует. Многих привлекает самостоятельность при осуществлении бизнеса, но не все готовы принять неопределенность как черту рыночной экономики. У многих предпринимателей нет профильного образования в сфере их деятельности или факта изучения каких-либо курсов по тематике. Такие предприниматели идут в банк (или в другие структуры), просят кредит, а как возвращать его будут – неизвестно. Банки переводят ссуду в просроченную.

Таблица 1

Банковские вклады и процентные ставки на 17.04.2020

Банк	Название вклада	Эффективная ставка, %	Срок, дн.	Минимальная сумма, руб.
Восточный банк	Весенний с ИСЖ/НСЖ/ИИС	7,90–8,50	181–367	от 30 000
Тинькофф	СмартВклад для новых клиентов	5,50–6,00	91–730	от 50 000
Сбербанк	Сохраняй Онлайн	2,70–4,50	30–1095	от 1 000
Московский индустриальный банк	Вклад в будущее	7,75–8,00	365	от 100 000
ВТБ	Накопительный счет «Копилка» (с опцией сбережения)	5,50–7,00	от 30	1–1 499 999

Потом эти «предприниматели» становятся безработными, регистрируются в центрах занятости населения и т.д., что ослабляет экономику. Коммерческие банки при такой ситуации вынуждены увеличивать резервы по ссудам, по ссудной и приравненной к ней задолженности, а могли бы направить зарезервированные средства на инвестиции в экономику, как известно, рост инвестиций укрепляет экономическую безопасность.

При ситуации безграмотности вопросы о том, как правильно распорядиться финансовыми ресурсами, становятся особенно актуальными. Людям не хватает средств для жизни, они вынуждены прибегать к финансовым посредникам – обращаются за кредитами, например, сами не понимая, потянут ли они бремя займа. Дело не в том, что сами по себе кредиты – понятие непростое, а в экономической безграмотности населения и последствиях. Невыплаты по кредитам оборачиваются для всей экономики тем, что и уровень жизни общества ухудшается, а финансовая система претерпевает неплатежи по кредитам физических лиц. Это влияет на финансовые вливания в экономику, то есть на финансирование различных сфер экономики по всей стране.

Население часто берёт кредиты, не задумываясь, как будет их обслуживать, руководствуясь своими мимолётными целями и желаниями. Люди делают это, особо не вникая в условия кредитования, что зачастую отправляет их в финансовую яму, из которой им часто не удаётся выбраться. В связи с этим встаёт вопрос о пропаганде экономической грамотности населения, а также введении финансового этикета у кредитных организаций.

Финансово-экономическая грамотность населения и тщательное взвешивание всех за и против при обращении за кредитом поможет населению более грамотно рассчитывать свои силы и финансовые возможности, что в будущем позволит избежать проблем с кредитными организациями. Также знание некоторых моментов при кредитовании поможет избежать лишних навязываемых услуг и лишних трат.

В свою очередь, финансовый этикет позволит кредитным организациям снизить долю невозвратных долгов благодаря более тщательному разъяснению всех условий кредитования, а также объяснению клиентам, что такое кредит, какую нагрузку он создаст на бюджет семьи и какие риски повлечет. При таком подходе также повысится уровень доверия населения к данной кредитной организации.

Ещё одним моментом являются действия, которые совершают граждане по при-

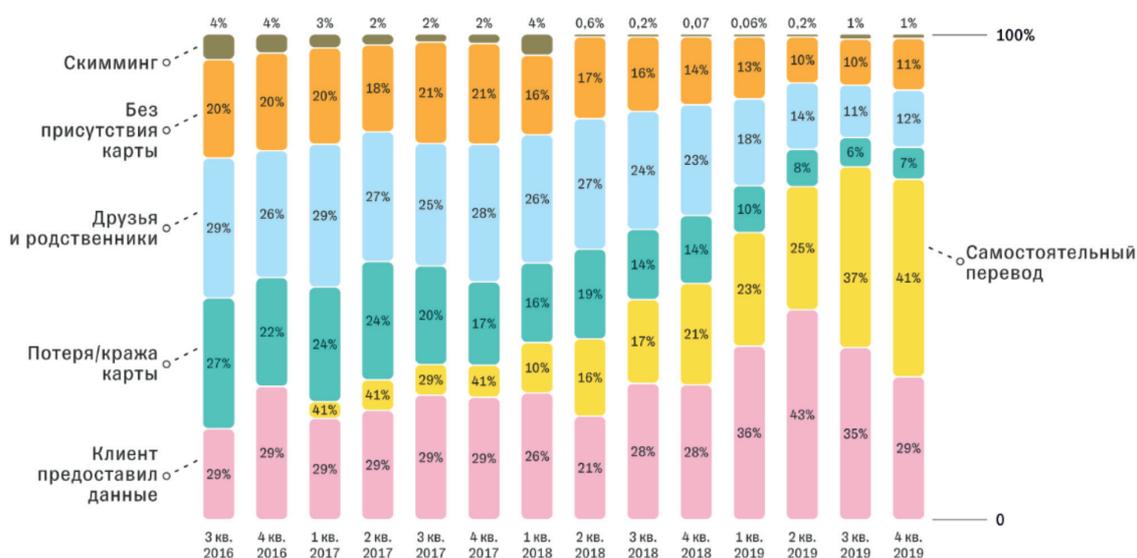
чине своей финансово-экономической безграмотности, – это добровольная отдача своих средств мошенникам под видом финансовых пирамид, звонков из «банка», всевозможных кредитов и займов, создание различных фондов и прочее.

Предположим, вы открыли вклад, надёжно ли защищены электронные системы? При совершении операций обязательно высылаются смс-сообщения, которые подтверждают операцию. Службы безопасности банков сами не звонят, любые подобные звонки – действия мошенников, которые стремятся узнать информацию. Поэтому нельзя ничего сообщать, никаких данных, а при необходимости надо обратиться в банк самому. Для уменьшения вероятности попадания на уловки мошенников рекомендуется поставить на телефоне специальные приложения – определители номеров, которые могут из своей базы подсказать, является ли номер мошенническим или нет. Это повышает финансовую грамотность и экономическую безопасность.

Поскольку прогресс не стоит на месте, то и методы незаконного или околозаконного извлечения средств со счетов и из кошельков граждан всё более совершенствуются. Часто люди добровольно, сами того не подозревая, отдают свои средства злоумышленникам. Подробное исследование мошеннических действий проведено аналитиками компании Тинькофф: «Доля мошенничества с использованием социальной инженерии в 2019 г. составила около 70% от всех случаев фрода с реальными потерями клиентов. Под социальной инженерией в данном случае подразумеваются сценарии, когда клиент осуществляет перевод мошенникам самостоятельно или предоставляет им платежные данные по своей воле» [12].

Поэтому экономическая грамотность и здесь необходима, она позволит снизить риски для личности и общества в целом. Нужно разъяснять населению, что можно делать, а что нежелательно. Классифицировать и создать шаблоны, по которым можно будет вычислить поведение, похожее на мошенническое.

Юридическая грамотность также является составляющей финансово-экономической грамотности, поскольку знание не только своих прав и обязанностей, но и некоторых юридических тонкостей поможет избежать финансовых проблем. Эти знания должны включать знания о самих документах, а также о том, для чего они предназначены. Если содержится что-то непонятное в документе, нужно обращаться за разъяснениями к сотрудникам-специалистам или консультироваться у юриста.

Динамика по типам фрода в 2016–2019 гг.

Таблица 2

Удельный вес численности работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации

	Млн человек	В % от общей численности населения
2018 г.		
I квартал	20,4	13,9
II квартал	18,3	12,5
I полугодие	19,6	13,3
III квартал	18,3	12,5
Январь–сентябрь	19,1	13,0
IV квартал	14,5	9,9
Год	18,4	12,6
2019 г.		
I квартал	20,9	14,3
II квартал	18,6	12,7
I полугодие	19,8	13,5

Для оценки взаимосвязи понятий финансовой и экономической грамотности с экономической безопасностью проанализируем Указ Президента Российской Федерации № 208 от 13 мая 2017 г. «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и обозначенный в нем перечень показателей состояния экономической безопасности (п. 27 Указа) [13]. В данном случае нас интересует 39-й показатель: удельный вес численности работников с заработной платой

ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения [14].

Официальная информация Федеральной службы государственной статистики доступна пока только за полугодие 2019 г. (табл. 2) [15]. Показатель рассчитан с использованием величины среднедушевого денежного дохода, определенной в соответствии с Методологическими положениями по расчету показателей денежных доходов и расходов населения (приказ № 465 от 02.07.2014 с изменениями

№ 680 от 20.11.2018); используются предварительные данные. Более точная оценка будет получена по итогам года.

Как показывает таблица, во втором квартале 2019 г. доходами ниже прожиточного минимума располагало 18,6 млн человек, или 12,7% населения страны. При расчете использовалась установленная приказом Минтруда России величина прожиточного минимума во втором квартале 2019 г. – 11 185 руб.

Росстат зафиксировал увеличение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума по сравнению со вторым кварталом 2018 г. (тогда он составлял 12,5%).

Что касается самой величины прожиточного минимума, то с 1 января 2020 г. прожиточный минимум трудоспособного населения, например в Калужской области, составляет 11 980 руб., это ниже федерального минимального уровня 12 130 руб. Соответственно, МРОТ в Калужской области для всех организаций равен 12 130 рублей. В целом с учетом инфляции такое увеличение МРОТ незначительно [16]. То есть при оценке динамики доли населения с доходами ниже прожиточного минимума надо принимать во внимание и увеличение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, и саму по себе невысокую величину прожиточного минимума.

Между тем Кузнецова Е.И. подчеркивает, что высокий уровень доходов на душу населения – один из показателей экономической безопасности личности [17].

Стоит отметить, что от общего уровня финансово-экономической грамотности населения страны во многом зависит ее экономическая безопасность и экономическое развитие. Недостаточный уровень знаний приводит к отрицательным последствиям не только для потребителей финансовых услуг, но и для государства, различных отраслей экономики, частного сектора и общества в целом. Поэтому разработка и внедрение программ по повышению финансово-экономической грамотности населения – важное направление государственной финансовой и экономической политики.

Заключение

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что если каждая отдельная личность в обществе будет умело распоряжаться экономическими ресурсами и в целом финансово-экономически грамотна, то и все

общество, а в перспективе и государство, будут экономически стабильными и в должной мере обеспеченными всеми благами.

Список литературы

1. Министерство Финансов России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/> (дата обращения: 09.07.2020).
2. Проект Министерства финансов Российской Федерации «Всероссийская неделя сбережений». [Электронный ресурс]. URL: <https://vashifinancy.ru/week/about/> (дата обращения: 02.07.2020).
3. Городской методический центр города Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <https://mosmetod.ru/centr/proekty/finansovo-ekonomicheskaya-gramotnost-2016/finansovo-ekonomicheskaya-gramotnost-2016.html> (дата обращения: 30.06.2020).
4. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550312742> (дата обращения: 30.06.2020).
5. Лесина Т.В. Анохина Л.В. Обеспечение экономической безопасности региона. Курс на финансовую грамотность. // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. 2017. № 9. С. 26–30.
6. Официальный сайт городской управы города Калуги. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaluga-gov.ru> (дата обращения: 30.06.2020).
7. Чупрунов П.А., Новосельцева М.М. Перспективы инвестирования на современных рынках // Экономические исследования и разработки. 2019. № 12. С. 79–85.
8. Новосельцева М.М. Поддержка занятости населения в Российской Федерации как фактор экономической безопасности // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 5. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41311912_96788918.pdf (дата обращения: 17.07.2020).
9. Banki.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.banki.ru/products/deposits/?source=main_menu_deposits (дата обращения: 17.07.2020).
10. Новосельцева М.М. Реализация кредитной политики коммерческими банками // Финансовая экономика. 2019. № 2. С. 522–525.
11. Новосельцева М.М. Поддержка семейного бизнеса в системе экономической безопасности // Экономика и предпринимательство. 2019. № 8 (109). С. 774–778.
12. Тинькофф. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tinkoff.ru/invest/news/354808/> (дата обращения: 02.07.2020).
13. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Указ Президента Российской Федерации № 208 от 13 мая 2017 года «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и Перечень показателей состояния экономической безопасности. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/ukaz-208.pdf> (дата обращения: 17.07.2020).
14. Федеральная служба государственной статистики. Информация для анализа показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/besopasn/pokbesopasn.htm (дата обращения: 17.07.2020).
15. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/166.htm (дата обращения: 16.07.2020).
16. Ежедневная профессиональная газета Учет.Налого.Право. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta-imp.ru/articles/52140-mrot-v-kaluzjskoj-oblasti-s-1-yanvarya-2020-goda> (дата обращения: 07.07.2020).
17. Кузнецова Е.И. Экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов. М.: Изд. Юрайт, 2020. 294 с.

УДК 336.711:336.719

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ
В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА****¹Урунов А.А., ¹Левина Л.Ф., ²Юсупова М.Р.**¹ФГБОУ «Государственный университет управления», Москва,
e-mail: urunov@rambler.ru, levinalarisa@yandex.ru;²Худжандский политехнический институт Таджикского технического университета
имени академика М.С. Осими, Худжанд, e-mail: manijka_09@mail.ru

В статье рассматриваются основные направления развития конкуренции в банковском секторе финансового рынка. Целью статьи является теоретическое обоснование формирования конкурентной среды на финансовом рынке и анализ развития банковских продуктов Республики Таджикистан. Произведен анализ трех основных задач по формированию конкурентной среды в банковском секторе. Выявлено наличие факторов «X-неэффективности», имеющих как внутреннюю природу, так и природу, вызванную нерыночными действиями институциональной среды. Определена экономическая структура банковского сектора, определена важнейшая роль потребителя банковских услуг, формирующая объем пассивных и активных операций банка. Проиллюстрирована на основе графического анализа необходимость стимулирования спроса на банковские услуги. С целью стимулирования спроса проведен анализ банковских продуктов Республики Таджикистан. В частности, рассмотрен общий объем депозитов, депозитный сегмент по видам кредитных организаций, в разрезе клиентских отношений. Проанализированы кредиты банковской системы по видам собственности, по видам кредитных организаций, динамика банковских счетов, денежных переводов. Сделан вывод по результатам анализа о необходимости роста их конкурентных преимуществ. Результаты исследования могут служить основой для разработки стратегических планов развития банковских продуктов и создания благоприятных условий развития конкуренции хозяйствующих субъектов, а также для разработки более совершенных механизмов рыночной экономики на финансовом рынке.

Ключевые слова: финансовый рынок, конкуренция, конкурентная среда, банковский продукт, услуги, депозитный сегмент, кредитный сегмент, денежные переводы

**THE FORMATION OF COMPETITIVE ADVANTAGES IN THE BANKING
SECTOR OF THE FINANCIAL MARKET****¹Urunov A.A., ¹Levina L.F., ²Yusupova M.P.**¹State University of Management, Moscow, e-mail: urunov@rambler.ru, levinalarisa@yandex.ru;²Khujand Polytechnic Institute of Tajik Technical University named after academician M.S. Osimi,
Khujand, e-mail: manijka_09@mail.ru

The article considers the main directions of competition development in the banking sector of the financial market. The purpose of the article is a theoretical justification of the formation of a competitive environment in the financial market and the analysis of the development of banking products in the Republic of Tajikistan. The analysis of three main tasks for the formation of a competitive environment in the banking sector is made. The presence of factors of «X-inefficiency», having both an internal nature and caused by non-market actions of the institutional environment, is revealed. The economic structure of the banking sector is defined, the most important role of the consumer of banking services is defined, which forms the volume of passive and active operations of the Bank. The need to stimulate demand for banking services is illustrated on the basis of graphical analysis. In order to stimulate demand, the analysis of banking products of the Republic of Tajikistan was carried out. In particular, the total volume of deposits, the Deposit segment by type of credit institutions, in the context of customer relations, is considered. The Bank system's loans by type of ownership, by type of credit organizations, dynamics of Bank accounts and money transfers are analyzed. The conclusion is made based on the results of the analysis about the need to increase their competitive advantages. The results of the research can serve as a basis for developing strategic plans for the development of banking products and creating favorable conditions for the development of competition among economic entities, as well as for developing better mechanisms of the market economy in the financial market.

Keywords: financial market, competition, competitive environment, banking product, services, deposit segment, credit segment, money transfers

Конкуренция является одним из основных факторов развития экономических систем, основанных на рыночных принципах, в том числе и финансового рынка как неотъемлемой их составляющей. Она стимулирует хозяйствующих субъектов к внедрению инновационных бизнес-моделей, созданию и применению новых, основанных на использовании цифровых технологий, экономических стратегий и в итоге

к более полному удовлетворению потребностей домашних хозяйств. В основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации, разработанных Банком России на период 2019–2021 гг. выделены следующие задачи: а) формирование доверительной среды; б) развитие конкуренции на финансовом рынке; в) поддержание финансовой стабильности; г) обеспечение доступности финансовых

услуг и капитала. Как мы видим, развитию конкуренции регулятор придает ключевую роль, представив ее как одну из четырех важных задач, без решения которых развитие финансового рынка невозможно.

Целью статьи является теоретическое обоснование формирования конкурентных преимуществ на финансовом рынке и анализ развития банковских продуктов Республики Таджикистан. В общетеоретическом смысле конкуренция в этой сфере представляет собой соперничество между поставщиками финансовых услуг за потребителя. Выделяя конкуренцию как одну из четырех важных задач, центральные банки стран ставят своей задачей обеспечить формирование на рынке такой среды, в которой потребители обладают и имеют возможность влиять своим выбором на конъюнктуру финансового рынка, а поставщики услуг приобретают преимущество в конкурентной борьбе, предлагая потребителям оптимальные решения по размещению или займу финансовых ресурсов на основе рыночных конкурентных преимуществ, которыми обладает конкретный поставщик этих финансовых услуг.

Чтобы добиться результатов увеличения спроса необходимо проанализировать само понятие объекта купли-продажи на рынке банковских услуг, т.е. банковского продукта. Мнение целого ряда постсоветских исследователей объединяет выстраивание ими иерархической взаимосвязи между банковскими операциями, услугами и продуктами. В этой иерархии банковский продукт рассматривается как конечный результат комплекса взаимосвязанных банковских услуг и различных банковских операций, выполняемых при предоставлении соответствующей услуги по удовлетворению потребностей клиентов в разнообразных видах банковской деятельности посредством единой и завершенной технологии их обслуживания [1, с. 25–26].

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования являются принципы системно-комплексного, детерминированного и казуального подходов, анализа и синтеза в комплексе с принципом динамичности. В качестве материала исследования используются статистические данные банковской системы Республики Таджикистан.

В двухуровневой банковской системе Таджикистана Национальный банк страны, являясь эмиссионным и резервным банком, представляет ее первый уровень, а второй уровень представлен коммерческими бан-

ками, микрофинансовыми и небанковскими кредитными организациями.

Сегодня в Республике Таджикистан функционируют и ведут свою деятельность 79 кредитных организаций, из них 17 банков; 25 микрокредитных депозитных организаций; 6 микрокредитных организаций и 31 микрокредитных фондов [2].

Результаты исследования и их обсуждение

В качестве направлений достижения поставленной задачи по развитию конкурентной среды на финансовых рынках в нашем исследовании рассматриваются три следующих ориентира. Рассмотрим их по отдельности. В первом случае речь идет об усилении роли потребителей, которым предоставляется возможность выбора услуг различных финансовых агентов и которые своим выбором формируют характер и особенности предложения, а также объем пассивных и активных операций финансовых институтов и в итоге их прибыль. Таким образом, реализуется основной принцип рыночных отношений «голосование потребителей деньгами», в итоге борьба за потребителей становится движущей силой конкурентной борьбы. Второй ориентир развития конкуренции имеет институциональный характер и представляет собой ослабление влияния институтов, имеющих нерыночную природу на действия коммерческих банков, поскольку это приводит к затуханию конкурентной борьбы и соперничества. Результаты конкурентной борьбы должны иметь рыночную основу и побуждать участников рынка к дальнейшему соперничеству. Если же существуют привилегии или особые условия для отдельных участников, то формируется ощущение несправедливости и бесперспективности конкуренции, снижается стимулы к ведению и развитию бизнеса как у отдельного поставщика финансовых услуг, так и в целом на рынке. Данное явление исследовал американский экономист Харви Лейбенштейн в 1960-х гг. [3]. Он назвал его «Х-неэффективностью» экономического развития фирмы. Одной из причин появления «Х-неэффективности» является недостаточность конкуренции и состязательности на рынке, что приводит к увеличению издержек и «расслаблению» внутри фирмы, поскольку именно конкуренция побуждает к выявлению стратегий, минимизирующих их экономические издержки. Х-неэффективность данного вида является следствием неконкурентного институционального окружения предприятия, вмешательства государства в рыночный

механизм, выплат, льгот и преимуществ, предоставляемых отдельным фирмам. В итоге у этих фирм формируется неоптимальный экономический рост, а фирмы, не имеющие преференций, вынуждены покинуть данный рынок. Третий ориентир, предлагаемый Банком России, – это гибкое регулирование деятельности банков, стимулирующее появление и развитие новых финансовых технологий и не препятствующее равноправному, позитивному изменению рынка, при котором мелкие компании имеют беспрепятственный доступ к аутсорсингу и цифровым платформам и не сталкиваются с различного рода барьерами, препятствующими их деятельности. Целевые ориентиры должны способствовать развитию конкурентной среды на финансовом рынке и формировать продуктивные практики конкуренции. Актуальность развития конкурентной среды диктуется современным состоянием финансового рынка, которое может характеризоваться как олигополия нескольких крупных банков и ее конкурентное окружение банками среднего и малого бизнеса [4].

Основные модели увеличения рыночного спроса, в том числе и на банковские продукты, представлены на рис. 1, а–в, где по вертикальной оси указывается цена банковского продукта в денежных единицах, а по горизонтальной оси – объем спроса на данный продукт. На рис. 1, а представлена ситуация снижения эластичности спроса на банковский продукт. Это соответствует росту привлекательности банковского продукта для покупателей и увеличению его конкурентных преимуществ. Наличие конкурентных преимуществ может иметь разнообразные формы: репутация банка и его рейтинг, величина уставного капитала, соотношение активов и пассивов, наличие генеральной или валютной лицензии, наличие филиалов в данном и других регионах, профессиональный менеджмент, широкий спектр оказываемых услуг.

В этом случае для увеличения выручки целесообразно увеличить цену данного продукта от p_2 до p_1 . На рис. 1, б проиллюстрирована ситуация расширения рынка продаж, график спроса смещается параллельно самому себе вправо. В этом случае возможно как увеличение цены при прежнем объеме продаж, так и увеличение объема продаж при неизменной цене. И в том, и в другом случае мы получим увеличение выручки. Но более предпочтительным является второй вариант, поскольку фирма увеличивает свою долю рынка. На рис. 1, в изображен агрегированный вариант роста спроса: растет и объем продаж и снижается

эластичность спроса. В этом случае можно комбинировать ценовую стратегию в зависимости от обстоятельств [5].

Анализ рынка банковских продуктов Республики Таджикистан показывает, что доминирующая роль среди кредитных организаций принадлежит банкам. Хотя банковские услуги, оказываемые совокупностью микрофинансовых организаций, среди которых различают микродепозитные, микрозаемные организации, микрофинансовые фонды и кредитные союзы, занимают незначительную долю рынка, вместе с тем наблюдается тенденция увеличения их доли на финансовом рынке за счет увеличения привлекаемых активов [6].

Депозитный сегмент рынка банковских услуг Таджикистана является волатильным. Так, объемы депозитов, привлеченные кредитными организациями за период с 2015 по 2018 г., выросли на 12,89%, с 8613529 тыс. сомони в 2015 г. до 9723803 тыс. сомони в 2018 г. При этом доминирующую роль на рынке депозитных банковских продуктов и услуг за рассматриваемый период играют банки (более 92%). Так, объемы мобилизованных банками депозитов выросли с 8 172 388 тыс. сомони в 2015 г. до 9 041 140 тыс. сомони в 2018 г., или же на 10,63%. На момент написания статьи курс таджикской валюты по отношению к доллару США составил 10,30 сомони за 1 долл.

В динамике наблюдаются тенденции роста абсолютных объемов привлечений депозитов микрофинансовыми организациями, так и повышения их доли – с 5,12% в 2015 г. до 7,1% в 2018 г. (+ 1,9%).

Анализ динамики развития депозитного рынка, сосредоточенного банками за 2015–2018 гг. в разрезе его основных клиентских сегментов, включая корпоративный и население, показывает, что депозитные услуги для физических лиц сокращаются (рис. 2).

За рассматриваемый период наблюдается снижение абсолютных размеров депозитов физических лиц – с 5,1115 млрд в 2015 г. до 4,1079 млрд сомони в 2018 г., или же на 20%. Наблюдается рост абсолютных размеров депозитов юридических лиц – с 3,061 млрд в 2015 г. до 4,933 млрд сомони в 2018 г., или же рост на 61%. Высокие темпы роста привлечения депозитов от юридических лиц стали причиной повышения их доли в общем объеме привлечений – с 37,45% в 2015 г. до 54,56% в 2018 г., или на (+17,11%), и соответственного снижения доли привлечения депозитов от населения. Динамику выдачи кредитных продуктов в банковской системе по видам собственности рассмотрим в табл. 1.

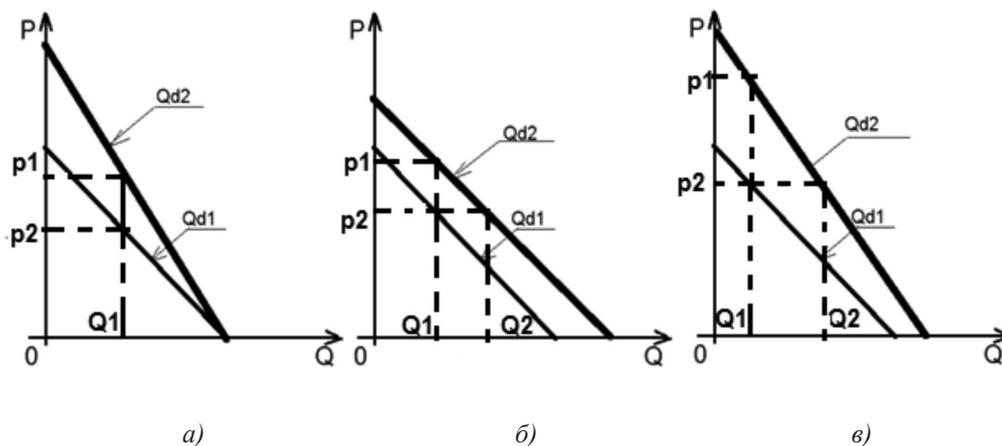

Рис. 1. Графическая интерпретация основных моделей роста спроса на банковские продукты

Рис. 2. Основной сегмент депозитного рынка в разрезе его клиентских отношений за период 2015–2018 гг. (в тыс. сомони). Источник: [2]

Таблица 1

Кредиты банковской системы по видам собственности за период 2015–2018 гг. (в тыс. сомони). Составлено авторами на основе [2]

Наименование	Года				Изменения 2018–2015	
	2015	2016	2017	2018	Абсолют. +/-	Относит. %
Государственные предприятия	1 626 028	1 669 850	2 182 565	2 168 176	542 148	33,34
Частные предприятия	4 981 871	4 027 374	2 672 592	2 609 952	-2 371 919	-47,61
Частным лицам	1 858 906	1 665 351	1 577 713	1 827 418	-31 488	-1,69
Лизинг	5 654	6 369	2 068	2 812	-2 842	-50,26
Ипотека	166 052	167 709	185 829	209 132	43 080	25,94
Овердрафт	102 534	271 854	141 845	108 642	6 108	5,95
Предпринимателям	2 595 942	2 095 205	1 836 452	1 814 563	-781 379	-30,10
Прочие	4 673	26 338	9 016	666	-4 007	-85,74

Из данных табл. 1 видно, что объем кредитов, выданных кредитными организациями государственным предприятиям в 2018 г., увеличился на 542148 тыс. сомони (33,34%) по сравнению с 2015 г., чего нельзя сказать о частных предприятиях. Объем кредитов, выданных частным предприятиям за 2015–2018 гг., сократился на 2371919 тыс. сомони

или же на 47%. Это вызывает серьезную тревогу и в определенной степени свидетельствует о неадекватности выбранной экономической политики правительства республики. Также в динамике наблюдается уменьшение объемов выдачи кредитов частным лицам на 1,7%. Объем лизинга также имеет тенденцию к уменьшению.

Таблица 2

Денежные переводы в Республику Таджикистан из-за рубежа за период 2015–2018 гг. (млрд долл.). Составлено авторами на основе Статистического банковского бюллетеня [2]

Показатели	Годы				Изменения 2018–2015	
	2015	2016	2017	2018	Абсолют.	Относит. %
Денежные переводы	2, 259	2, 160	2, 035	1, 986	-273	-12,1

За рассматриваемый период объем лизингового кредитования сократился на 50%. Тенденцию к увеличению можно увидеть в объеме выдачи ипотечного кредита, который с 166052 тыс. сомони в 2015 г. увеличился на 209132 тыс. сомони в 2018 г. или же на 25,94%, что можно обусловить предоставлением банками ипотечных продуктов на выгодных условиях. Увеличился также объем овердрафта на 5,95%, что можно характеризовать увеличением спроса на краткосрочный банковский кредитный продукт. Тенденцию к уменьшению можно увидеть в объемах кредитования предпринимателей на 30,1% и в других прочих видах кредитов на 85,74%. Если учесть, с одной стороны, тот факт, что последние 5 лет республику покидают крупные предприниматели, о чем свидетельствует уменьшение количества предприятий, а с другой, уменьшение объемов выдачи кредитов бизнесу до 30%, то это явление в большей степени сигнализирует о низком уровне инвестиционного климата страны и нездоровой конкуренции.

Кроме того, объемы кредитов, выданных в экономике всеми кредитными организациями за рассматриваемый период, сократились на 23% с 11,3416 млрд сомони в 2015 г. до 8,7413 млрд сомони в 2018 г. Доминирующая роль на рынке кредитных услуг за рассматриваемый период остается за банками, несмотря на падение их доли (-6,34%). Объемы выданных банками кредитов сократились на 28%.

Теперь рассмотрим денежные переводы в страну, так как они являются главным фактором стабилизации экономики. Из табл. 2 видно, что сумма денежных переводов в 2018 г. по сравнению с 2015 г. сократилась на 273 млрд долл. или на 12,1%.

Практика показывает, что рынок денежных переводов относится к одному из источников доходов домашних хозяйств. Ранее исследованием установлено, что в сфере сберегательного поведения домохозяйств в Республике Таджикистан в среднем 57% денежных переводов тратятся на неотложные нужды, 12% денежных переводов уходят на краткосрочные сбережения (на срок до 6 месяцев), а 11% переводов на сбережения на срок более 6 месяцев (долгосроч-

ные сбережения) [7]. В целом, как показало наше исследование, в среднем из денежных переводов сбережения составляют 23%. К сожалению, 98% семей Таджикистана их хранят вне банковской сферы.

Заключение

Отметим новизну и практические рекомендации исследования.

1. На современном этапе развития финансового рынка страны наличие конкурентных преимуществ может иметь следующие формы: репутация банка и его рейтинг, величина уставного капитала, соотношение активов и пассивов, наличие генеральной или валютной лицензии, наличие филиалов в данном и других регионах, профессиональный менеджмент, а также широкий спектр оказываемых услуг. На основе анализа структуры банковского сегмента финансового рынка сделан вывод о том, что в зависимости от конкурентных преимуществ банковского продукта и эластичности спроса на этот продукт банк приобретает возможность увеличивать свою долю на рынке, а также использовать ценовые стратегии, максимизирующие прибыль, выручку и в итоге повышающие финансовую устойчивость банка.

2. Анализ банковского сектора Республики Таджикистан показал, что в целом в динамике (2015–2018 гг.) рост объемов депозитов позволил не только увеличить ресурсную базу банков, но и обеспечить рост выдачи кредитов экономике за счет внутренних сбережений, создав тем самым широкую базу для поддержания высоких темпов экономического роста как со стороны предложения, так и со стороны спроса. Анализ выданных кредитов по видам кредитных организаций свидетельствует о том, что и кредитный сегмент рынка банковских продуктов и услуг страны является волатильным, однако положительным является увеличение количества счетов физических и юридических лиц.

3. В среднесрочной перспективе стратегической задачей банковского сектора страны с целью формирования конкурентных преимуществ является поиск соответствующих стратегий, привлекающих финансовые ресурсы в банки и МФО (так как пре-

обладающая доля населения Таджикистана не хранит свои сбережения в банках), посредством создания новых банковских продуктов и финансовых инструментов.

Список литературы

1. Тавасиев А.М. Банковское дело. Управление и технологии. М.: ЮНИТИ, 2012. 664 с.
2. Банковский статистический бюллетень. Официальное издание 2018 года. № 10 (219). [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbt.tj/upload/iblock/7eb/december_2018.pdf/ (дата обращения: 14.07.2020).
3. Розанова Н.М. Теория отраслевых рынков: учеб. пособие для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 795 с.

4. Юсупова Г.А. Процентные ставки в условиях инфляции при оценке эффективности инвестиционных проектов // Вестник Бохтарского государственного университета им. Носира Хусрава. Серия гуманитарных и экономических наук. 2019. № 1–2. С. 205–208.

5. Юсупова Г.А. Роль оценки денежных потоков в реализации инвестиционных проектов // Научные горизонты. 2019. № 5 (21). С. 392–398.

6. Урунов А.А., Косимова М.Х. Особенности и факторы, влияющие на эффективность рекламной деятельности и рейтинг телекомпаний Согдийской области Республики Таджикистан // Управление. 2020. Т. 8. № 1. С. 124–133.

7. Авезов А.Х. Стратегические ориентиры устойчивого развития региона: анализ ситуации и формирование системы показателей // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2015. № 1 (62). С. 18–30.

УДК 334:658.11

АРХИТЕКТУРА И КЛАССИФИКАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ УНИВЕРСИТЕТА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

**Ускенбаева Р.К., Молдагулова А.Н., Сатыбалдиева Р.Ж.,
Касымова А.Б., Кальпеева Ж.Б.**

*Международный университет информационных технологий, Алматы,
e-mail: ruskenbayeva@edu.iitu.kz, a.moldagulova@edu.iitu.kz,
r.satybaldiyeva@edu.iitu.kz, a.kasymova@edu.iitu.kz, zh.kalpeyeva@edu.iitu.kz*

Организации, становясь все более ориентированными на процессы, разрабатывают архитектуру процессов на основе ряда моделей бизнес-процессов, которые представляют собой сложную систему взаимодействующих субъектов. Организации могут попытаться повысить свою эффективность или результативность путем выявления и моделирования своих наиболее важных бизнес-процессов, а затем использовать эти модели в качестве основы для повторной разработки этих процессов. Современный университет перестает быть зависимым от госбюджета, по крайней мере такие задачи ставятся перед ним, что требует пересмотра и трансформации всех уровней процессов вуза. Для повышения эффективности бизнес-процессов в высшем образовании необходима трансформация от традиционных услуг к более широким современным сервисам административного партнерства. Основные процессы типовой архитектуры вуза состоят из исследования, обучения и непрерывного образования. В работе предложена архитектура бизнес-процессов высшего учебного заведения, основанная на модели административного партнерства. При проектировании архитектуры были выделены следующие основные бизнес-процессы, где непосредственно присутствует научно-исследовательская составляющая: исследование и передача, обучение и преподавание, вовлечение общества и промышленность, коммерческая деятельность. В работе была предложена классификация процессов научной деятельности университета.

Ключевые слова: образование, исследование, университет, бизнес-процесс, архитектура бизнес-процессов, классификация бизнес-процессов, модель бизнес-процессов, бизнес-процесс университета

ARCHITECTURE AND CLASSIFICATION OF UNIVERSITY BUSINESS PROCESSES IN THE NEW CONDITIONS

**Uskenbayeva R.K., Moldagulova A.N., Satybaldiyeva R.Zh.,
Kasymova A.B., Kalpeeva Zh.B.**

*International Information Technology University «IITU», Алматы,
e-mail: ruskenbayeva@edu.iitu.kz, a.moldagulova@edu.iitu.kz,
r.satybaldiyeva@edu.iitu.kz, a.kasymova@edu.iitu.kz, zh.kalpeyeva@edu.iitu.kz*

The organisations, becoming more and more focused on processes, develop architecture of processes on the basis of some models of business processes which represent difficult system of co-operating subjects. The organisations can try to raise the efficiency or productivity by revealing and modelling of the most important business processes, and then to use these models as a basis for repeated working out of these processes. The modern university ceases to be dependent on the state budget, at least such tasks are put before it that demands revision and transformation of all levels of processes of higher education institution. To increase the efficiency of business processes in higher education, transformation from traditional services to broader modern services of administrative partnership is needed. The main processes of a typical university architecture consist of research, teaching and continuing education. The paper suggests the architecture of business processes in higher education, based on the model of administrative partnership. At designing of architecture, the following main business processes were identified, where the research component is directly present: research and transfer, training and teaching, community and industry involvement, commercial activities. The classification of processes of scientific activity of the university was proposed in the work.

Keywords: education, research, university, business process, business process architecture, business process classification, business process model

Моделирование бизнес-процессов является актуальной темой, так как в организациях руководителям важно донести до работников, какие именно функции они должны выполнять. Работники же в свою очередь должны понимать, чего от них хотят. Моделирование помогает показать все процессы, происходящие в организации, а вкупе с различными возможностями, например имитационным моделированием,

и увеличить эффективность этих процессов путем сокращения затрат (как временных, так и материальных) при сохранении качества.

Для многих университетов существующие бизнес-модели являются неустойчивыми, и руководители признают необходимость оптимизации процессов. Для повышения эффективности бизнес-процессов в высшем образовании необходим

переход от традиционных услуг к более широким сервисам административного партнерства. Многие университеты и колледжи переосмысливают административные услуги по ряду причин, включая бюджет, кадровые и регуляторные проблемы, потребности и ожидания заинтересованных сторон, а также эффективное использование технологий и других ресурсов. В этой связи компания Deloitte предлагает оригинальное решение [1], представляющее собой целостную специализированную модель, адаптированную к бизнес-процессам каждого отдельно взятого образовательного учреждения. Эта структура, которая называется модель административного партнерства (АРМ – Administrative Partnership Model), предназначена для совершенствования административного функционирования через специализированную модель, разработанную для институциональных заинтересованных сторон. Подход АРМ более полно учитывает потребности центральных административных органов и локальных высших

учебных заведений и их подразделений. Результатом является гибкая, устойчивая, экономически эффективная АРМ-модель, полностью адаптированная для всего учреждения, что позволяет всем подразделениям использовать свои преимущества.

Цель исследования заключалась в классификации процессов научной деятельности университета и разработке архитектуры бизнес-процессов высшего учебного заведения, основанная на модели административного партнерства

Обзор современного состояния проблемы

Успех любого бизнеса определяется бизнес-процессами, происходящими на предприятии, и основа для управления бизнес-процессами создается их правильной классификацией. Одной из многих моделей классификаций бизнес-процессов является классификация APQC [2]. Современная модель классификации процессов (Process Classification Framework – PCF) APQC представлена на рис. 1.

Рис. 1. Структура классификации процессов APQC (APQC, 2014)

Согласно Кристиану Эрфурту и Ивонне Эрфурт [3], университеты определяют бизнес-процессы, связанные с получением знаний и организацией процессов в сфере управления, образования и исследований. На самом высоком уровне архитектуры процессов представлен обзор процессов. Все участники могут получить представление о добавленной стоимости в своей области. Типичными основными процессами для университета являются учебный процесс и преподавание, исследования и перевод, а также непрерывное образование. Это основные элементы, в которых университет получает дополнительную ценность. Примерная архитектура процесса показана на рис. 2. Адаптирован из программы организационного развития TUDo Технического университета Дрездена [4] (общий ландшафт процесса также можно найти в [5]).

Согласно [4] бизнес-процессы делятся на специальные, переменные, адаптивные, гибкие и динамические.

Специальный процесс строится «на лету» для каждого конкретного случая, т.е. нет predetermined определения процесса.

Адаптивный процесс – это рабочий процесс, способный реагировать на исключительные обстоятельства, которые могут или не могут быть предусмотрены, и обычно влияющие на один или несколько экземпляров процесса.

Переменный процесс адаптируется как реакция на изменения во внутренней и внешней среде.

Гибкий процесс – это процесс, способный адаптироваться к изменениям в окружающей среде или к его изменяющимся требованиям.

Динамический процесс должен иметь гибкое и адаптивное исполнение, которое может развиваться в соответствии с конкретными ситуациями.

Сетевая модель процессов Петри была разработана для визуализации задач бизнес-процессов и взаимодействия с моделью процессов, с целью предоставления пользователю или аналитику возможность строить модель бизнес-процесса «как есть» («as is») и переходить к модели бизнес-процесса «как должно быть» («to be»), которая оптимизирует время, требующееся на завершение процесса (продолжительность процесса), и стоимость выполнения задач бизнес-процесса (затраты на процесс) [5]. Они применили математическую теорию комбинаций в сочетании с формализацией сетей Петри для создания вариантов проектирования при создании альтернативных вариантов бизнес-процессов с различной продолжительностью процесса и стоимостными коэффициентами, чтобы позволить моделирующему процессу или аналитику принять лучшее решение.

Рис. 2. Типовая архитектура процесса образовательного учреждения

Согласно [6] университетская информационная система должна гибко и быстро адаптироваться к изменяющимся требованиям.

*Архитектура процессов на примере
Международного университета
информационных технологий*

Проектируя архитектуру университета, авторы данной статьи основывались на цели, стратегии вуза. Как ранее было отмечено, архитектура процессов основывается на ряде моделей [7–9], отражающих деятельность университета.

Цели, стратегии Международного университета информационных технологий (МУИТ) подчинены современным требованиям рынка труда и образования как в республике, так и за рубежом. Одной из задач университета является создание современной среды для объединения и расширения образовательной, научной, инновационной и предпринимательской деятельности. Это связано и с нарастанием подотчетности перед стейкхолдерами (государством, профессиональными организациями, работодателями, студентами) [10]. Кроме того, как отмечает Силакова Л.В., «тенденции в изменении мира в связи с ускорением научно-технического прогресса обострили проблему привлечения внебюджетного финансирования и повышения эффективности деятельности вузов за счет коммерциализации рождаемых знаний и технологий» [11]. Современный университет перестает быть зависимым от госбюджета, по крайней мере такие задачи ставятся перед ним, что требует пересмотра и трансформации всех уровней процессов вуза.

По мнению Д. Зилуа [10], успех трансформации современных вузов зависит от «готовности университетов к адаптации».

На рис. 3 представлена концептуальная модель – архитектура бизнес-процессов МУИТ. В архитектуре представлены свойства бизнес-процессов в деятельности вуза. Процессы делятся на: управляющие (стратегические), основные и вспомогательные процессы в зависимости от их характера. Внутри каждой из этих категорий определен ряд кластеров процессов. Мы классифицировали декомпозицию процессов в данной архитектуре как функциональную декомпозицию. Разделение по категориям (в зависимости от характера процессов) и кластеров определяется функциями, которые выполняются в различных группах. Процессы с похожей функцией сгруппированы в один кластер. При построении архитектуры была учтена

и использована практика, предложенная Роджером Трежеаром [12].

Были выделены следующие основные бизнес-процессы университета: исследовательская, образовательная, промышленная, предпринимательская. Исследовательская составляющая направлена на выполнение исследований и получение результатов, образовательная составляющая – на формирование кадрового потенциала, промышленная – на взаимодействие с партнерами и работодателями, предпринимательская – на коммерциализацию научных результатов и вывод их на рынок.

По разработанной архитектуре можно определить основные тенденции современной высшей школы, где не последнюю роль играет внедрение или интеграция результатов образовательной и научной деятельности во внешнюю среду.

*Классификация бизнес-процессов научной
деятельности университета*

Современный университет является сложной системой, его деятельность включает в себя исполнение множества согласованных функций и операций. Одним из направлений деятельности университета является научно-исследовательская деятельность. Необходимо эффективное управление научными исследованиями для формирования действенных механизмов накопления и умножения научных знаний. При анализе проблем управления научными исследованиями значительное внимание уделяется рассмотрению подходов к организации и классификации научно-исследовательских работ.

Еще в XX веке П. Фримен сформулировал гипотезу о целесообразности описания процесса выполнения научных исследований с точки зрения процесса управления [13]. Но существующие подходы к управлению научной деятельностью, рассматривающие лишь ее отдельные сферы, не позволяют сформировать общую теоретическую базу. Отсутствие целенаправленной интеграции всех составляющих системы управления научной деятельностью и ориентации всех структур научной организации на достижение поставленных целей препятствует эффективной трансформации знаний сотрудников в активы, приносящие прибыль [14].

В настоящее время задачи управления научно-исследовательской деятельностью университетов имеют ключевой характер, так как их реализация позволяет повысить уровень научно-образовательного потенциала и финансовой независимости университета, обеспечить тесную интеграцию бизнеса и образования.

Рис. 3. Архитектура процессов университета

Как современный бизнес и производство немислимы без автоматизации своих бизнес-процессов, так и современный процесс научного исследования не может существовать без применения новых информационных технологий и методик управления проектами. Современную научно-исследовательскую деятельность можно рассматривать как бизнес, реализующий соответствующую совокупность бизнес-процессов. Отсюда возникает необходимость описания и классификации всех бизнес-процессов научно-исследовательской деятельности [15].

Рассмотрим и классифицируем деятельность вуза по направлению научно-исследовательской деятельности. Под научно-исследовательской деятельностью подразумевается разработка новых методов решения задач и проведение научных исследований [15; 16]:

– участие в конкурсах грантов и программ; заключение договоров на проведение научных исследований;

– подготовка научно-педагогических кадров; – работа с магистрантами, докторантами и работа диссертационных советов; – подготовка научных публикаций; – проведение научных конференций; – проведение научных исследований с участием студентов;

– организация НИР студентов (выставки, конкурсы, публикации); – проведение студенческих конференций.

Организационно-методическое обеспечение научно-исследовательской деятельности:

– участие в конкурсах научных работ и участие в выставках результатов НИР; – организация работы научных семинаров; – организация использования результатов НИР в учебном процессе;

– организация научных связей с предприятиями и организациями.

Далее опишем работы и функции бизнес-процессов научно-исследовательского направления.

Согласно классификации бизнес-процессов предприятия [17], представленной на рис. 4, научно-исследовательская деятельность университета относится к Сопутствующим бизнес-процессам.

Основными бизнес-процессами научно-исследовательской деятельности университета являются:

1. Проведение исследования.
2. Обучение и преподавание.
3. Сотрудничество.
4. Коммерческая деятельность.

Мы анализируем каждый из основных бизнес-процессов (ОБП) в соответствии с предложенной классификацией.

ОБП и связанные бизнес-процессы:

1. Проведение исследования связано с его жизненным циклом. Начиная с формирования коллектива исследователей – молодых докторантов, процесса проведения их исследования и представления результатов исследования, получение степени доктора философии.

2. Обучение и преподавание связано с составлением планов и отчетов по научно-исследовательской работе преподавателей, составлением планов и отчетов о научно-исследовательской работе студентов, заполнением рейтингов научно-исследовательской работы кафедры.

3. Сотрудничество включает в себя разработку сметы по грантам и контрактам, выполнение смет по грантам и контрактам.

4. Коммерческая деятельность, в том числе и связанные процессы: анализ научных публикаций; анализ докторантов,

анализ успеваемости, выпуска и защиты; анализ эффективности и вовлеченности сотрудников кафедры в научно-исследовательскую деятельность вуза.

Сопровождающие бизнес-процессы:

1. Выпуск рукописей и монографий, публикаций в научных изданиях, участие в научных конференциях, конкурсах, семинарах, стажировка и повышение научной квалификации.

2. Организация подготовки и публикации научных работ, участие в научных конференциях, научных конкурсах, выставках, проведение научных семинаров кафедры.

3. Подготовка финансовых отчетов, сертификатов апробации, сопроводительной документации для проектов и исследований.

4. Подготовка годового отчета о научной деятельности вуза; формирование списка научных мероприятий в университете; формирование отчета о работе диссертационных советов.

Поддерживающие бизнес-процессы:

1. Грантовое финансирование, заключение контрактов, обеспечение кадрами (научное руководство, преподаватели, докторанты), материально-техническое обеспечение (лаборатории, оборудование, компьютеры, библиотека).

2. Нормативная поддержка (стандарты, шаблоны документов, программы конференций и др.).

3. Финансовая поддержка научных исследований, повышения квалификации и других научных мероприятий, техническое и программное обеспечение для финансовой деятельности.

4. Предоставление сотрудникам и докторантам анализа направлений научных публикаций и исследований.

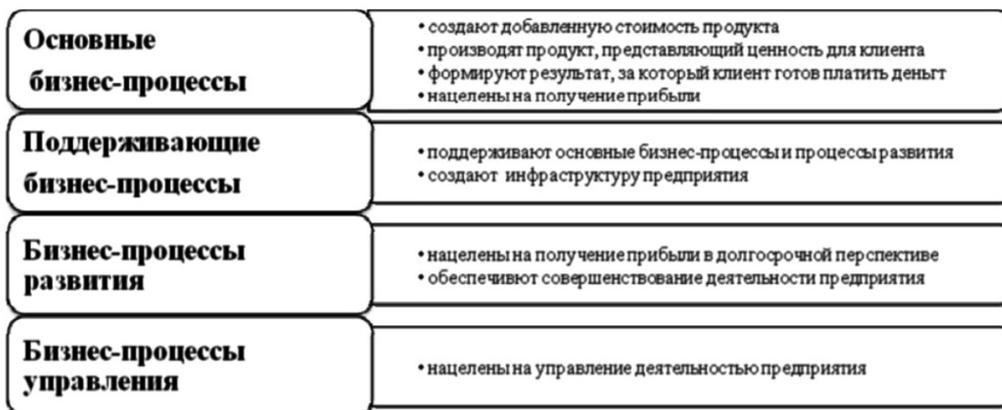

Рис. 4. Классификация бизнес-процессов согласно [17]

Бизнес-процессы развития:

1. Разработка инновационных методов и технологий, установление научных связей с организациями.

2. Разработка новых методов организации и проведения исследований, привлечение ведущих ученых к научной деятельности кафедры, получение патентов и лицензий, использование результатов исследований в учебном процессе.

3. Разработка новых методов распределения финансов и оплаты научной деятельности.

4. Развитие научных направлений исследований, разработка новых образовательных докторских программ.

Бизнес-процессы управления:

1. Долгосрочное планирование и управление научной деятельностью, управление преподавателями, докторантами кафедры, финансовый менеджмент, контроль результативности.

2. Контроль делопроизводства, руководство факультета, докторантов.

3. Перспективное финансовое планирование и управление, финансовый менеджмент по грантам и контрактам, финансовый менеджмент, контроль затрат, анализ эффективности научной деятельности.

4. Поддержка сотрудников, занимающихся исследовательской деятельностью, поддержка докторантов в исследованиях.

Такое детальное разделение каждого вида деятельности на бизнес-процессы значительно облегчает разработку общей стратегии управления исследовательской деятельностью вуза.

Заключение

Архитектура процессов, как и модель процессов, должна всегда находиться в поле зрения активных элементов организации и ее ближайшего окружения.

В этой статье мы представили обзор современных подходов к проектированию и моделированию архитектуры бизнес-процессов. Были определены различные подходы из литературы: 1) архитектура бизнес-процессов с ориентацией на цели организации, ее стратегию; 2) в зависимости от направления бизнеса и возможности представления потребителям продуктов или сервисов; 3) основываясь на архитектуре ИТ и программных приложениях, используемых в компании.

Чтобы более подробно изучить характеристики реальных архитектур процессов, применительно к образовательным учреждениям мы рассмотрели специализированную модель компании Deloitte, структуру классификации процессов APQC, типовую

архитектуру процесса образовательного учреждения. На их основе мы предложили классификацию процессов научной деятельности университета. Особенность данной работы заключается в том, что она предлагает конкретный подход к разработке архитектуры процесса, основанный как на теоретическом, так и на эмпирическом понимании темы. Твердую теоретическую основу дает обширное изучение литературы, а эмпирическое понимание – тематические исследования.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта грантового финансирования МОН РК АР05134071 «Разработка методологии, архитектурных и программных решений для трансформации бизнес-процессов их автоматизации на основе облачных технологий ВРaaS (на примере административных процессов государственного управления)».

Список литературы

1. The Administrative Partnership Model: Rethinking the approach to shared services in higher education. [Electronic resource]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/public-sector/us-administrative-partnership-models> (date of access: 19.08.2020).

2. Ziemba E., Eisenhardt M. Prosumers' participation in business processes. Online Journal of Applied Knowledge Management. 2015. № 3. P. 114–127.

3. Erfurth Christian, Ivonne Erfurth. Towards business alignment of IT services in universities: Challenges in elicitation of requirements for IT services. 2014 IEEE 1st International Workshop on the Interrelations between Requirements Engineering and Business Process Management (REBPM). 2014. P. 11–14.

4. Rusinaitė T., Kalibaitienė D., Vasilecas O. Requirements of dynamic business processes – a survey. 2015 IEEE 3rd Workshop on Advances in Information, Electronic and Electrical Engineering (AIEEE), Riga, 2015. P. 1–4.

5. Fadahunsi O., Sathiyarayanan M. Visualizing and analyzing dynamic business process using Petri nets. 2016 2nd International Conference on Contemporary Computing and Informatics (IC3I), Noida, 2016. P. 79–84.

6. Lin Jinjiao. Research on university information system oriented business adaptability. 2009 IEEE International Symposium on IT in Medicine & Education 1. 2009. P. 180–183.

7. Moldagulova A., Satybaldiyeva R., Uskenbayeva R., Kassymova A., Kalpeyeva Z. Architecture Development For Certain Classes Of University Business Processes, in 2020 IEEE 22nd Conference on Business Informatics (CBI), 2020. P. 91–95.

8. Satybaldiyeva R., Uskenbayeva R., Moldagulova A., Kalpeyeva Z., Aitim A. Features of Administrative and Management Processes Modeling, in WCGO 2019, Advances in Intelligent Systems and Computing 991, Metz, France, Springer. 2019. P. 842–849.

9. Uskenbayeva R., Moldagulova A., Satybaldiyeva R., Bektemyssova G., Kalpeeva Z. Methodology for modeling hybrid administrative business processes // Вестник Казахско-Британского технического университета. 2019. Т. 16. № 3. С. 318–323.

10. Zilwa D. De. Academic units in a complex, changing world: Adaptation and resistance, Springer Science & Business Media, 2010. 199 p.

-
11. Силакова Л.В. Управление трансформацией бизнес-процессов современного университета в России // Вопросы инновационной экономики. 2017. Т. 7. № 4. С. 361–372.
12. Roger Tregear. Practical Process: The Case for Process Architecture. BPTrends, 2014. [Electronic resource]. URL: <https://www.bptrends.com/practical-process-the-case-for-process-architecture/> (date of access: 19.08.2020).
13. Freeman R.J. R&D Management Research. Santa Monica (California): Paper P-321 G. The Rand Corporation, 1905.
14. Баканова М.В. Анализ бизнес-процессов кафедры вуза как основы разработки стратегии автоматизированного управления кафедрой // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2010. № 18 (22). С. 104–109.
15. Говорков А.С. Автоматизация организационно-управленческих аспектов научной деятельности вуза // Университетское управление. 2009. № 6. С. 13–18.
16. Резник С.Д. Управление кафедрой. М.: ИНФРА-М, 2004. 635 с.
17. Калянов Г.Н. Моделирование, анализ, реорганизация и автоматизация бизнес-процессов. М.: Финансы и статистика, 2007. 240 с.

УДК 339.5(571.6)

СОСТОЯНИЕ ПУНКТОВ ПРОПУСКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Шарошенко И.В.

*ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Владивостокский филиал,
Владивосток, e-mail: irinochka003@inbox.ru*

Актуальность статьи обусловлена ростом требований к уровню обустройства пунктов пропуска, так как оснащённость создает конкурентоспособность национальных транспортных систем и возможности для развития внешней торговли. В данном исследовании обобщены требования к уровню обустройства пунктов пропуска, закреплённые национальным, наднациональным законодательством, в частности требования рамочных стандартов ВТАО по оснащению и обустройству пунктов пропуска, требования Решений комиссии Таможенного союза и ЕЭК для обеспечения эффективного государственного контроля в пунктах пропуска. В целях проведения исследования обоснован выбор объектов анализа – это наиболее значимые пункты пропуска Дальнего Востока России разных видов международных сообщений. Из морских выбраны пункты пропуска Находкинской таможни: МПП Восточный и МПП Находка и МПП Владивосток – Владивостокской таможни; из автомобильных выбраны пункты пропуска Уссурийской таможни: ДАПП Марково, МАПП Краскино, ДАПП Полтавка, МАПП Пограничный. В статье произведен анализ пропускной способности выбранных пунктов пропуска Дальнего Востока России, а также соответствия их обустройства современным требованиям и перспективным направлениям развития таможенной инфраструктуры региона. Сделаны выводы по результатам анализа соответствия автомобильных и морских пунктов пропуска техническим схемам, которыми они должны быть оборудованы. Сформулирован вывод об основных проблемах оснащённости исследованных пунктов пропуска. Для подготовки выводов о направлениях развития пунктов пропуска автором выделены наиболее значимые перспективы развития таможенной инфраструктуры Дальнего Востока, которые должны привести к росту пассажиропотока, грузопотока и способствовать активизации внешнеторговой деятельности региона. В статье представлены некоторые варианты развития инфраструктуры и повышения эффективности таможенного администрирования: в морских пунктах пропуска – это внедрение разработанной ФТС России модели совершения операций в морских портах, которая позволяет производить учет всех операций в порту при прибытии груза; в автомобильных пунктах пропуска – это модель «интеллектуального» пункта пропуска на основе автоматизации процессов совершения таможенных операций и процедур.

Ключевые слова: таможенная инфраструктура, пункты пропуска, пропускная способность, таможенный контроль, технологические схемы, грузопоток, пассажиропоток, модель «интеллектуального» пункта пропуска

THE STATE OF CHECKPOINTS IN RUSSIA'S FAR EAST AS A CONDITION OF THE REGION'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Sharoshchenko I.V.

*State Treasury Educational Institution of Higher Education «Russian Customs Academy»,
Vladivostok Branch, Vladivostok, e-mail: irinochka003@inbox.ru*

The relevance of the article is due to the increasing requirements for the level of clearance of checkpoints, as equipment creates competitiveness of national transport systems and opportunities for the development of foreign trade. This study summarizes the requirements for the level of settlement of checkpoints, enshrined in national, supranational legislation, in particular, the requirements of the framework standards of the WTAO for the equipment and arrangement of checkpoints, the requirements of the Decisions of the Commission of the Customs Union and the EEC to ensure effective state control at checkpoints. In order to conduct the study, the choice of analysis sites is based on the most significant checkpoints of the Russian Far East of various types of international communications: from the sea – selected checkpoints Nakhodkin customs: WFP East and WFP Nakhodka and WFP Vladivostok – Vladivostok Customs, from the automotive – selected checkpoints Ussuri customs: DAPP Markovo, MAPP Kraskino, DAPP Poltavka, MAPP Border. The article analyzes the capacity of the selected checkpoints of the Far East of Russia, as well as the compliance of their arrangement with modern requirements and promising directions for the development of the region's customs infrastructure. Conclusions have been drawn from the analysis of the compliance of road and sea checkpoints with the technical schemes to be equipped with them. The conclusion about the main problems of equipping the researched checkpoints to prepare conclusions about the directions of the development of checkpoints, the author highlighted the most significant prospects for the development of the customs infrastructure of the Far East, which should lead to an increase in passenger traffic, cargo flow and contribute to the revitalization of foreign trade activities in the region. The article presents some options for the development of infrastructure and efficiency of customs administration: at sea checkpoints – this is the introduction of the model developed by the FTS of Russia to carry out operations in seaports, which allows to keep records of all operations in the port when the cargo arrives; at road checkpoints, it is a model of «smart» checkpoint based on automation of customs operations and procedures.

Keywords: customs infrastructure, checkpoints, bandwidth, customs control, technological schemes, cargo flow, passenger flow, model of «smart» checkpoint

Актуальность данной темы обусловлена возрастающей ролью таможенной инфраструктуры в целом и пунктов пропуска в частности, в связи с глобальными

процессами интеграции и сотрудничества государств, необходимостью повышения качества администрирования грузопотоков и повышения комфортности ведения ВЭД.

Объекты таможенной инфраструктуры призваны создать условия для быстрого и качественного осуществления государственного контроля, в том числе таможенного контроля товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС и вывозимых из РФ.

По мнению Р.В. Давыдова, основными резервами повышения показателей облегчения мировой торговли может быть именно совершенствование инфраструктуры морских портов, модернизация автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска, что позволит координировать работу всех органов государственного контроля, а также портовых служб и стивидорных компаний, организаций, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела [1].

Целью настоящей статьи является анализ пропускной способности отдельных пунктов пропуска Дальнего Востока России, а также соответствия их обустройства современным требованиям и перспективным направлениям развития таможенной инфраструктуры региона.

Материалы и методы исследования

Эмпирический материал данного исследования составляют ежеквартальные отчеты, доклады, статистические данные отдела организации функционирования пунктов пропуска и взаимодействия с контрольными органами и данные официального сайта Дальневосточного таможенного управления (ДВТУ).

Результаты исследования и их обсуждение

Требования к уровню обустройства пунктов пропуска закреплены национальным,

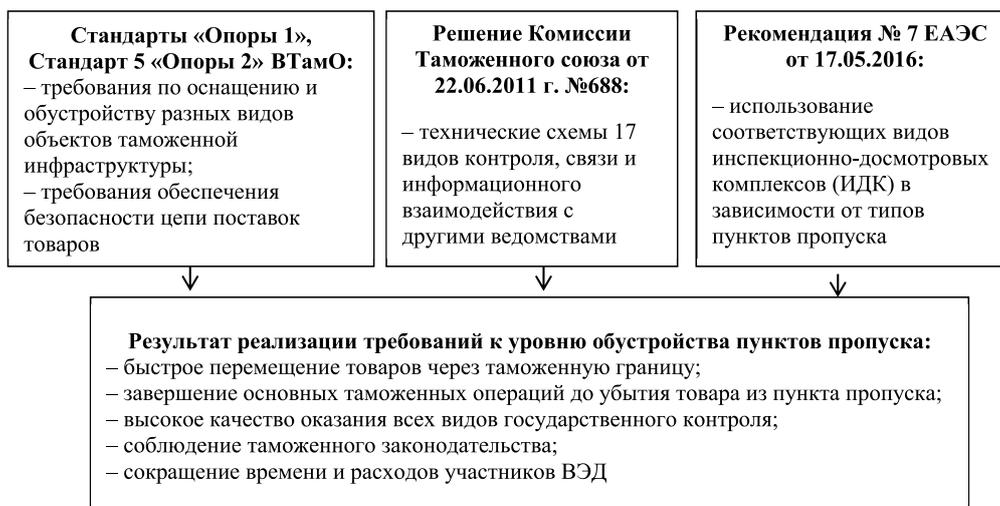
наднациональным законодательством, а также требованиями международной практики таможенного администрирования (рисунок).

Так, вступление во ВТамО обязывает таможенные органы России постоянно совершенствовать инфраструктуру и обеспечивать высокий уровень обустройства пунктов пропуска. Основным документом, регламентирующим требования к таможенной инфраструктуре, являются рамочные стандарты ВТамО, которые прописывают набор требований по оснащению и обустройству разных видов объектов таможенной инфраструктуры, в том числе и пунктов пропуска, и необходимость ее развития [2].

Согласно же Решениям комиссии Таможенного союза для обеспечения эффективного государственного контроля в пунктах пропуска должны функционировать *технические схемы 17 видов контроля*, а также связи и информационного взаимодействия с другими ведомствами [3]. Анализ на соответствие данным требованиям произведен далее и представлен в табл. 1 и 2 настоящей статьи.

Кроме того, ЕЭК рекомендует государствам-членам ЕАЭС в целях организации таможенного контроля использование разных видов инспекционно-досмотровых комплексов (ИДК) в зависимости от типов пунктов пропуска [4].

Таким образом, степень обустройства пунктов пропуска должна обеспечивать выполнение всех функций государственного контроля и быстрое перемещение товаров через таможенную границу, а совершенствование их оснащения является одним из приоритетных направлений развития таможенной службы государства.

Требования к уровню обустройства пунктов пропуска товаров через таможенную границу и результат их выполнения

Объектом исследования в настоящей статье выбраны наиболее значимые пункты пропуска Дальнего Востока России разных видов международных сообщений.

По состоянию на 04.06.2018 в регионе деятельности ДВТУ расположены 63 пункта пропуска (далее – ПП), из них функционирующими являются только 46. Больше количество ПП находятся в зоне ответственности Хабаровской и Уссурийской таможен (по 8 ПП), наименьшее – в Биробиджанской и Камчатской таможнях (по 2 ПП) [5].

ИДК размещены лишь в 6 пунктах пропуска (в зоне ответственности Владивостокской таможни – 2, Уссурийской таможни – 3, Биробиджанской таможни – 1) [6].

Пункты пропуска региона загружены не равномерно. Через 8 пунктов пропуска Уссурийской таможни проходит самый большой пассажиропоток (39,28% в 2017 г., 35,85% в 2018 г.), а через такое же количество пунктов пропуска Хабаровской таможни только 11,39% в 2017 г. и 10,59% в 2018 г. пассажиропотока, что объясняется сезонностью в работе. Через пункты пропуска Владивостокской таможни перемещалось 21,07% в 2017 г. и 25,57% в 2018 г. пассажиропотока соответственно.

Для детального изучения степени обустройства и уровня нагрузки из всех ПП Дальнего Востока, как уже отмечалось, выбраны наиболее значимые пункты пропуска, разных видов международных сообщений. Из морских выбраны пункты пропуска Находкинской таможни: МПП Восточный и МПП Находка и МПП Владивосток – Владивостокской таможни, из автомобильных выбраны пункты пропуска Уссурийской таможни: ДАПП Марково, МАПП Краскино, ДАПП Полтавка, МАПП Пограничный.

За период 2017–2019 гг. общее количество грузовых транспортных средств, прибывших в МПП Восточный, возросло на 7,92% (с 1099 до 1186 соответственно), как следствие, выросло количество товарных партий, подлежащих иным видам контроля (санитарно-карантинного, карантинного фитосанитарного и ветеринарного), досмотру и осмотру. Возросло и количество морских судов, оформленных в ночное время, на 5,27% (с 531 до 559). При этом пропускная способность МПП Восточный была освоена не более чем на одну треть (в 2017 г. составляла только 32%, в 2018 г. – 28%, за 1 кв. 2019 г. – 29%).

За период 2017–2019 гг. общее количество грузовых транспортных средств, прибывших на территорию МПП Находка, снизилось на 8,87% (с 1702 до 1551 соот-

ветственно). Из всех прибывших морских судов оформлены в ночное время более 44%. Пропускная способность МПП Находка была освоена в 2017 г. на 55%, в 2018 г. – на 51%, за 1-е полугодие 2019 г. – на 65%.

За период 2017–2019 гг. общее количество грузовых транспортных средств, прибывших на территорию МПП Владивосток, возросло на 250,17% (с 1154 до 2887 соответственно). На количество оформленных в ночное время судов приходится более 35%. Пропускная способность МПП Владивосток была освоена в 2017 г. только на 47%, в 2018 г. – на 52%, за 2019 г. – более 65%.

Причиной изменения количества грузовых транспортных средств, кроме общеэкономических причин, является концентрация декларирования товаров, перемещаемых морским транспортом во Владивостокском таможенном посту (ЦЭД) Владивостокской таможни.

Все три пункта пропуска укомплектованы техническими средствами таможенного контроля, прототипом портала «Морской порт». Применение принципа «единого окна» дает возможность перевозчику при прибытии товаров и транспортных средств на единую таможенную территорию ЕАЭС представлять должностному лицу таможенного органа документы, необходимые для осуществления всех видов государственно-го контроля.

Обмен данными между таможенными органами и другими государственными контрольными органами в пунктах пропуска производится путем информационного взаимодействия с использованием электронных средств обработки и передачи данных. Но практически во всех морских пунктах пропуска Приморского края отсутствуют системы, позволяющие осуществлять таможенный контроль без участия должностных лиц таможенных органов на борту судна и осуществлять таможенное наблюдение за погрузо-разгрузочными работами.

Как показал сравнительный анализ, из 17 технических схем, которыми должны быть оборудованы пункты пропуска, о чем говорилось ранее, МПП Восточный оснащен только 12, МПП Находка – только 10, МПП Владивосток – только 14, что существенно ограничивает пропускную способность ПП (табл. 1).

Сравнительный анализ соответствия АПП требованиям показал, что из 17 технических схем, которыми должны быть оборудованы пункты пропуска, ДАПП Марково оснащен только 7, МАПП Краскино – 6, МАПП Пограничный – 10, ДАПП Полтавка – 11 (табл. 2).

Таблица 1

Результат сравнительного анализа соответствия
техническим схемам исследуемых морских пунктов пропуска
(согласно Решению Комиссии Таможенного союза от 22.06.2011 г. № 688)

Технические схемы 17 видов контроля	МПП Вос- точный	МПП На- ходка	МПП Вла- дивосток
1) паспортного (пограничного контроля)	+	+	+
2) бесконтактного измерения температуры тела лиц	+	+	+
3) обеспечения карантинного фитосанитарного контроля (надзора) и обеззараживания подкарантинной продукции	-	-	-
4) очистки и дезинфекции транспортных средств	-	-	+
5) обеспечения ветеринарного контроля (надзора)	-	-	+
6) определения весогабаритных параметров	-	-	-
7) осмотра (досмотра) лиц, багажа и ручной клади	+	-	+
8) осмотра (досмотра) транспортных средств и товаров	+	+	+
9) радиационного контроля	+	+	+
10) сбора и уничтожения (утилизации) биологических отходов	+	-	+
11) контроля и управления доступом и охранной сигнализации	+	+	+
12) связи и информационных технологий	+	+	+
13) телевизионного наблюдения (видеонаблюдения)	+	+	+
14) пожарной сигнализации	+	+	+
15) инженерных средств охраны	+	+	+
16) информационного взаимодействия	+	+	+
17) резервного электропитания	-	-	-

Примечание. Составлено автором по результатам работы с Приложением к письму от 04.06.2018 № 12-03-11/07925 и Приложением к письму от 29.03.2018 № 12-03-11/04556.

Таблица 2

Результат сравнительного анализа соответствия
техническим схемам исследуемых автомобильных пунктов пропуска
(согласно Решению Комиссии Таможенного союза от 22.06.2011 г. № 688)

Технические схемы 17 видов контроля	ДАПП Марково	МАПП Краскино	МАПП По- граничный	ДАПП Полтавка
1) паспортного (пограничного контроля)	+	+	+	+
2) бесконтактного измерения температуры тела лиц	+	+	+	+
3) обеспечения карантинного фитосанитарного контроля (надзора) и обеззараживания подкарантинной продукции	-	-	-	-
4) очистки и дезинфекции транспортных средств	-	-	-	-
5) обеспечения ветеринарного контроля (надзора)	+	+	+	+
6) определения весогабаритных параметров	-	-	-	-
7) осмотра (досмотра) лиц, багажа и ручной клади	+	+	+	+
8) осмотра (досмотра) транспортных средств и товаров	+	-	+	+
9) радиационного контроля	+	+	+	+
10) сбора и уничтожения (утилизации) биологических отходов	-	-	-	-
11) контроля и управления доступом и охранной сигнализации	-	-	-	-
12) связи и информационных технологий	+	+	+	+
13) телевизионного наблюдения (видеонаблюдения)	-	-	-	+
14) пожарной сигнализации	-	-	+	+
15) инженерных средств охраны	-	-	+	+
16) информационного взаимодействия	-	-	-	-
17) резервного электропитания	-	-	+	+

Примечание. Составлено автором по результатам работы с Приложением к письму от 04.06.2018 № 12-03-11/07925 и Приложением к письму от 29.03.2018 № 12-03-11/04556.

Во всех автомобильных пунктах пропуска используется автоматизированная система таможенного оформления и таможенного контроля в пограничных пунктах пропуска.

При этом во всех АПП не обеспечивается возможность раздельного проведения государственного контроля лиц и автотранспортных средств независимо друг от друга в двух направлениях движения (въезд и выезд).

Слабая техническая оснащенность пунктов пропуска является серьезным сдерживающим фактором повышения их пропускной способности и приводит к дисбалансу грузопотока и неравномерной нагрузке на пункты пропуска региона. По данным ДВТУ, самые низкие показатели загрузки пропускной способности наблюдаются по МАПП Краскино: по результатам 2019 г., проектная пропускная способность по пропущенным грузовым транспортным средствам загружена на 70,69%, по пассажирским транспортным средствам – на 54,05%, по количеству пропущенных физических лиц – только на 39,65%.

Самые высокие показатели загрузки, по результатам 2019 г., отмечены в МАПП Пограничный. Так, проектная пропускная способность МАПП Пограничный по пропущенным грузовым транспортным средствам превышена на 14,88%, по пассажирским транспортным средствам превышена на 182,92%, а по количеству пропущенных физических лиц составляет 92,64%.

Как показал анализ, основными проблемами оснащенности АПП являются отсутствие современной транспортной инфраструктуры электронного учета автотранспортных средств, возможности автоматического определения габаритных размеров автотранспортных средств; интегрированной информационной системы и системы часофиксации; системы телевизионного (видео) наблюдения с функцией видеорегистрации по периметру пункта пропуска. Такой низкий уровень оснащения пунктов пропуска приводит к длительному времени ожидания очереди для пересечения границы в пунктах пропуска и препятствует развитию внешнеторговой деятельности региона, туризма и реализации существующего экономического и социального потенциала Дальнего Востока.

На сегодняшний день развитию и повышению эффективности системы пунктов пропуска в России уделяется большое внимание [7]. Основными направлениями развития таможенной инфраструктуры являются реконструкция или строитель-

ство служебно-производственных зданий в рамках федеральных и ведомственных программ; приобретение объектов за счет средств федерального бюджета; привлечение инвестиций для вовлечения в хозяйственный оборот недостроенных объектов и земельных участков и др. [8].

Задача по развитию пунктов пропуска Дальнего Востока России является одной из перспективных, так как это во многом определяет развитие торгово-экономических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

К наиболее значимым перспективам развития таможенной инфраструктуры Дальнего Востока, которые должны привести к росту пассажиропотока и грузопотока и будут способствовать активизации внешнеторговой деятельности региона, можно отнести:

– строительство моста Благовещенск – Хэйхэ (Китай). Предполагается, что пропускная способность мостового перехода составит в сутки 630 грузовых автомобилей, 164 автобуса, 68 легковых автомобилей и около 5,5 тысячи человек [9];

– реконструкцию моста через Бирю в г. Биробиджане за счет средств федерального бюджета Еврейского автономного округа (на его реконструкцию выделяется 350 млн руб.), срок окончания работ – 2021 г. [10];

– строительство грузопассажирского пункта пропуска на острове Большой Усурийский [11];

– развитие международных транспортных коридоров «Приморье – 1» и «Приморье – 2». Маршрут перевозочного процесса в регионе деятельности МТК «Приморье-1» – это контейнерные перевозки между северо-восточными провинциями Китая и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. МТК «Приморье-2» – это маршрут для контейнерных перевозок между провинцией Цзилинь и портами Славянка, Зарубино и Посьет.

Заключение

Развитие таможенной инфраструктуры Дальнего Востока позволит увеличить грузооборот, создать рабочие места, совершенствовать взаимодействие в международных цепях поставок, таким образом, обеспечит активизацию внешнеторговой и туристской деятельности региона.

В этой связи задача таможенных органов состоит в обеспечении высокого качества контроля и при этом быстрого движения товаров и грузов по транспортным коридорам региона. Решение таких задач возможно только при развитии и современ-

ном обустройстве объектов таможенной инфраструктуры [12]. В этой связи необходимо улучшение оснащения и обустройства автомобильных пунктов пропуска, увеличение их пропускной способности и создание условий для обеспечения качества таможенного контроля за перемещением товаров и пассажиров.

В целях обеспечения качества проведения таможенных операций и таможенного контроля требуется совершенствование применения комплекса программных средств ФТС России «Портал «Морской порт», что ускорит взаимодействие с должностными лицами Россельхознадзора и Роспотребнадзора. Следующим шагом развития инфраструктуры и повышения эффективности таможенного администрирования в морских пунктах пропуска может быть внедрение разработанной ФТС России модели совершения операций в морских портах. Данная модель разработана на основе лучших мировых практик и, по сути, предполагает интегрирование взаимодействия таможенных органов, иных государственных органов, участников ВЭД, уполномоченных экономических операторов и других организаций, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, в единую комплексную программу автоматизации контроля логистических цепочек. Такая модель позволит отследить все совершаемые операции в морских портах: погрузо-разгрузочные работы, действия представителей морских перевозчиков, операторов морских терминалов, экспедиторов, таможенных представителей, государственных контролирующих органов.

В рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт» ФТС России производится разработка модели «интеллектуального» пункта пропуска. Основой функционирования модели «интеллектуального» пункта пропуска должна стать единая для всех государственных органов и участников ВЭД информационная система, в которую будут интегрированы технические средства объективного контроля, и основные технологические процессы будут осуществляться без участия должностных лиц. Такая модель функционирования послужит стимулом для развития партнерских отношений с добросовестными участниками ВЭД на принципах открытости, бесконтактности и доверия.

Такой подход к совершенствованию обустройства пунктов пропуска позволит за-

вершать основные таможенные операции до убытия товара из пункта пропуска, сократить время и расходы участников ВЭД, что в значительной степени послужит развитию внешней торговли и экономики региона.

Список литературы

1. Давыдов Р.В. Отечественная и международная практика оценки деятельности таможенных администраций // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 1. С. 9–20.
2. Официальный сайт ВТамО. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wcoomd.org/> (дата обращения: 09.08.2020).
3. О Единых типовых требованиях к оборудованию и материально-техническому оснащению зданий, помещений и сооружений, необходимых для организации государственного контроля в пунктах пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза, Классификации пунктов пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза и форме Паспорта пункта пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза: решение Комиссии Таможенного союза от 22.06.2011 № 688 (ред. от 03.03.2017). КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.08.2020).
4. Об общих положениях об оснащении пунктов пропуска через таможенную границу Евразийского экономического союза инспекционно-досмотровыми комплексами и их использовании: рекомендация № 7 ЕАЭС от 17.05.2016. АльфаСофт. Все для декларантов и участников ВЭД. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/> (дата обращения: 07.08.2020).
5. Официальный сайт Дальневосточного таможенного управления. [Электронный ресурс]. URL: <http://dvtu.customs.gov.ru/folder/164232?page=2> (дата обращения: 05.08.2020).
6. Официальный сайт Дальневосточного таможенного управления. [Электронный ресурс]. URL: <http://dvtu.customs.gov.ru/document/text/212951> (дата обращения: 05.08.2020).
7. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 330 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» (опубликовано на Официальном интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.08.2020).
8. О решении коллегии ФТС России от 25.05.2017 «О комплексной программе развития ФТС России на период до 2020 года»: приказ ФТС России от 27.06.2017 № 1065. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.08.2020).
9. Завершено строительство моста в Китай через Амур. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/11/29/reg-dfo/zaversheno-stroitelstvo-transgranichnogo-mosta-blagoveshchensk-hejhe.html>. (дата обращения: 05.08.2020).
10. Автомобильный мост через реку Бирю в Биробиджане реконструируют к 2021 году. Информационное агентство РЖД-Партнер.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rzd-partner.ru/auto/news/avtomobilnyy-most-cherез-reku-bira-v-birobidzhane-rekonstruiyut-k-2021-godu/> (дата обращения: 05.08.2020).
11. Проект концепции развития острова Большой Уссурийский представят к августу // РИАНовости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20190620/1555720927.html> (дата обращения: 05.08.2020).
12. Булавин В.И. Умная таможня, искусственный интеллект и законопослушный бизнес // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2019. № 9. С. 3–9.

УДК 338.43

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ФИЗИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ^{1,2}**Яшкова Н.В.**¹*Российский университет транспорта (МИИТ), Москва;*²*ФГБОУ ВО филиал «Самарский государственный университет путей сообщения», Нижний Новгород, e-mail: nv-nnov@mail.ru*

Продовольственная безопасность является комплексной категорией. Для ее оценки необходимо использовать как стоимостные, так и натуральные показатели. Продовольственная безопасность характеризуется с двух позиций: с позиции экономической доступности и с позиции физической доступности. В статье приведен обзор имеющихся определений понятия «Физическая доступность» и предложена авторская трактовка. Физическая доступность продовольствия характеризует фактическое наличие продуктов питания в сочетании с фактической потребностью в них. Физическая доступность находится под влиянием двух групп факторов: первичных и вторичных. Причем количественной оценке подвергаются только первичные факторы, а вторичные оказывают влияние на величину первичных факторов. Первичные и вторичные факторы необходимо рассматривать дифференцированно по отраслям. В статье рассмотрены факторы, оказывающие влияние на физическую доступность продовольствия. В статье представлена авторская методика определения физической доступности продовольственной безопасности. Разработан авторский алгоритм, позволяющий определить физическую доступность продовольствия на разных уровнях управления: макроуровень и микроуровень. Предложена шкала абсолютного отклонения по степени продовольственной безопасности между фактическим поголовьем коров и необходимым для полного обеспечения населения региона продовольствием на уровне не ниже установленных индикаторов.

Ключевые слова: физическая доступность продовольствия, факторы физической доступности продовольствия, оценка физической доступности продовольствия, шкала абсолютного отклонения по уровню продовольственной безопасности

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE PHYSICAL AVAILABILITY OF FOOD^{1,2}**Yashkova N.V.**¹*Russian University of transport (MIIT), Moscow;*²*Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University, Branch of Samara State Transport University, Nizhny Novgorod, e-mail: nv-nnov@mail.ru*

Food security is a complex category. For its evaluation, it is necessary to use both cost and natural indicators. Food security is characterized from two perspectives: from the point of view of economic accessibility and from the point of view of physical accessibility. The article provides an overview of the existing definitions of the concept of «Physical accessibility» and offers the author's interpretation. Physical availability of food characterizes the actual availability of food products in combination with the actual need for them. Physical availability is influenced by two groups of factors: primary and secondary. Moreover, only primary factors are subject to quantitative assessment, and secondary factors influence the value of primary factors. Primary and secondary factors should be considered differentially by industry. The article considers the factors that affect the physical availability of food. The article presents the author's methodology for determining the physical availability of food security. The author's algorithm has been developed to determine the physical availability of food at different levels of management: macro and micro levels. A scale of absolute deviation in the degree of food security between the actual number of cows and the necessary food for the full provision of the population of the region at a level not lower than the established indicators is proposed.

Keywords: physical availability of food, factors of physical availability of food, assessment of physical availability of food, scale of absolute deviation on the level of food security

Продовольственная безопасность характеризуется двумя группами показателей: экономической доступностью и физической. Физическая доступность характеризуется наличием продовольствия на территории страны и региона в количестве, необходимом для обеспечения потребностей региона. Но в экономической литературе недостаточно внимания уделено вопросам оценки обеспеченности региона продовольствием с точки зрения его фактического наличия, не рассмотрен алгоритм ее определения, особенно в условиях цифровой экономики.

Цель исследования: систематизировать факторы, влияющие на фактическую обеспеченность региона продовольствием, разработать методику оценки доступности продовольствия с точки зрения фактического объема производства и сформулировать авторское определение понятия «физическая доступность».

Материалы и методы исследования

При написании статьи использовались разнообразные экономико-статистические методы, такие как сравнение, трендовый анализ, а также абстрактно-логический ме-

тод, позволивший систематизировать факторы физической доступности и разработать их классификацию.

Статья написана на основании изучения научной экономической литературы, посвященной вопросам оценки продовольственной безопасности, а также на основании анализа данных, характеризующих развитие молочного скотоводства в регионе.

Результаты исследования и их обсуждение

В современных экономических условиях актуальным является разработка критериев, позволяющих всесторонне оценить уровень продовольственной безопасности как отдельного региона, так и страны в целом. По нашему мнению, основным требованием для указанных критериев должна стать «измеримость», то есть для оценки состояния продовольственной безопасности необходимо использовать показатели, которые можно количественно измерить.

Мы считаем, что при всей значимости экономических аспектов продовольственной безопасности определяющее влияние на ее уровень оказывает именно физическая доступность, поскольку цены на продукты питания прямо или косвенно зависят именно от физической доступности продуктов питания. По закону спроса с увеличением предложения продуктов питания их цена должна снижаться, а следовательно, продукты должны становиться более доступными для населения региона.

В «Доктрине о продовольственной безопасности Российской Федерации» приводится следующее определение физической доступности: «Физическая доступность продовольствия – уровень развития товаропроводящей инфраструктуры, при котором во всех населенных пунктах страны обеспечивается возможность приобретения населением пищевых продуктов или организации питания в объемах и ассортименте, которые не меньше установленных рациональных норм потребления пищевых продуктов» [1].

Как отмечает Ахмадулина Т.В., «физическая доступность продовольствия характеризуется наличием в торговой сети востребованного населением количества и ассортимента продовольствия, а также размером и ассортиментом его поставок специальному контингенту потребителей в соответствии с принятыми нормативами» [2, с. 143–147].

Моронова О.Г. считает, что «физическая доступность продовольствия – это бесперебойное поступление продуктов питания

от места их производства к конечным потребителям» [3, с. 194–202].

Все предложенные определения трактуют физическую доступность с точки зрения наличия продуктов питания, но при этом не выделяют факторы продовольственной безопасности. Мы предлагаем расширить данное понятие, считаем, что «физическая доступность – это бесперебойное обеспечение населения качественными продуктами питания, обусловленное соответствующим уровнем развития ресурсного потенциала региона».

Под ресурсным потенциалом региона необходимо понимать показатели развития сельского хозяйства. Для оценки физической доступности мы предлагаем использовать ряд показателей:

- поголовье сельскохозяйственных животных;
- продуктивность сельскохозяйственных животных;
- валовое производство продукции животноводства;
- посевные площади;
- урожайность сельскохозяйственных культур;
- валовой сбор сельскохозяйственных культур;
- уровень товарности;
- внутренние потребности.

В настоящее время сложились два основополагающих подхода к определению сущности физической доступности продовольствия для населения. Это:

- инфраструктурно-логистический подход, который связан с развитием товаропроводящей инфраструктуры, при его оценке используют такой показатель, как обеспеченность населения торговыми площадями;
- количественный подход, который предполагает, что физическую доступность следует определять наличием необходимых объемов продовольствия для конкретного региона [4, с. 318–327].

Одним из представителей количественного подхода является Елагина А.С. К факторам, характеризующим физическую доступность продовольствия с учетом принципов устойчивого развития, она относит [5, с. 318–327]:

- количество продуктов питания, потребляемых населением;
- нормы потребления продуктов питания;
- объемы производства продуктов питания;
- соотношение между объемами производства и потреблением продуктов питания.

Мы считаем, что все факторы, характеризующие физическую доступность продовольствия, необходимо разделить на две группы».

Нами проведена систематизация факторов, влияющих на физическую доступность продовольствия на первой стадии, что представлено в табл. 1.

На второй стадии также все факторы делятся на первичные и вторичные. К первичным факторам мы предлагаем отнести наличие производственных мощностей. К вторичным факторам – наличие сырья.

Основными факторами для оценки физической доступности продовольственной безопасности мы рекомендуем использовать первичные факторы. Это объясняется следующими критериями:

- наличие документально подтвержденных данных;
- периодичность получения данных.

Динамика первичных факторов физической доступности продовольственной безопасности представлена в табл. 2.

На основании проведенного анализа видно, что в Нижегородской области происходит ежегодное сокращение поголовья. За 2015–2019 гг. данный показатель сократился на 11,6%. Продуктивность коров имеет положительную тенденцию – ежегодно происходит увеличение данного показателя.

В среднем за анализируемый период продуктивность увеличилась на 22,7%. Проведенный трендовый анализ показал, что поголовье коров ежегодно сокращается на 2,82 тыс. гол., а продуктивность ежегодно увеличивается на 3 ц гол. Результаты трендового анализа представлены на рис. 1.

Методом параллельных рядов установлено, что рост молочной продуктивности приводит к увеличению уровня физической доступности молока. Наличие прямой взаимосвязи было доказано и корреляционным анализом. Коэффициент корреляции (0,963) указывает на наличие тесной, прямой связи между фактором и результатом.

Проведенный анализ физической доступности продовольствия показал, что регион обеспечен молоком в среднем на 60% при установленном пороговом значении 95%. Это представлено на рис. 2.

Для выявления фактора, оказывающего наибольшее влияние на уровень физической доступности продовольствия, необходимо провести факторный анализ. Мы предлагаем использовать следующую факторную модель:

$$УФД = Пор * Пр / \sum S_j$$

$\Delta УФД(Пор) = Пор_1 * Пр_0 / \sum S_{j_0} - Пор_0 * Пр_0 / \sum S_{j_0}$ – изменение уровня физической доступности продовольствия за счет изменения поголовья;

$\Delta УФД(Пр) = Пор_1 * Пр_1 / \sum S_{j_0} - Пор_1 * Пр_0 / \sum S_{j_0}$ – изменение уровня физической доступности продовольствия за счет изменения продуктивности;

$\Delta УФД(S_j) = Пор_1 * Пр_1 / \sum S_{j_1} - Пор_1 * Пр_0 / \sum S_{j_0}$ – изменение уровня физической доступности продовольствия за счет изменения численности населения.

Таблица 1

Систематизация факторов физической доступности продовольствия

Растениеводство (производство кормов)	Животноводство
Первичные факторы	
Размер посевной площади Структура посевных площадей Урожайность сельскохозяйственных культур Уровень товарности	Поголовье сельскохозяйственных животных Продуктивность сельскохозяйственных животных Уровень товарности
Вторичные факторы	
Качество почвы Природно-климатические условия Качество семенного материала Соблюдение технологии производства	Условия содержания сельскохозяйственных животных Породный и возрастной состав сельскохозяйственных животных Уровень и качество кормления

Таблица 2

Динамика первичных факторов продовольственной безопасности в молочном животноводстве

Наименование показателей	2015	2016	2017	2018	2019
Поголовье коров (на конец года), тыс. голов	90,0	87,9	83,8	80,5	79,6
Продуктивность, ц на голову	49,7	50,3	55	57,7	61
Произведено молока всего, тыс. т	447	442	461	464,9	485,8
в т.ч. на 1 жителя области, кг	137,1	136,09	142,5	144,6	151,7
Уровень физической доступности продовольствия, %	52,7	52,3	54,8	55,6	58,3
Пороговое значение, %	95	95	95	95	95

Рис. 1. Трендовый анализ первичных факторов продовольственной безопасности в молочном животноводстве

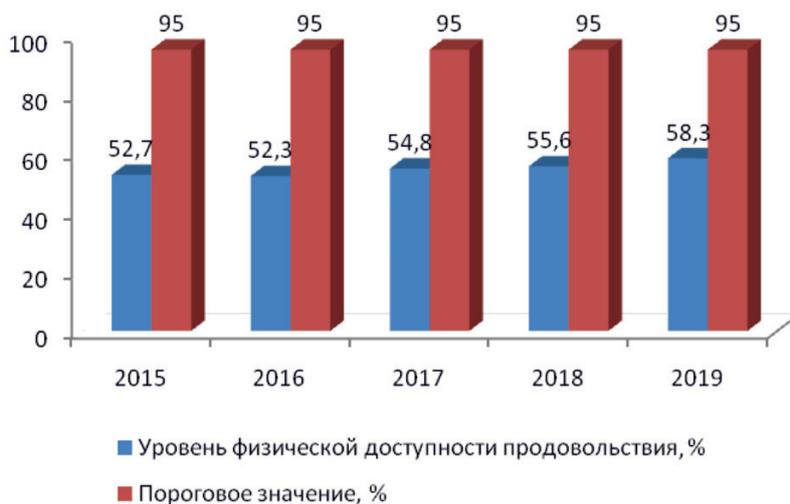

Рис. 2. Соотношение фактического уровня обеспеченности населения молоком и установленного порогового значения

Факторы физической доступности продовольствия могут оказывать либо прямое влияние на ее уровень, либо обратное. Прямые факторы – это факторы, при увеличении (уменьшении) которых происходит увеличение (уменьшение) уровня физической доступности. Обратные факторы – это факторы, при увеличении (уменьшении) которых происходит уменьшение (увеличение) уровня физической доступности.

Для оценки физической доступности продовольствия (с позиции продовольственной безопасности) мы рекомендуем

использовать следующую методику (рассмотрено на примере молока).

1. Определение общей потребности региона в продуктах питания в натуральном выражении для каждой категории населения:

$$\sum Qi = Ni * Sj,$$

где Qi – потребность в i -м продукте питания в натуральном выражении;
 Sj – численность населения j -й категории;
 Ni – норматив потребления i -го продукта питания определенной категорией населения.

2. Определяем количество человек, которое полностью обеспечивается молочной продукцией (в пересчете на молоко) 1 коровой:

$$S1 = (q_{\text{сред}} * U_{\text{тов.}}) / 260.$$

3. Определяется необходимое поголовье коров в регионе для обеспечения населения региона молоком:

$$\text{Пог}_{\text{необ.}} = S/S1.$$

4. Определяется абсолютное отклонение между фактическим поголовьем и необходимым:

$$A = \text{Пог}_{\text{факт}} - \text{Пог}_{\text{необ.}}$$

При этом могут возникнуть следующие ситуации:

а) $A > 0$ – физическая доступность продовольствия обеспечивает необходимый уровень продовольственной безопасности, и в регионе имеется продуктовый резерв, который может быть реализован в другие регионы;

б) $A = 0$ – физическая доступность продовольствия обеспечивает необходимый уровень продовольственной безопасности, но в регионе отсутствует продуктовый резерв;

в) $A < 0$ – физическая доступность продовольствия не обеспечивает необходимый уровень продовольственной безопасности региона.

При абсолютном отклонении фактического и необходимого поголовья больше 0 (первая ситуация) в регионе для сохранения продовольственной безопасности необходимо разработать мероприятия, направленные на сохранение достигнутого уровня продовольственной безопасности. В качестве основного мероприятия можно рекомендовать увеличение кормовых площадей для сохранения поголовья коров.

При абсолютном отклонении фактического и необходимого поголовья на уровне или меньше 0 (вторая и третья ситуации) необходимо выявить факторы, которые препятствуют увеличению поголовья коров, и выявить резервы для его увеличения.

В условиях перехода к цифровой экономике необходимо разработать алгоритм, позволяющий не только анализировать уровень продовольственной безопасности, но и моделировать уровень первичных факторов, необходимых для обеспечения фи-

зической доступности продовольственной безопасности [6, с. 23–26].

Мониторинг физической доступности продовольствия обуславливает необходимость разработки системы индикаторов (показателей) и алгоритмов ее количественного измерения и анализа на разных уровнях: государство в целом, регион, муниципальное образование.

Оценку физической доступности продовольствия, по нашему мнению, необходимо проводить по трем составляющим: количественная, качественная и социально-экономическая. Первая характеризует объем произведенного продукта, вторая – качество, а третья – доступность для населения с точки зрения его стоимости.

При оценке физической доступности продовольствия необходимо выявить угрозы, влияющие на развитие ресурсного потенциала, в данном случае поголовья. Угрозами сокращения поголовья коров являются:

- сокращение кормовых площадей;
- сокращение объема заготавливаемых кормов в связи с плохими погодными условиями;
- болезни с.-х. животных, которые приводят к вынужденному сокращению поголовья;
- сокращение трудовых ресурсов в связи с миграцией населения из сельской местности в город.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425> (дата обращения: 13.08.2020).
2. Ахмадулина Т.В. Анализ самообеспеченности Сибирского Федерального округа основными видами продовольствия // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 143–147.
3. Моронова О.Г. Физическая доступность продовольствия как основа региональной продовольственной безопасности // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы: материалы научно-практической конференции. Волгоград: Вологодский филиал РАНХиГС, 2014. С. 194–202.
4. Елагина А.С., Шепетюк Н.Н., Шаулов Л.Б. Социальные проблемы обеспечения доступности продовольствия для населения России // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5 № 5В. С. 318–327.
5. Водясов П.В. К вопросу об оценке физической доступности продовольствия для населения // Продовольственная безопасность, импортозамещение и социально-экономические проблемы развития АПК: материалы Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2016. С. 128–132.
6. Яшкова Н.В., Исаева Е.М. Система оценки продовольственной безопасности региона в условиях цифровой экономики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 1. С. 23–26.

ОБЗОРЫ

УДК 338.465

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТРАСЛЕВЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ УСЛУГ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**Пьянкова С.Г.***Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, e-mail: silen_06@list.ru*

В статье представлен обзор литературы к определению понятий «услуга», «региональный рынок услуг», «отраслевой рынок услуг». Раскрыты механизмы совершенствования отраслевых и региональных рынков услуг, предложенные российскими и зарубежными учеными. В результате исследования установлено, что предложения ученых направлены на развитие значительного спектра услуг (медицинские, банковские, образовательные, бытовые и другие услуги), ориентированы на повышение качества, развитие мониторинга и спектра услуг. Разделяя мнения ученых, которые предлагают совершенствовать процесс оказания услуг посредством формирования и реализации стратегии развития, автор предлагает подход к совершенствованию отраслевых и региональных рынков услуг, включающий ключевые этапы стратегирования, основанный на программно-целевом подходе. Автором предложен спектр целевых показателей и мероприятий (кластеризация отраслевых услуг; оптимизация логистических потоков; государственная поддержка услуг, предоставляемых социально незащищенным категориям граждан; обучение и повышение квалификации персонала; совершенствование IT-ресурсов для повышения качества оценки предоставляемых услуг и другие), рекомендованных для включения в стратегию развития отраслевых и региональных рынков услуг. Реализация представленного подхода позволит повысить качество жизни населения, увеличить уровень занятости населения, поднять производительность труда, увеличить объем и улучшить качество предоставляемых услуг, повысить качество стратегического планирования, расширить объем цифровизации услуг и в целом улучшить социально-экономическое развитие территорий.

Ключевые слова: стратегия, отраслевой рынок услуг, региональный рынок услуг, механизм, совершенствование, производительность труда, занятость

IMPROVEMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL SERVICES MARKETS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**Pyankova S.G.***Ural State University of Economics, Yekaterinburg, e-mail: silen_06@list.ru*

The article provides a review of the literature on the definition of the concepts of «service», «regional services market», and «industry services market». Mechanisms for improving industry and regional service markets proposed by Russian and foreign scientists are disclosed. As a result of the study, it was found that the proposals of scientists aimed at developing a significant range of services (medical, banking, educational, domestic and other services), focused on improving the quality, development of monitoring and the range of services. Sharing the opinions of scientists who propose improving the process of providing services through the formation and implementation of a development strategy, the author suggests an approach to improving industry and regional services markets, including key stages of strategy based on a targeted program approach. The author has proposed a range of targets and measures (clustering of industry services; optimization of logistics flows; state support for services provided by socially disadvantaged categories of citizens; training and professional development of staff; improving IT resources to improve the quality of assessment of services provided and others) recommended for inclusion in development strategy for industry and regional services markets. The implementation of the presented approach will improve the quality of life of the population, increase the level of employment, increase labor productivity, increase the volume and improve the quality of the services provided, improve the quality of strategic planning, expand the scope of digitalization of services and generally improve the socio-economic development of the territories.

Keywords: strategy, industry services market, regional services market, mechanism, improvement, labor productivity, employment

На сегодняшний день сфера услуг является одной из ключевых при обслуживании населения территорий. С учетом тенденций последних лет – введение процессов аутсорсинга, цифровизации, импортозамещения и других – развитие сферы услуг, изучение организационно-экономических механизмов обеспечения ее развития является одной из самых исследуемых тем среди российских и зарубежных ученых. Кроме того, в данной сфере по статистике работает наибольший процент трудоспособного населения. В частности, Н.В. Маслова отмечает,

что на протяжении последних десятилетий наблюдается значительный рост сектора услуг, так, по данным Федеральной службы государственной статистики РФ в 2014 г., в этой сфере было занято 65% трудоспособного населения [1].

Зарубежные исследователи отмечают, что в последние два десятилетия связь между ростом услуг и общим экономическим ростом стала более прочной, поскольку средний вклад услуг в ВВП и добавленную стоимость увеличился. В 2015 г. на добавленную стоимость услуг приходилось 74%

ВВП в странах с высоким уровнем дохода по сравнению с 69% в 1997 г. Увеличение доли услуг в ВВП было еще более заметным в странах с низким и средним уровнем дохода, где оно выросло до 57% в 2015 г. с 48% в 1997 г. [2].

В данной статье остановимся на исследовании вопроса совершенствования отраслевых и региональных рынков услуг, ученые и практики его широко изучают.

Целью настоящего исследования является раскрытие существующих и предложение новых механизмов совершенствования отраслевых и региональных рынков услуг. Для достижения данной цели требуется решить задачи:

- провести обзор литературы по обозначенной теме;
- рассмотреть основные подходы к определению понятий «услуга», «региональный рынок услуг», «отраслевой рынок услуг»;
- раскрыть механизмы совершенствования отраслевых и региональных рынков услуг, предложенные российскими и зарубежными учеными;
- предложить подход к совершенствованию отраслевых и региональных рынков услуг.

Достижение поставленных целей и задач потребовало применения общенаучных методов научного познания – анализ нормативных документов, систематизация и обобщение фактов и понятий.

В научной среде изучением вышеуказанного вопроса занимались: С.Н. Новоселов [3], Э.А. Казиахмедова [4], Е.Е. Фролова, Е.В. Кармадонова [5], Г.Ф. Ситдикова [6], М.Д. Молев, П.А. Пономарев, Е.С. Алексина [7], Н.В. Брыкина [8], М.П. Логинов [9], Л.Г. Протасова [10], С.Г. Пьянкова [11] и многие другие.

На уровне федеральной, региональной и муниципальной власти также акцентируется внимание на повышении качества предоставляемых услуг. В частности, изданы следующие нормативные документы: постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг», постановление Правительства РФ от 15.08.2013 № 706 «Об утверждении правил оказания платных образовательных услуг», постановление Правительства РФ от 24.11.2014 «Об утверждении примерного перечня социальных услуг по видам социальных услуг» и другие.

Понятие «услуга» многозначно, поэтому дадим определение услуги согласно толковому словарю С.И. Ожегова, в котором «услуга» имеет два значения:

- 1) «действие, приносящее пользу другому»;
- 2) «хозяйственные удобства, предоставляемые кому-нибудь» [12].

З.К. Омарова представила следующую группировку услуг, существующую в настоящее время: «транспорт, связь, оптовая и розничная торговля, кредитно-финансовая сфера, страхование, бытовые услуги, культурно-рекреационные услуги и блок услуг социального профиля – образование, здравоохранение, социальные услуги» [13].

Если посмотреть зарубежную литературу, то услуги включают в себя следующий спектр направлений: «торговля, транспорт, информационные, образовательные, медицинские, финансовые и профессиональные услуги» [14].

В настоящее время на сектор услуг приходится самая большая доля как по ВВП, так и по занятости среди всех развитых стран, а также многих из так называемых развивающихся стран. В любом случае в этом секторе происходят очень заметные изменения, обусловленные новыми технологиями и прогрессом в области цифровизации, а также экономической глобализацией, в которой службы играют особенно важную роль. Эти изменения требуют конкретного и углубленного анализа, чтобы объяснить их причины и понять их пространственное и территориальное влияние [15].

«Отраслевые рынки услуг» – «это множество фирм, объединенных выпуском взаимозаменяемых продуктов и одновременно конкурирующих друг с другом в сфере реализации этих продуктов» [16].

Исследованием отраслевых рынков услуг занимались такие ученые и исследователи, как А.Т. Юсупова («выполнен анализ структуры российских отраслевых рынков») [16], А.А. Солкина, М.Б. Щепакин («предложена новая редакция классификации отраслевых рынков») [17], М.В. Щербина («освещена проблематика отраслевых исследований, а также инструментарий и методика их исследования») [18] и др.

«Региональный рынок услуг» – «это совокупность институтов координации выбора производителей услуг, протекающей в условиях прав собственности, контрактов и конкуренции, на основе ценовых параметров и уровня качества предлагаемых услуг» [19].

Региональный рынок услуг изучали такие ученые и исследователи, как А.Н. Лунев, Н.Б. Пугачева, Л.З. Стуколова («проведен анализ институционального порядка, институциональной среды и институциональной структуры регионального рынка услуг как экономического института») [19], Н.В. Попова («выделены основные факто-

ры, влияющие на функционирование и развитие современных региональных рынков услуг» [20], А.А. Кровяков («предложена теоретическая классификационная модель для идентификации качественных состояний рынков услуг с точки зрения спроса и предложения; проведен анализ перечня социально-экономических показателей, способных влиять на спрос и предложение на региональных рынках интеллектуальных услуг»), Н.Г. Гаджи («проанализированы сущность регионального рынка, динамика спроса и предложения и формирование особенностей регионального рынка») [21] и др.

Развитие региональных рынков услуг можно рассматривать как необходимость снизить территориальную социально-экономическую дифференциацию до уровня, обусловленного объективными различиями в регионах, и обеспечить баланс их доходной базы и расходных обязательств [22].

В ходе исследования установлены следующие предлагаемые механизмы совершенствования отраслевых и региональных рынков услуг:

– С.Н. Новоселов: «развитие отраслей, обеспечивающих социально-культурные и бытовые условия функционирования рынка экологических товаров и услуг» [3];

– Э.А. Казиахмедова: «разработана методика оценки эффективности рынка услуг» [4];

– Е.Е. Фролова, Е.В. Кармадонова: «разработка и регулирование объема операций и ценовой политики на рынке банковских услуг» [5];

– Г.Ф. Ситдикова: «предложены организационные формы, обеспечивающие участие организаций предпринимателей и потребителей в регулировании рынка товаров и услуг Республики Саха (Якутия)» [6];

– М.Д. Молев, П.А. Пономарев, Е.С. Алехина: «предложены критерии формирования регионального рынка услуг» [7];

– Н.В. Брыксина: «разработан комплекс мер и формирование инфраструктуры учреждений, ответственных за формирование здорового образа жизни, профилактику неинфекционных заболеваний» [8];

– М.П. Логинов: «раскрыты формы государственной поддержки развития инновационного бизнеса в сфере услуг» [9];

– Л.Г. Протасова «представлены примеры повышения качества по всем направлениям сферы услуг» [10];

– и другие.

Таким образом, можно сделать вывод, что исследования ученых охватывают значительный спектр услуг (медицинские, банковские, образовательные, бытовые и другие услуги), направлены на повыше-

ние качества, развитие мониторинга и спектра услуг.

За рубежом ученые, в частности, предлагают следующие механизмы совершенствования отраслевых и региональных рынков услуг:

– «нормативная реформа рынков услуг, открытие новых услуг (в частности, международные рынки для торговли), проведение инновационного и инвестиционного развития организаций, обучение персонала, развитие цифрового контента, корректировка налоговой системы» [23];

– «проведение специализированного разделения труда, реализация инноваций и внедрение механизмов, обусловленных спросом» [24];

– «активизация исследовательской деятельности в части региональных и городских аспектов услуг» [25];

– «совершенствование государственного регулирования рынков региональных услуг» [22];

– «локализация и агломерация услуг, разработка региональных программ экономического роста, реализация инновационных мероприятий» [25];

– «стимулирование потоков квалифицированной рабочей силы через создание соглашений о взаимном признании для профессиональных услуг, содействие услуг в сфере торговли, улучшение торговой логистики, укрепление институциональной базы, совершенствование условий ведения переговоров» [26];

– «совершенствование и контроль системы информирования о предоставляемых услугах и оценки качества услуг» [27];

– «содействие торговле и интеграции экосистемных услуг» [28].

Автор придерживается мнения ученых, которые предлагают совершенствовать отраслевые и региональные рынки посредством формирования и реализации стратегии развития. Например, А.Г. Ефименко обобщила «существующие стратегии развития рынка автотранспортных услуг, направленные на расширение номенклатуры и качества оказываемых услуг; предложила перспективные направления, стратегические задачи и условия формирования конкурентоспособной и эффективной системы автотранспортного обслуживания АПК» [29]. Также А.Ф. Мишанков разработал «стратегии и методические основы формирования и развития рынков услуг» [30].

Разделяя позицию вышеуказанных ученых, автором предложен следующий подход к совершенствованию отраслевых и региональных рынков услуг (рисунок).

Предлагаемый подход к совершенствованию отраслевых и региональных рынков услуг

Данный подход включает ключевые этапы стратегирования развития отраслевых и региональных рынков услуг, основан на программно-целевом подходе, ориентирован на улучшение качества и увеличение объема оказываемых услуг.

Среди перечня целевых показателей стратегии развития отраслевых и региональных рынков услуг могут быть:

1) абсолютные показатели: объем инвестиций в развитие сферы услуг (млн руб.); прирост количества граждан, пользующихся определенным видом услуг (чел.); увеличение количества услуг (ед.); количество новых рабочих мест в определенной сфере услуг (ед.) и другие;

2) относительные показатели: доля граждан, положительно оцениваемых количеством предоставленной услуги (%); доля услуг, оказываемых через IT-технологии (в частности, госуслуги) и другие.

В качестве мероприятий стратегии автор предлагает следующие:

1) в части развития отраслевых рынков услуг:

- кластеризация отраслевых услуг;
- оптимизация логистических потоков;
- государственная поддержка услуг, предоставляемых социально незащищенным категориям граждан;
- обучение и повышение квалификации персонала;
- введение и/или расширение социального пакета работникам;
- совершенствование IT-ресурсов для повышения качества оценки предоставляемых услуг;
- и другие.

2) в части развития региональных рынков услуг:

- развитие IT-ресурсов для повышения качества оценки предоставляемых услуг;

- поддержка региональных услуг из институтов развития;
- введение преференций и налоговых льгот бизнесу, оказывающих услуги социально незащищенным гражданам;
- реализация независимого мониторинга качества услуг через IT-системы;
- разработка схем оптимизации логистических потоков;
- обучение и повышение квалификации персонала;
- введение и/или расширение социального пакета работникам;
- межмуниципальное и межрегиональное сотрудничество по развитию сферы услуг;
- и другие.

При этом можно отметить, что вопросы государственной поддержки из институтов развития, формирования документов стратегического планирования (институтов стратегического развития) представлены в работе автора «Теоретические основы совершенствования институциональной системы монопрофильной территории» [31]. Вопросы развития «межмуниципального сотрудничества» раскрыты в статье автора «Социально-экономическое развитие монопрофильного города на основе механизма внутренней самотрансформации» [32].

Нужно отметить, что должен соблюдаться принцип взаимосвязи мероприятий и целевых показателей: каждое мероприятие должно быть направлено на достижение определенного целевого показателя.

Вышеуказанный подход позволит повысить качество жизни населения, повысить уровень занятости населения, поднять производительность труда, увеличить объем и качество предоставляемых услуг, повысить качество стратегического планирования, расширить объем цифровизации услуг.

Заключение

Таким образом, вопрос совершенствования отраслевых и региональных рынков услуг является важным и актуальным. Разработка новых и развитие существующих механизмов/подходов в части указанного вопроса позволит как прогрессировать диверсификацию и качество предоставляемых услуг, так и в целом улучшить социально-экономическое развитие территорий.

Исследования автора по данному вопросу будут продолжены.

Список литературы

1. Маслова Н.В. Роль сферы услуг в развитии инновационной экономики // Экономика и предпринимательство. 2017. № 5–1. С. 220–226.

2. The services powerhouse: Increasingly vital to world economic growth. Issues by the Numbers. Deloitte. 2018. [Electronic resource]. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/economy/issues-by-the-numbers/trade-in-services-economy-growth.html> (date of access: 25.06.2020).

3. Новоселов С.Н. Совершенствование механизма государственного регулирования регионального рынка экологических товаров и услуг // Научный вестник ЮИМ. 2013. № 2. С. 72–75.

4. Казиахмедова Э.А. Формирование и развитие регионального рынка товаров и услуг: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Махачкала, 2005. 24 с.

5. Фролова Е.Е., Кармадонова Е.В. Тенденции и направления развития кредитного рынка (на примере Иркутской области). 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=GYqmCAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.06.2020).

6. Ситдикова Г.Ф. Регулирование развития регионального рынка потребительских товаров и услуг: на примере Республики Саха (Якутия): дис. ... канд. экон. наук. 2001. 135 с.

7. Молев М.Д., Пономарев П.А., Алехина Е.С. Основные критерии формирования регионального рынка услуг // Сервис plus. 2007. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/case/service_rostov.htm (дата обращения: 20.06.2020).

8. Брыксина Н.В. Управление инновационно ориентированным развитием сферы услуг здравоохранения // Инновационное развитие сферы услуг в национальной экономике: монография / Науч. ред. Я.П. Силин. Екатеринбург: Изд. УрГЭУ, 2016. С. 187–202.

9. Логинов М.П. Государственное регулирования инновационного развития сферы услуг // Инновационное развитие сферы услуг в национальной экономике: монография / Науч. ред. Я.П. Силин. Екатеринбург: Изд. УрГЭУ, 2016. С. 221–255.

10. Протасова Л.Г. Механизмы повышения качества в сфере услуг // Инновационное развитие сферы услуг в национальной экономике: монография / Науч. ред. Я.П. Силин. Екатеринбург: Изд. УрГЭУ, 2016. С. 264–286.

11. Пьянкова С.Г. Теория и методология системного социально-экономического развития монопрофильных территорий на основе институционального обновления: автореф. дис. ... докт. экон. наук. Екатеринбург, 2015. 28 с.

12. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. М.: Гос. Изд-во словарей, 1953. 776 с.

13. Омарова З.К. Развитие сферы услуг как фактор экономического роста // Фундаментальные исследования. 2007. № 12–2. С. 373–373.

14. Chapter 3. Services Contribution to Manufacturing. 49 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.usitc.gov/publications/332/pub4440c.pdf> (date of access: 20.06.2020).

15. Cuadrado-Roura J.R. Service industries and regional analysis. New directions and challenges. ResearchGate. Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research. 2016. No. 36. P. 107–127.

16. Юсупова А.Т. Отраслевые рынки в российской экономике: особенности структуры и характеристики лидерства // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2008. Т. 8. № 3. С. 53–60.

17. Солкина А.А., Щепакин М.Б. Отраслевой рынок и классификация факторов, определяющих его функционирование и развитие // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2016. № 6. С. 26–30.

18. Щербина М.В. Отраслевые рынки России: опыт системного анализа // Мир новой экономики. 2013. № 1. С. 16–39.

19. Пугачева Н.Б., Лунев А.Н., Стуколова Л.З. Существенная характеристика регионального рынка услуг // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 12.

- С. 96–100. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.booksc.huз/book/33554802/82687e> (дата обращения: 20.06.2020).
20. Попова Н.В. Особенности формирования и развития региональных рынков услуг // *Terra Economicus*. 2011. Т. 9. № 3–3. С. 112–115.
21. Гаджи Н.Г. Сущность регионального рынка и факторы, влияющие на его формирование // *Международный научный журнал*. 2015. № 3. С. 54–57.
22. Erdyneeva K.G., Vasilyeva K., Klysova E.V., Nikonova T.V. The Mechanism of State Regulation of Regional Services Markets as an Imperative to Reduce Territorial Socio-Economic Disparities. *International Review of Menedement and Marketing*. 2016. P. 274–280.
23. Growth in Services. Fostering Employment, Productivity and Innovation. Meeting of the OECD Council at Ministerial Level. 2005. 23 p.
24. Cheng D. The development of the service industry in the modern economy: mechanisms and implications for China. *Springer Link*. 2013. No. 3. [Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/2196-5633-1-3> (date of access: 25.06.2020).
25. Cuadrado-Roura J.R. Service industries and regional analysis. New directions and challenges. *ResearchGate. Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research*. 2016. No. 3. P. 107–127.
26. ASEAN Services Integration Report. A Joint Report by the ASEAN Secretariat and the World Bank. The ASEAN Secretariat. Office of the Chief Economist, East Asia and Pacific Region, the World Bank. 2015. Indonesia. 191 p.
27. Marketing of services. Pondicherry University. [Electronic resource]. URL: http://www.pondiuni.edu.in/storage/dde/downloads/markiv_sm.pdf (date of access: 25.06.2020).
28. Whitten S., Salzman J. Dave Shelton and Wendy Proctor. Markets for ecosystem services: Applying the concepts. *CSIRO Sustainable Ecosystems*. 2003. 22 p.
29. Ефименко А.Г. Стратегия развития рынка автотранспортных услуг в АПК // *Проблемы экономики*. 2016. № 2 (23). С. 40–51.
30. Мишанков А.Ф. Стратегии формирования и развития рынков услуг в территориальных социально-экономических системах Российской Федерации: дис. ... канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2009. 204 с.
31. Пьянкова С.Г. Теоретические основы совершенствования институциональной системы монопрофильной территории // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2015. № 3 (12). С. 5–15.
32. Пьянкова С.Г. Социально-экономическое развитие монопрофильного города на основе механизма внутренней самотрансформации // *Экономическое возрождение России*. 2018. № 1 (55). С. 91–104.